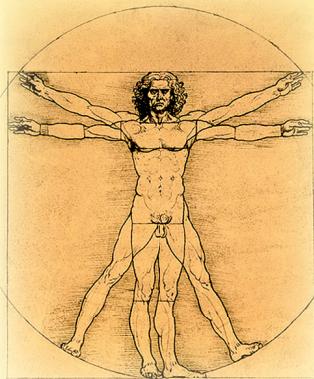

Учёные записки

ISSN 2076-4359
№ VI (86)
2025

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

Науки о человеке, обществе и культуре

16+

Рукописи проходят обязательное рецензирование.

Отделы журнала «Управление», «Вычислительная техника и информатика», «Машиностроение», «Культурология и искусствознание» включены в перечень изданий ВАК РФ.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России. Свидетельство ПИ № ФС7738212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Ученые записки Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты: journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Учёные записки КнАГТУ», находящейся на сайте <https://uzknastu.ru>

Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и издателя:
681013, г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27
Телефон для справок:
+7 (4217) 528-548

Адрес редакции: 681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
ул. Комсомольская, д. 50, ауд. 508

Индекс журнала
в каталоге Роспечать: 66090.
Цена свободная.
© Все права на опубликованные
материалы принадлежат учредите-
лю журнала – ФГБОУ ВО
«КнАГУ», при их цитировании
ссылка на журнал обязательна.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала:	Алексей Иванович Евстигнеев, доктор технических наук, профессор. E-mail: diss@knastu.ru
Заместитель главного редактора журнала:	Александр Витальевич Космынин, доктор технических наук, профессор. E-mail: avkosc@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о природе и технике»:	Евгения Павловна Иванкова, кандидат технических наук, доцент. E-mail: peit@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о человеке, обществе и культуре»:	Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Литературный редактор:	Татьяна Николаевна Карпова. E-mail: karpovat@list.ru
Технический редактор:	Татьяна Николаевна Карпова. E-mail: karpovat@list.ru
Перевод на английский язык:	Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Дизайн и верстка:	Оксана Вадимовна Приходченко, кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru
Менеджер информационных ресурсов:	Татьяна Владимировна Степанова. E-mail: osnid@knastu.ru
Администратор сайта:	Оксана Вадимовна Приходченко, кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru

Серия: «Науки о природе и технике»

Ответственный секретарь серии «Науки о природе и технике»	Евгения Павловна Иванкова, кандидат технических наук, доцент. E-mail: peit@knastu.ru
---	---

Отделы:

1. Авиационная и ракетно-космическая техника (2.5.13 - Проектирование, конструкция и производство летательных аппаратов)	Сергей Иванович Феоктистов, доктор технических наук, профессор. E-mail: ssf@knastu.ru Сергей Борисович Марынин, доктор технических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru
2. Энергетика (2.4.2 - Электротехнические комплексы и системы)	Константин Константинович Ким, доктор технических наук, профессор. E-mail: kimkk@inbox.ru Александр Владимирович Сериков, доктор технических наук, профессор. E-mail: em@knastu.ru Сергей Николаевич Иванов, доктор технических наук, доцент. E-mail: snivanov57@mail.ru
3. Управление (2.3.3 - Автоматизация и управление технологическими процессами и производствами)	Вячеслав Алексеевич Соловьев, доктор технических наук, профессор. E-mail: kerapar@knastu.ru Андрей Юрьевич Торгашов, доктор технических наук, доцент. E-mail: torgashov@iacp.dvo.ru
4. Вычислительная техника и информатика (1.2.2 - Математическое моделирование, численные методы комплексов программ)	Валерий Иванович Одиноков, доктор технических наук, профессор. E-mail: osnid@knastu.ru Александр Витальевич Космынин, доктор технических наук, профессор. E-mail: avkosc@knastu.ru
5. Машиностроение (2.5.5 - Технология и оборудование механической и физико-технической обработки)	Борис Яковлевич Мокрицкий, доктор технических наук, профессор. E-mail: boris@knastu.ru Владимир Сергеевич Щетинин, доктор технических наук, доцент. E-mail: schetinin@mail.ru
6. Материаловедение и химические технологии (2.6.17 - Материаловедение)	Эдуард Анатольевич Дмитриев, доктор технических наук, профессор. E-mail: rector@knastu.ru Олег Викторович Башков, доктор технических наук, профессор, E-mail: bashkov_ov@mail.ru
7. Математика и механика (1.1.8 - Механика деформируемого твёрдого тела)	Анатолий Александрович Буренин, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН. E-mail: burenin@iacp.dvo.ru Константин Сергеевич Боромотин, доктор физико-математических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru Олег Викторович Башков, доктор технических наук, профессор, E-mail: bashkov_ov@mail.ru Олег Евгеньевич Сысоев, доктор технических наук, профессор, E-mail: sia@knastu.ru

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Ответственный секретарь серии «Науки о человеке, обществе и культуре»	Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
---	--

Отделы:

1. Культурология и искусствознание (5.10.1 - Теория и история культуры, искусства)	Яна Станиславовна Крыжановская, доктор культурологии, доцент. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru Евгения Валерьевна Савелова, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент. Виктория Юрьевна Прокофьева, доктор филологических наук, профессор. Илья Игоревич Докучаев, доктор философских наук, профессор.
2. Психология и педагогика (5.8.1 - Общая педагогика, история педагогики и образования)	Татьяна Евгеньевна Наливайко, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: tenal@knastu.ru
3. История (5.6.1 - Отечественная история)	Жанна Валерьяновна Петрунина, доктор исторических наук, профессор. E-mail: petrunina71@bk.ru, history@knastu.ru

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

Содержание

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ

Димитриади Е. М.

МОЗАИЧНЫЕ ПАННО В ОФОРМЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ ГОРОДОВ

ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХХ ВЕКА

(НА ПРИМЕРЕ РАБОТ Н. П. ДОЛБИЛКИНА) 4

Ковынева Л. В., Курбанова Л. М., Покровская-Бугаева Е. В.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВЫХ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА..... 11

Малышева Н. В., Казымова Л. А.

КОНЦЕПТ «ГРАНИЦА» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ..... 19

Мусалитина Е. А.

КИТАЙСКИЙ ДРАКОН: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

ВОСПРИЯТИЯ СИМВОЛА ЗАПАДОМ..... 28

Мусалитина Е. А., Гукало Е. К.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКОГО ТЕАТРА

В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО

КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА..... 37

Марков А. В., Штайн О. А.

ФИЛОСОФИЯ МАСКАРАДА..... 43

Сова О. Н.

ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АБСЕНТЕИЗМА

КАК ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ..... 51

Суленёва Н. В., Емченко Е. П.

ОСТРОУМИЕ В СВОБОДНОМ ИСКУССТВЕ: ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВ..... 57

Титорева Г. Т.

ЗАПРЕТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЭВЕНОВ ПРИОХОДЯ..... 63

Чжан Ифэн

КАЛЛИГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ..... 69

Шереметьева М. А., Савелова Е. В.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:

ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ..... 77

Шушарина Г. А.

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ ФИТОНИМОВ В ПОЭЗИИ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ..... 88

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Наливайко Т. Е., Болотская Я. А.

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ

В СФЕРЕ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ..... 94

ИСТОРИЯ

Трубич О. А.

АНТРОПОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

(1899 – 1909 ГГ.): ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 101

Ярославцева Т. А., Ярославцев А. В.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КВАРТИРНЫЙ НАЛОГ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ ЖИЛИЩНЫХ ОТНОШЕНИЙ..... 111

Платонова Н. М.

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННО-ГРАЖДАНСКОГО КОМПЛЕКСА

ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР (1965 – 1985 ГГ.)..... 119

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ
CULTURAL STUDIES AND ART STUDIES

Димитриади Е. М.
E. M. Dimitriadi

**МОЗАИЧНЫЕ ПАННО В ОФОРМЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ ГОРОДОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХХ ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ
Н. П. ДОЛБИЛКИНА)**

**MOSAIC PANELS IN THE DESIGN OF PUBLIC BUILDINGS IN THE CITIES OF THE FAR
EAST IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY (USING THE EXAMPLE
OF N. P. DOLBILKIN'S WORKS)**

Екатерина Михайловна Димитриади – старший преподаватель кафедры «Дизайн архитектурной среды» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. +7(984)299-24-79. E-mail: katedidi@yandex.ru.

Ekaterina M. Dimitriadi – Senior Lecturer, Architectural Environment Design Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. +7(984)299-24-79. E-mail: katedidi@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию монументального искусства – советской мозаики как культурного феномена, отражающего идеологические и художественные особенности эпохи советского периода в формировании городских пространств. Анализируются значимые произведения Н. П. Долбилкина, отражающие ключевые идеологические и художественные тенденции эпохи, которые позволяют проследить, как монументальное искусство формировало визуальную среду городов Дальнего Востока (Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска), сочетая эстетику с пропагандой социалистических ценностей. В работе рассматриваются основные темы и мотивы, присущие произведениям Н. П. Долбилкина, такие как патриотизм, труд, коллективизм и стремление к идеалам социализма. Исследуется влияние социалистического реализма на творчество художника и его способность адаптировать традиционные художественные формы к новым социальным условиям. Проводится анализ наиболее значимых монументальных работ художника: мозаичных панно «Молодость и борьба», «Наука», «Семья».

Summary. The article is devoted to the study of monumental art – Soviet mosaic as a cultural phenomenon reflecting the ideological and artistic features of the Soviet period in the formation of urban spaces. The article analyzes significant works by N. P. Dolbilkin, reflecting the key ideological and artistic trends of the era, which allow us to trace how monumental art shaped the visual environment of the Far Eastern cities of Komsomolsk-on-Amur and Khabarovsk, combining aesthetics with the propaganda of socialist values. The works examine the main themes and motifs inherent in the works of N. P. Dolbilkin, such as patriotism, labor, collectivism and the desire for the ideals of socialism. The influence of socialist realism on the artist's work and his ability to adapt traditional artistic forms to new social conditions are studied. An analysis of the artist's most significant monumental works «Youth and Struggle», «Science», «Family» is carried out.

Ключевые слова: визуальная культура, визуальный облик, художественная культура, мозаичное панно, город, городское пространство.

Key words: visual culture, visual appearance, artistic culture, mosaic panel, city, urban space.

УДК 7.04

В условиях современного интереса к сохранению исторического наследия и переосмысливанию советского прошлого исследование приобретает особую значимость. Анализ мозаичных панно позволяет глубже понять механизмы взаимодействия искусства, власти и общества в СССР, а также их влияние на формирование городской среды. В статье выявляются художественные особенности советской мозаики работ Н. П. Долбилкина. Географические рамки исследования определяются административными границами городов Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска, в которых встречаются яркие примеры работ Н. П. Долбилкина, демонстрирующие героизм труда, вы-

Димитриади Е. М.

МОЗАИЧНЫЕ ПАННО В ОФОРМЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ ГОРОДОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ Н. П. ДОЛБИЛКИНА)

дающиеся достижения общества и отдельных людей, ценности семьи и мировоззрения советской эпохи.

Эмпирический материал исследования составили: мозаичные панно и рельефы Н. П. Долбилькина (серия мозаичных панно «Молодость и борьба», «Наука», «Семья»); фотоматериалы и искусствоведческие описания произведений; архивные документы, включая постановления советского правительства.

Для анализа мозаичных композиций применены следующие подходы и методы исследования: культурно-исторический подход для рассмотрения мозаик в контексте эпохи, иконографический анализ для изучения сюжетов и символики мозаик, формально-стилистический анализ для определения художественных особенностей произведений [3; 4; 7]. Каждый из выбранных методов имеет свои ограничения, поэтому была выбрана стратегия комплексного подхода, которая позволит расставить акценты на ключевых аспектах темы, а также структурировать полученные результаты. В связи с тем что мозаика представляет собой особый вид изобразительного искусства и использовалась в качестве декоративного материала в архитектуре сооружений различного назначения, этот вид искусства выступал в роли адепта в архитектуре. Мозаика раскрывала и уточняла величественные образы сооружений [10]. Как транслятор мировоззрения и жизненных ценностей мозаика открывает возможности демонстрации культурных веяний эпохи, в которой она создавалась.

Для более чёткого понимания стратегии исследования определим круг учёных, которые сформировали методологию исследования в ракурсе изучения объектов искусства в архитектуре, а также выявим принципы анализа каждого исследовательского метода. Культурно-исторический подход предполагает анализ мозаики как вида искусства в контексте исторических и культурных условий эпохи. В данном ракурсе исследования проводились такими учёными, как Ю. М. Лотман, Л. С. Выготский, М. К. Мамардашвили, В. П. Зинченко, Г. Г. Шпет, О. А. Швидковский, Г. Г. Кравцов, Л. Ю. Лиманская. Этот подход позволяет выявить ценности общества, его идеалы и традиции, а художественные и эстетические способы выражения в форме, композиции, ритме и пропорциях делают возможным считывать представления общества об эпохе, воплощённые в рисунке мозаики.

Более подробно мозаика рассматривается в иконографическом анализе, который представляет собой метод исследования внутреннего содержания произведения искусства. Примеры использования данного метода находят своё отражение в трудах различных авторов (Н. В. Покровский, А. Грабар, Ф. Брюно, Г. Сварценский, Дж. Александр, А. В. Пожидаева, Э. Панофский, М. Либман, Ч. Попов, Э. О. Гомбрих, Г. Бандман, С. С. Ванеян, Г. И. Ревзин, А. Г. Раппапорт). Инструментарий данного вида исследования основывается на выявлении, идентификации и интерпретации сюжета мозаики, художественных образов и символов, заключённых в ней.

В исследовании мозаики в архитектуре можно выделить такие аспекты, как структура и выразительные качества стиля, присущего произведению искусства, его колорит, манера и техники подачи, материал исполнения. Описание внешних признаков и элементов произведения играет важную роль в оценке художественной формы, которая определяет внутреннюю организацию. Этот алгоритм представляет собой формально-стилистический анализ, который отражается в научных трудах Г. Вёльфлина, М. В. Москалюка, М. А. Полевщиковой, С. Д. Петренко, А. А. Танюшиной.

Мозаика как феномен искусства демонстрирует художественные образы сюжетов, которые заключают в себе отражение исторических, культурных, социальных и политических реалий времени. Хронологические рамки исследования выбраны в границах 1950-1970-х гг., что позволяет выявить ряд авторских работ художника, выполненных в указанный период. Временной период выбран неслучайно, т. к. он играет большую роль в формировании мирового искусства в целом, а также является ярким примером роли политической идеологии в развитии страны и, как следствие, её отражением в искусстве.

Советская мозаика является одной из наиболее примечательных иллюстраций отражения культурных особенностей российской действительности, где культура СССР предстаёт в виде ма-

териальной формы и отражает мировоззрение эпохи. Анализ художественного образа мозаичных панно позволяет выявить важные аспекты монументального искусства как особого взгляда художника на сложившуюся картину мира, т. е. его творчества и процесса восприятия обществом произведения искусства. При анализе художественного образа в произведении искусства выявляется художественная идея автора, где идея отражает ассоциативные связи, а через мышление выражаются характерные особенности реальной действительности [1].

Творчество позволяет рассматривать художественную идею как идеальную основу создания произведений искусства и взаимодействия человека с окружающим миром. Выражая свою мысль, автор передаёт своё видение мира с помощью впечатлений и приобретённого опыта, наблюдений и размышлений. Интерпретация художественного замысла определяет индивидуальные особенности исполнителя, раскрывает идею объекта искусства. Придавая разнообразные смыслы своему произведению, автор наполняет каждую деталь определённой символикой, что подталкивает наблюдателя воспринимать его творение через призму воображения, эмоции и чувства. В монументальном искусстве символический язык представляет собой особую форму проявления культуры. Используя сложные сюжеты и тонкую технику, мастер в своей мозаике передаёт яркие визуальные образы.

Мозаика выполнялась советскими скульпторами и художниками как декоративное украшение фасадов зданий советской архитектуры. Создавая барельефы и панно, авторы иллюстрировали космические сцены, фрагменты из театральных спектаклей, изображали выдающихся рабочих, учёных, педагогов и учащихся. При этом архитектурный носитель становится неотъемлемой частью визуальной среды города, его культурным наследием.

Рассматривая мозаичные панно советского периода, нельзя не отметить их красочное многообразие. Отражая повседневную жизнь, мозаичные сюжеты представляют собой искусство, пронизанное элементами повседневности, поэтому стали визитной карточкой постсоветского города. Советская идеология, господствующая в СССР, стала одним из факторов возникновения стиля, характерного для мозаичных панно – социалистического реализма. Первые публикации о «социалистическом реализме» как художественном направлении впервые появились в 1932 году в передовой статье «Литературной газеты». Этот стиль был призван транслировать эстетические и единственно верные принципы политики: партийность и народность, интернационализм и социалистический гуманизм – отражать фундаментальные этапы развития и движения социалистического общества к коммунизму. В этот же период в СССР отмечаются стремительный подъём и развитие в сфере науки, техники, освоении космоса. Именно поэтому в сюжетах мозаичных панно встречаются иллюстрации в стиле социалистического реализма, где изображены герои труда, воины-освободители, космонавты, спортсмены, пионеры и колхозники.

Таким образом, советская мозаика стала одним из редких инструментов декоративного освоения города, декоративно-прикладным жанром СССР, демонстрирующим эволюцию идеологии. Искусство мозаики сочетает в себе архитектуру и монументальную живопись, благодаря чему стала советской традицией организации визуального облика городской среды, а произведения, выполненные в этой технике, значительно повлияли на художественный образ многих городов постсоветского пространства [9]. Рассмотрим некоторые из них.

Одним из таких городов, который славится наследием мозаичных панно, является г. Комсомольск-на-Амуре. Сформировавшийся на Дальнем Востоке новый советский город был центром оборонной промышленности страны. Для того чтобы передать основной исторический путь города, геройство первостроителей города, символическую структуру городского пространства, применяются методы архитектурной и художественной изобразительности. Культурные ценности, выраженные в архитектуре города, отражают идеологию, передаваемую через художественно-декоративные элементы пространственных форм, а также выявляют ключевые ценностные приоритеты и идеологическую мотивацию [8].

Один из представителей социалистического реализма – Николай Павлович Долбилкин (1923–2010), известный советский и российский художник-монументалист, чьё творчество харак-

теризуется масштабностью, глубоким идейным содержанием и использованием монументальных форм.

Н. П. Долбилкин внёс вклад в художественное развитие пространства г. Комсомольска-на-Амуре: его работы украшают интерьеры и экстерьеры зданий города, демонстрируя свершения нашей страны, сложность жизни возведившегося на дальневосточной окраине России города, в котором зарождались градообразующие предприятия: Судостроительный завод № 199, Авиастроительный завод № 126, завод «Амурсталь», завод «Амурлитмаш» № 313, Аккумуляторный завод. Н. П. Долбилкин создавал панно из смальты, керамики и других материалов, отличавшиеся долговечностью и яркостью, которые стали важной частью визуальной культуры советского города. За свою жизнь художник выполнил немало мозаичных панно в Советской Гавани, Хабаровске и Переяславке. Однако на Дальнем Востоке только в двух городах особенно отметились мозаичные композиции, украшающие городские пространства – во Владивостоке и Комсомольске-на-Амуре.

В 1955 году Николай Павлович был приглашён в г. Комсомольск-на-Амуре для выполнения нескольких мозаичных панно в одном из залов Дома культуры Судостроителей. Тема мозаичного панно для дома культуры была посвящена советской антифашисткой организации юношей и девушек «Молодая гвардия». При реализации работы художнику пришлось столкнуться с рядом проблем. Архитектурные особенности здания дома культуры затрудняли установку мозаичной композиции. Основная проблема заключалась в том, что композицию мозаик разместили на месте, не предназначенном для удобного просмотра объекта искусства. А вышедшее позднее постановление Главы Правительства СССР Н. С. Хрущёва, касающееся излишеств градостроительства, сделало дальнейшую работу невозможной. Согласно этому постановлению, все материалы, кроме стекла и бетона, должны были быть исключены из архитектурных объектов.

Несмотря на достаточно сложный путь, мозаика Дворца культуры была реализована. Описывая данное произведение, стоит обратить внимание на помещение, в котором разместилась мозаика. В обширном зале Комсомольского-на-Амуре дворца культуры перед зрителем предстают друг напротив друга триптихи, объединённые одной темой – «Молодость и борьба». Центральной композицией южного триптиха является образ матери с сыном, который олицетворяет Родину. Образ матери демонстрирует зрителю скромно одетую женщину с простым и спокойным лицом. Спокойствие, которое передаётся через цветность красок, отождествляет безмятежность композиции: голубые и властные глаза, платок терракотового цвета. Рядом с матерью у колен расположился мальчик в голубой матроске. Ощущение тепла передаётся через трепетание света в кусочках смальты, золота мозаики и цвета земляной охры. Вместе с тем спокойствие композиции сопровождается тем, что происходит в жизни: справа и слева отражены драматические события – две войны (см. рис. 1).

Сюжет панно достаточно динамичен. Фигуры демонстрируют момент боя. Ярко-красный флаг развёрнут в сильных руках над головой и плечами гиганта, который изображён в яркой белой рубашке. Товарищ рядом успокоено берёт оружие «на ремень», а рядом другой вытирает пот с лица. Фигура сидящего мужчины поддерживает на коленях тело павшего товарища. Красочная гамма панно (оранжевые, белые, сиреневые цвета) подчёркивает яркость каждой фигуры [5, 8].

Тема третьего триптиха композиции – «Победа над смертью» («Молодая гвардия»), победа над фашизмом. Восемь фигур, вписанных в круговой пластический ритм, охвачены общей участью – неизбежностью и обречённостью. В центре композиции находится фигура девушки со спокойным лицом, которая утешает и помогает остальным в их непростой судьбе. Об этом сообщает наблюдателю цвет платья девушки – пурпурный, символизирующий цвета победы. Непобедимая пара, изображённая справа, даже в этот скорбный час не забывает о своей любви друг к другу. Несколько мужских фигур противопоставлены другим элементам композиции своей статичностью и монументальностью. Находящиеся за женщиной фигуры выражают борьбу за светлое будущее и превосходство над смертью. Композиция первого южного триптиха «Мать Родина» несёт в себе символику тяжести военного времени, отстаивания жизни без войны, сохранения любви [5, 8] (см. рис. 1).

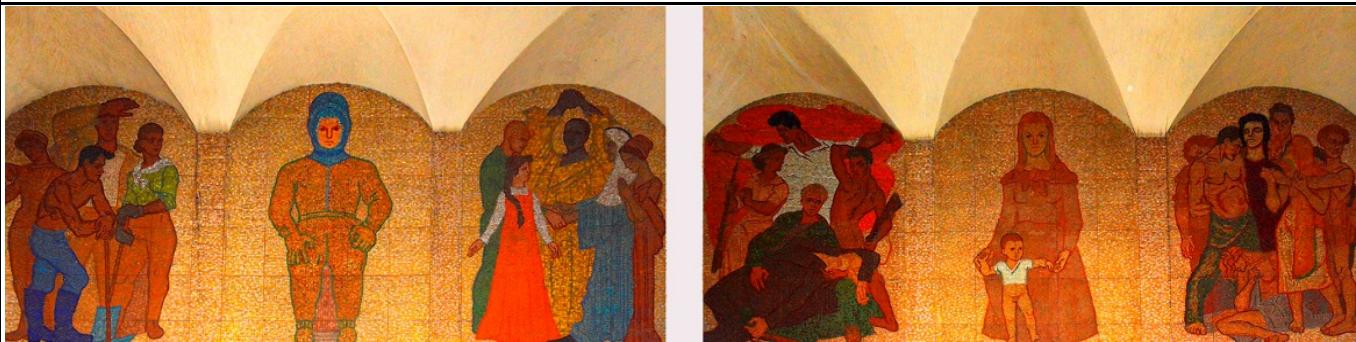

Рис. 1. Мозаичные панно-триптихи: «Достояние космоса» и «Молодость и борьба». Мемориальный зал Дома культуры Судостроителей, г. Комсомольск-на-Амуре, 1965 г.

Тема северного триптиха – вечность жизни. Центром второго триптиха является космонавт. Формальные очертания фигуры центральной композиции демонстрируют принятые положение жизни и действительности. Перед наблюдателем предстаёт фигура исследователя и первооткрывателя космоса, опережающего своё время. Композиция выполнена в тёплых тонах охры. Слева расположена часть триптиха «Группа труда». Выполненная композиция имеет яркий колорит. Художнику удалось передать индивидуализацию фигур в круговом ритме. Справа представлены образы людей разных рас, что подчёркнуто богатой колористической расцветкой. Зрителю представляются такие цвета, как зелёный, пурпурный, оранжевый и голубой, которые в искрах смальты расстилаются ярким ковром бытия [5, 9] (см. рис. 1). Стоит отметить, что при разном освещении колорит каждого триптиха обретает особые оттенки.

В 1960 г. художник принимал участие в республиканской выставке «Монументалисты России» в г. Москве, где демонстрировались мозаичные фрагменты композиций на тему «Молодость и борьба». В 1961 г. Н. П. Долбилкин был принят в члены Союза художников СССР. В 1965 г. в Доме культуры Судостроителей в Комсомольске-на-Амуре состоялось официальное торжественное открытие мозаичных панно с участием горожан. На открытии демонстрировался фильм «Песня моя – тебе, Комсомольск», посвящённый открытию мозаик. Дальневосточная студия кинохроники создала целую серию киножурналов, посвящённую этим мозаикам. Писатель и историк В. Н. Иванов написал о них восторженный отзыв: «“Молодость и борьба” Н. П. Долбилкина – работа эпохальная. Мы, скромные периферийные работники культуры и искусства, считаем себя счастливыми, видя, как среди нас, в обстановке лесов, гор, вод Дальнего Востока создалась работа – пересылающая, передающая древнюю эстафету искусства мозаик Константинополя, Венеции, Равенны от античных творений вечной Эллады до наших неудержимо рвущихся вперёд дней, соединяя красоту вечности с шумом подымавшегося человечества» [6].

Ещё одной работой Николая Павловича стало рельефное мозаичное панно «Наука» (1972), украшающее фасад одного из корпусов Комсомольского-на-Амуре государственного университета. Панно олицетворяет дух исследовательского и образовательного стремления. Композиция гармонично сочетает в себе яркие цвета и динамичные формы, отражающие различные аспекты научных дисциплин и достижения человечества. Мозаичное панно не только украшает пространство университета, но и вдохновляет зрителей, побуждая их задуматься о значении науки в современном мире. Каждая деталь мозаики тщательно продумана, что делает её не только эстетически привлекательной, но и символически насыщенной, позволяя зрителям увидеть важность научного подхода к жизни и развитию общества (см. рис. 2).

Примером отражения ключевых идеалов социалистического общества в монументальном искусстве служит мозаичное панно «Семья» (1973) в г. Хабаровске. Это произведение, размещенное на фасаде Дворца культуры Профсоюзов, отмечается особой красочностью [5, 28]. В работе прослеживается несколько основных тем. Во-первых, мозаичное панно демонстрирует идеал советской семьи как ячейки общества, основанной на любви, взаимопомощи и единстве. В центре

композиции изображены родители и ребёнок, подчёркивается важность семейных ценностей и преемственности поколений. Во-вторых, прослеживается идея труда как основы благополучия и счастья. Зрителю показывают семью в контексте трудовой деятельности, отражая ключевую идею советской идеологии. Яркие цвета и симметричность композиции, характерные для стиля Н. П. Долбилкина, передают оптимизм и веру, т. к. именно семья закладывает основу построения будущего и надежду на счастливую жизнь для следующих поколений (см. рис. 3).

Рис. 2. «Наука». Рельеф с мозаикой на фасаде здания Комсомольского-на-Амуре государственного университета, 1979 г.

Рис. 3. «Семья». Мозаика на фасаде дворца культуры профсоюзов, Хабаровск, 1973 г.

Таким образом, представление художественной мысли и образа является неотъемлемой частью человеческой культуры, способной выражать самые сложные и глубокие идеи, служить мостом между прошлым и настоящим, что формирует ценности и смыслы общества [9]. Анализируя работы Н. П. Долбилкина, стоит отметить, что автор обращался к мозаикам из смальты, когда требовалось обозначить символические или же социально-значимые реалии эпохи, что нашло своё отражение в цветовых оттенках материала. Мозаики характеризуются художественными особенностями: яркой цветовой гаммой, динамичной композицией, использованием долговечных материалов, эстетической и технической значимостью. Сегодня мозаичные панно Н. П. Долбилкина приобретают новое значение, становясь объектами культурного наследия, и их изучение важно не только для понимания советского искусства, но и для осмыслиния механизмов взаимодействия власти, идеологии, творчества и искусства в целом. Произведения, созданные в стиле социалистического реализма, служили не только украшением городской среды г. Комсомольска-на-Амуре и г. Хабаровска, но и мощным инструментом пропаганды, транслирующей ключевые ценности советской эпохи: героизма и труда, научного прогресса, семейного единства и патриотизма [2].

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что выявленный алгоритм исследования позволяет провести ассоциативное описание объектов искусства в архитектуре, рассмотреть их в рамках исторических и культурных особенностей эпохи, получить данные для использования в построении визуального образа города. Исследование советского мозаичного искусства закладывает основу для дальнейшего изучения художественной выразительности городской среды на Дальнем Востоке. Практическая значимость работы заключается в том, чтобы использовать эти знания для

совершенствования визуального облика городов и дополнить теоретические представления о колористике места. Полученные практические рекомендации по современным интерпретациям образа и цвета мозаик могут быть внедрены в актуальные архитектурные решения сооружений различного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабичева, Т. А. Художественно-образное мышление: особенности взаимодействия идеи и образа в социальном познании / Т. А. Бабичева, В. И. Кошелев // ГВУЗ «Приазовский государственный технический университет». Серия: Технические науки. – 1998. – № 5. – С. 193-195.
2. Быкова, Е. В. Истоки и развитие творческой жизни города Комсомольска-на-Амуре 1935-2005 гг. / Е. В. Быкова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2008. – № 1. – С. 29-38.
3. Виппер, Б. Р. Введение в историческое изучение искусства / Б. Р. Виппер. – М.: Издательство В. Шевчук, 2015. – 460 с.
4. Власов, В. Г. Иконография. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. Т. 4 / В. Г. Власов. – СПб.: Азбука – Классика, 2006. – 751 с.
5. Долбилкин, Н. П. Мозаики в архитектуре Хабаровского края: [альбом] / Н. П. Долбилкин; ст.: Вс. Н. Иванов, С. И. Красноштанов, Л. П. Тарвид; Общерос. творч. обществ. орг., Союз художников России, М-во культуры Хабар. края. – Хабаровск: Азимут, 2007. – 64 с.
6. Долбилкин, Н. П. Моя эпоха в портретах: Мозаика. Живопись. Графика / Н. П. Долбилкин. – Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2004. – 176 с.
7. Полевщикова, М. А. Формально-стилистический метод в искусствознании. Анализ произведений по книге Г. Вёльфлина «Основные понятия истории искусства» / М. А. Полевщикова // Молодой учёный. – 2016. – № 27 (131). – С. 810-813.
8. Сохацкая, Д. Г. Морфология культурного пространства города и алгоритмы его конструирования: на примере г. Комсомольска-на-Амуре: автореф. дис. ... канд. культурологии: 5.10.1 / Сохацкая Дарья Геннадьевна. – Санкт-Петербург, 2024. – 220 с.
9. Студеникин, Н. А. Советская мозаика в современном российском городе: как монументальное наследие может вновь стать ценностью? / Н. А. Студеникин // Городские исследования и практики. – 2004. – Т. 9. – № 1. – С. 55-78.
10. Умаров, Я. Н. Мозаика – один из видов монументально-декоративного искусства / Я. Н. Умаров // Вестник науки. – 2023. – № 5 (62). – С. 1053-1057.

**Ковынева Л. В., Курбанова Л. М., Покровская-Бугаева Е. В.
L. V. Kovuneva, L. M. Kurbanova, E. V. Pokrovskaya-Bugaeva**

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВЫХ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА

ON THE INFLUENCE OF DIGITAL MULTIMEDIA TECHNOLOGIES ON THE DEVELOPMENT OF MODERN TOURISM CULTURE

Ковынева Лариса Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. 8(4212)40-73-94. E-mail: lorikov@mail.ru.

Larisa V. Kovuneva – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Department of International Communications, Service and Tourism, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); tel. 8(4212)40-73-94. E-mail: lorikov@mail.ru.

Курбанова Лариса Михайловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры международных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. 8(4212)40-73-94. E-mail: lamiku@mail.ru.

Larisa M. Kurbanova – PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Department of International Communications, Service and Tourism, Far Eastern State University of Railway Transport (Russia, Khabarovsk); tel. 8(4212)40-73-94. E-mail: lamiku@mail.ru.

Покровская-Бугаева Екатерина Владимировна – аспирант, старший преподаватель кафедры международных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. 8(4212)40-73-94. E-mail: katuh0928@yandex.ru.

Yekaterina V. Pokrovskaya-Bugayeva – Postgraduate Student, Senior Lecturer, Department of International Communications, Service and Tourism, Far Eastern State University of Railway Transport (Russia, Khabarovsk); tel. 8(4212)40-73-94. E-mail: bugaeva_ev80@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена влиянию цифровых мультимедийных технологий на развитие культуры современного туризма. Рассмотрены концептуальные подходы к пониманию и определению «мультимедиа». Обозначены важнейшие направления использования цифрового инструментария (виртуальные туры, мобильные приложения, интерактивные карты, дополненная реальность и др.) в культуре современного туризма. Отмечены изменения в способах планирования путешествий, потребления туристских услуг, сохранения культурного наследия. Обобщён зарубежный и российский опыт применения цифровых мультимедийных технологий в сфере туризма в условиях межкультурного взаимодействия. Особое внимание уделено особенностям восприятия туристских дестинаций участниками туров в контексте общекультурной цифровизации. Материалы статьи могут вызвать интерес как у практиков – организаторов современных туров, так и теоретиков-культурологов, рассматривающих туризм как некую универсальную форму человеческой деятельности, реализующуюся в единстве природного и культурного.

Summary. The article is devoted to the influence of digital multimedia technologies on the development of modern tourism culture. Conceptual approaches to understanding and defining «multimedia» are considered. The most important areas of using digital tools (virtual tours, mobile applications, interactive maps, augmented reality, etc.) in the culture of modern tourism are outlined. Changes in the ways of planning trips, consuming tourist services, preserving cultural heritage are noted. Foreign and Russian experience in using digital multimedia technologies in tourism in the context of intercultural interaction is summarized. Particular attention is paid to the peculiarities of perception of tourist destinations by tour participants in the context of general cultural digitalization. The materials of the article may be of interest to both practitioners – organizers of modern tours, and theoreticians-culturalists who consider tourism as a universal form of human activity, realized in the unity of the natural and cultural.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, мультимедийные технологии, виртуальные технологии, иммерсивные экскурсии, культура туризма.

Key words: digitalization, digital technologies, multimedia technologies, virtual technologies, immersive tours, culture of tourism.

УДК 338.48

Культура туризма в эпоху всеобщей цифровизации. Современная культурная динамика неразрывно связана с процессами цифровизации, трансформирующими традиционные формы социальных практик и институтов. Для современного туризма, изначально связанного со всеми подсистемами культуры (материальной – через предоставление туристских услуг по доставке, размещению, питанию и т. п.; духовной, в числе прочего, через переживание религиозных чувств при посещении культовых мест, включённых в те или иные туры; физической – посредством естественной физической активности, востребованной в турах различных направлений и разновидностей; художественной – при посещении объектов культурно-познавательного туризма; наконец, с социальной как особой формой организации людей), эти трансформации имеют принципиальное значение. Сегодня в контексте туристской индустрии цифровые мультимедийные технологии выступают ключевым фактором, определяющим способы конструирования, презентации и потребления культурного опыта. Россия и её регионы, обладающие уникальным природным и историко-культурным потенциалом, оказываются в фокусе этих изменений, что актуализирует исследование механизмов влияния цифровых медиа на формирование новой парадигмы культуры туризма.

С позиций культурологического знания культура туризма – это сложный феномен, охватывающий систему ценностей, практик, коммуникаций и смыслов, возникающих в процессе путешествий. Это не просто совокупность туристических услуг, а культурный диалог, в котором пересекаются традиции, идентичности и мировоззрения. Современная культура туризма претерпевает фундаментальные изменения под влиянием цифровых мультимедийных технологий, формируя принципиально новые механизмы по организации туров, а также получению, обработке и распространению информации о путешествиях. Этот процесс трансформирует не только практики планирования поездок, но и саму природу туристского опыта, создавая сложную экосистему цифрового взаимодействия между путешественниками, культурными институциями и технологическими платформами.

Мультимедиа как феномен цифровой культуры. Прежде чем детально остановиться на роли и месте мультимедийных технологий в развитии культуры современного туризма, следует более точно в рамках нашего исследования обозначить саму дефиницию «мультимедиа».

Понятие «мультимедиа» уходит корнями в историю коммуникативной культуры, поскольку даже в процессе обычного общения люди на протяжении многих тысячелетий используют различные формы передачи информации: звуковые – устная речь (аудио), зрительные – визуальное восприятие собеседника (видео), пластические – использование жестов и мимики (анимация), наконец, письменные (текст). Сам термин образован от латинских слов «multum» (много) и «medium» (среда, носитель), что соответствует сочетанию «multiple media» – «множественные среды» [7]. Термин «мультимедиа» начал употребляться задолго до начала процесса компьютеризации. Первые обозначения мультимедиа, когда одной из ранних технологий работы с изображением была фотография, можно датировать ещё 1839 г. [4].

Понятие «мультимедиа» не имеет строгого унифицированного определения в научных источниках. Современный научный дискурс демонстрирует разнообразие его трактовок: одни авторы (Д. Ю. Кульчицкая [5], Л. З. Манович [9]) акцентируют его технологическую природу и интерактивность, другие (Р. Бернштадт, А. Брунстром [13]) рассматривают как коммуникационный феномен цифровой культуры. При этом исследователи подчёркивают, что не все синтетические формы искусства могут относиться к мультимедиа – ключевыми критериями остаются цифровая природа, интерактивность и алгоритмическая организация контента. Расхождения в определениях возникают из-за попыток расширенного толкования, включающего аналоговые формы, тогда как современная наука склонна ограничивать мультимедиа именно цифровыми технологиями с элементами пользовательского взаимодействия.

С развитием компьютерных технологий и появлением специализированных приложений термин «мультимедиа» прочно вошёл в повседневный лексикон и в общекультурном контексте в целом определяется как система или объект, использующий совокупность физических и цифровых средств для представления и передачи данных, что получило обоснование в работах А. В. Вырковского, Д. Ю. Кульчицкой, Л. З. Мановича и других исследователей [5; 8; 11]. К таким средствам относятся текст, статичные и динамичные изображения, аудио- и видеоконтент, а также интерактивные элементы. Кроме того, мультимедийными называют электронные и иные носители, предназначенные для хранения и воспроизведения подобного контента. Таким образом, мультимедийность подразумевает интеграцию различных по своей природе данных (текст, аудио, видео и др.) в единой системе передачи или обработки информации. Структурно мультимедиа представляет определённую цифровую комбинацию минимум двух различных средств передачи информации, объединённых в технологически интегрированную систему, управляемую посредством единого интерактивного интерфейса и контролируемую специализированным программным обеспечением.

Анализ научных работ, исследующих влияние мультимедийных технологий на современную культуру, позволяет выделить несколько доминирующих концептуальных подходов:

- технологический, представленный в исследованиях В. Ингенблека [3], посвящённый функциональным возможностям мультимедийных систем и акцентирующий аппаратно-программные факторы интеграции медиаформатов, в том числе анимацию, графику, звук, видео, методы сжатия данных, интерактивные интерфейсы;

- коммуникативный, изложенный в работах А. В. Федорова [10], рассматривающего мультимедиа как инструмент оптимизации информационного обмена, где ключевую роль играет развитие коммуникативных навыков посредством критического анализа медиатекстов;

- когнитивный, предполагающий изучение влияния мультимедийных технологий на процессы восприятия, запоминания и усвоения информации, включая мультисенсорное обучение, и представленный в исследованиях Ю. А. Москвиной [6] о влиянии аудиовизуальных элементов мультимедиа на ускоренное обучение, особенно в языковых дисциплинах, и В. В. Гусева [2] о психолого-педагогических аспектах мультимедиа и их эффективности в усвоении абстрактных понятий;

- эстетический, направленный на исследование эффекта художественного синтеза медиаформатов, дизайна и мультимедийных продуктов в процессе их эмоционального воздействия на аудиторию и раскрытий в работе А. В. Шарикова [12], рассматривающего медиабразование как способ развития креативности при взаимодействии с медиатекстами.

Каждый из указанных подходов предлагает собственное понимание сущности мультимедийных технологий, что свидетельствует о междисциплинарном и общекультурном характере данного феномена и необходимости его дальнейшей концептуализации в научном дискурсе.

Медиатехнологии в туризме: прикладной аспект. Эффект воздействия мультимедиа на человека достигается посредством нескольких информационных каналов: зрительного, слухового, тактильного, мышечного, вестибулярного. Здесь мы имеем дело не с механическим объединением разнородных контентов, но интегрированной системой, в которой различные аудиальные, визуальные, текстовые и другие компоненты мультимедиа легко совмещаются. Например, в популярных сегодня презентациях чаще используются анимация, звук и графика, обращённые к слуху и зрению, а в 4D-кино зрители могут дополнительно ощущать движение и вибрацию кресел, порывы ветра, запах дыма, брызги воды... – тут задействованы все пять каналов восприятия информации.

Развитие интерактивных платформ, виртуальных экскурсий, дополненной реальности и геолокационных сервисов не только расширяет возможности коммуникации туриста и территории, но и создаёт принципиально иные модели восприятия пространства. Поэтому при анализе влияния цифровых мультимедийных технологий на развитие культуры туризма мы исходим из того, что деятельность туристских организаций будет всё в большей степени основываться на информационных технологиях и автоматизированных процессах, реализуемых через интернет-платформы. Глобальная сеть, включая мультимедийные технологии, открывает широкие возможности для дистанционной интеграции бизнес-процессов и межкорпоративного взаимодействия.

Туристская отрасль, являясь информационно ёмкой сферой, демонстрирует высокую восприимчивость к внедрению мультимедийных решений, современных средств коммуникации и информационных систем. Интернет-технологии обеспечивают устойчивую коммуникационную связь и эффективное взаимодействие с потребителями при оптимальных затратах. Их потенциал в повышении доходности неоспорим, что особенно актуально для развивающихся стран, находящихся в процессе становления цифровой культуры, где цифровизация турииндустрии представляет стратегический интерес. Воздействие интернет-ресурсов и интерактивных мультимедийных платформ на туризм носит трансформационный характер, существенно модифицируя отраслевую структуру. Сегодня интернет действует как многофункциональный информационный канал, обеспечивающий: доступ физических и юридических лиц к актуальным туристским данным; оперативное информирование о новых предложениях на рынке; возможность сравнительного анализа услуг; осуществление онлайн-транзакций; сбор и анализ потребительских оценок.

Кроме того, глобальная сеть служит эффективным инструментом маркетинга для туроператорств и профильных организаций, позволяя осуществлять таргетированное продвижение услуг к целевой аудитории.

В последние годы в культуру туризма активно вторгается видеомаркетинг, создающий новые возможности для продвижения турпродукта на всех этапах – от создания до реализации. Именно видеомаркетинг сегодня определяет эффективность взаимодействия с путешественниками – от креативных роликов и отзывов до персонализированных демонстраций продуктов. Исследования показывают, что видеоконтент повышает уверенность пользователей при бронировании, что особенно важно в онлайн-шопинге, где туристские услуги – это нематериальный и невозвратный товар. Одновременно клиенты сами становятся важным каналом продвижения, охотно делясь впечатлениями, особенно в формате видео.

Не менее важную роль в культуре современного туризма играет веб-дизайн в качестве технологии по созданию и оформлению внешнего вида веб-страниц, включающих не только визуальные элементы, но и структуру, функциональность и взаимодействие с пользователем. Всё это делает сайт удобным и привлекательным для пользователей. Хорошо продуманный веб-дизайн играет ключевую роль в привлечении и удержании клиентов, а также в создании позитивного пользовательского опыта. К ключевым преимуществам веб-дизайна в культуре туризма можно отнести: создание ярких визуальных образов; интеграцию интерактивных элементов, в том числе VR-технологий; информативность контента.

И, наконец, интерактивные презентации как оптимальный способ подачи информации для клиентов и партнёров имеют ряд преимуществ: интерактивное взаимодействие, динамичная визуализация данных, ускоренный поиск информации, эффектное представление продуктов.

Таким образом, современные мультимедийные технологии – от специализированного программного обеспечения до глобальных сетей – трансформируют отрасль на всех этапах создания и продвижения турпродуктов. Они также играют важную роль в дистрибуции, открывая новые маркетинговые каналы, такие как прямая рассылка туристской информации, корпоративные сайты туроператоров, баннерная реклама в цифровой среде. И хотя их эффективность пока ограничена, потенциал этих инструментов масштабен и требует дальнейшего изучения. В целом, виртуальные туры, анимационные презентации и интерактивные решения формируют принципиально новую ситуацию неосязаемости услуг, что делает мультимедиа ключевым драйвером развития отрасли.

Основные направления использования мультимедийных технологий в культуре туризма систематизированы в табл. 1.

Мультимедиа в туризме: отечественный и зарубежный опыт. В условиях сплошной цифровизации культурного пространства туристские информационные центры (ТИЦ) трансформируются в значимые медиаплатформы, выполняющие не только справочно-навигационные, но и культурно-репрезентативные функции [11]. Современные ТИЦ перестают быть исключительно точками физического доступа к информации, становясь мультимедийными хабами, сочетающими функции информационного агента, предоставляющего актуальные данные о туристских объектах [11], культурного медиатора, транслирующего туристский потенциал территории, и некой комму-

никативной платформы, служащей для взаимодействия с аудиторией через цифровые каналы [14]. В рамках культурологического подхода ТИЦ интерпретируется как «текст культуры», конструирующий образ места через систему визуальных, верbalных и интерактивных элементов.

Таблица 1
Мультимедийные технологии в туризме

Наименование технологий	Критерии	Целевая аудитория
Виртуальные туры (VR)	Погружение в реалистичную среду, интерактивность, 360°-обзор	Туристы, путешественники, клиенты отелей
Дополненная реальность (AR)	Интерактивные гиды, наложение информации на реальные объекты	Туристы, экскурсионные группы, студенты
Мобильные приложения	Навигация, персонализированные рекомендации, бронирование	Путешественники, бизнес-туристы, гиды
Интерактивные киоски	Самостоятельный поиск информации, бронирование услуг	Туристы в отелях, аэропортах, музеях
3D-моделирование достопримечательностей	Визуализация исторических объектов, реконструкция утраченных памятников	Историки, студенты, культурные туристы
Видеогиды и hologрафические экскурсии	Динамичная подача информации, эффект присутствия	Туристы в музеях, на выставках, экскурсанты
Социальные сети и live-трансляции	Продвижение туров, онлайн-экскурсии, отзывы	Молодёжь, блогеры, активные путешественники

Ключевой характеристикой коммуникативных медиаплатформ выступает мультимедийная насыщенность контента (фото-, видеоматериалы), что повышает его когнитивную ценность и способствует оптимизации процессов принятия решений пользователями. Одновременно в числе прочих там могут находиться:

- специализированные мобильные сервисы (например, «Туристский навигатор», TripAdvisor, Airbnb), реализующие функции агрегации туристской информации и бронирования услуг; или сервис Klook, сочетающий функционал бронирования с визуализацией туристских услуг через систему мультимедийных презентаций;

- хештеги (компании #VisitRussia, #MyDubai), стимулирующие пользователей делиться впечатлениями, формируя сообщество путешественников и продвигая направления через пользовательский контент. Социальные сети служат платформами для обмена опытом, советами и визуальными материалами, повышая информированность аудитории;

- интерактивные карты с фильтрацией по интересам (культура, природа), маршрутам и оценкам пользователей. GPS-навигация облегчает перемещение по незнакомым городам, предоставляя данные о достопримечательностях, ресторанах и отелях (официальные туристские сайты, например VisitScotland, и сервисы, например Google Maps);

- интерактивные квесты (например, проект «Россия – страна возможностей») и мобильные приложения (Finland's National Parks) используют игровые механики для вовлечения пользователей. Награды за посещение локаций и выполнение заданий делают изучение городов и природных объектов более увлекательным;

- приложения типа «Аудиогид по Москве», снижающие зависимость от экскурсоводов, позволяющие, прослушивая информацию в режиме реального времени, самостоятельно исследовать достопримечательности.

Интерактивные гиды и цифровые платформы значительно расширяют культурное поле туризма, к примеру, платформа izi.TRAVEL, помогающая посредством аудиогидов установить контакт, наладить связь с культурной памятью и вовлечь общественность в культурный и межкультурный дискурс, или приложение Rick Steves Audio Europe, предлагающее иммерсивные аудио-

экскурсии по европейским городам. Данные технологии позволяют осуществлять самостоятельное освоение городской среды в индивидуальном темпоритме, что соответствует современным тенденциям персонализации культурного потребления. Более того, современные мобильные приложения формируют новый формат взаимодействия с культурным пространством, реализуя принципы интерактивности через персонализированные рекомендательные системы и инновационные сервисы реального времени.

В более широком культурном контексте цифровые платформы выполняют важную функцию посредничества между локальными сообществами и путешественниками. Специализированные сервисы бронирования экскурсий способствуют формированию аутентичного культурного опыта, в то время как рейтинговые системы (на примере TripAdvisor) создают новые механизмы социального доверия в туристской сфере. Особого внимания заслуживает феномен платформы Couchsurfing, которая институализирует практики гостеприимства, трансформируя их в глобальную сеть социального обмена. Интегрированные коммуникационные инструменты и системы репутационного менеджмента в данном случае выступают основой для создания транснационального сообщества, основанного на принципах взаимности и доверительного взаимодействия. Такая цифровая трансформация туристских практик отражает более широкие социокультурные процессы – переход от стандартизованных форм культурного потребления к индивидуализированным моделям, опосредованного технологиями взаимодействия с пространством и местными сообществами.

Туристские компании крупных городов активно внедряют цифровые технологии в организацию туров и даже проводят фестивали цифровой культуры с применением VR/AR-решений. Подобные мероприятия позволяют посетителям погружаться в виртуальные исторические или художественные пространства, обогащая их восприятие. Современные музеи и культурные учреждения активно внедряют технологии виртуальной реальности, предоставляя пользователям возможность удалённого посещения экспозиций. Данный формат особенно актуален для людей с ограниченной мобильностью или находящихся в удалённых регионах. Так Museum of the Future (Дубай), используя сенсорные интерфейсы, технологии дополненной и виртуальной реальностей, не только демонстрирует инновационные разработки, но и предлагает посетителям взаимодействовать с концепциями устойчивого развития через иммерсивные форматы; Государственный Эрмитаж (Россия) предлагает виртуальные туры, позволяющие детально рассмотреть шедевры искусства в высоком разрешении; Лувр (Франция) предоставляет интерактивные экскурсии по своим залам; платформа Google Arts & Culture, объединяя виртуальные коллекции ведущих музеев мира, в том числе Британского музея (Лондон) и Музея Ван Гога (Амстердам), обеспечивает доступ к культурному наследию в цифровом формате.

В контексте современной цифровой культуры применение технологий дополненной реальности (AR) приобретает особую значимость как инструмент медиации культурного наследия. Наглядный пример тому – приложение Streetmuseum (Лондон), осуществляющее реконструкцию исторического урбанистического ландшафта, и платформа Google Lens с функцией идентификации архитектурных объектов и их семантической аннотации. В глобальных мегаполисах (Нью-Йорк, Токио) AR-решения интегрированы в системы городской навигации, формируя новый тип взаимодействия с пространством. VR/AR-технологии осуществляют трансформацию традиционных практик презентации культурного наследия, создавая интерактивные модели его восприятия и существенно расширяя потенциал образовательного и рекреационного туризма.

Появление виртуальной и дополненной реальности, безусловно, способствует повышению интереса путешественников и к историко-культурным, и к природным достопримечательностям. Например, для многочисленных китайских туристов, ищащих чаще всего, по оценкам специалистов [1], эмоционально захватывающие туры, Китайское национальное туристское бюро активно использует VR для виртуальных перемещений в исторические места, что позволяет им удалённо исследовать Великую стену, Терракотовую армию и другие известные места.

В России же в число популярных цифровых решений входят виртуальные туры по музеям и приложения. Среди приложений наиболее популярные: «AR-экскурсия» (Санкт-Петербург) с до-

полненной реальностью, позволяющее получать информацию о достопримечательностях через камеру смартфона; StavTravel (Ставропольский край), включающее около 150 достопримечательностей, среди которых уникальные природные объекты; «Алтай Today» (Республика Алтай) с функцией онлайн-доступа, бронирования и справочной информацией. В Дагестане анонсировано аналогичное приложение с поддержкой аудиогидов и геолокации. Широкое распространение получили навигационные сервисы «Туристский навигатор» и «Куда поехать?», помогающие туристам строить маршруты и находить интересные места. Также востребованы такие официальные ресурсы, как Интерактивная карта Ростуризма, объединяющая данные о культурных и природных объектах; социальные кампании типа #VisitRussia, популяризирующие маршруты внутреннего туризма и т. д.

Цифровые медиа в культуре туризма: региональный аспект. Об активном включении цифровых мультимедийных технологий в культуру современного туризма говорит их распространение в регионах. Ключевую роль в формировании имиджа региона и продвижении локальных культурных нарративов в контексте медиатизации туризма играет Туристско-информационный центр.

Например, официальная цифровая платформа ТИЦ Хабаровского края [14] включает в себя веб-портал (интегрированная база данных о достопримечательностях, маршрутах, событиях) и социальные сети (VK, Telegram с визуальным сторителлингом и интерактивными картами). Таким образом, цифровой ТИЦ Хабаровского края выступает как комплексный медиаресурс, синтезирующий информационные технологии и культурную семиотику. На официальном сайте www.habtravel.ru представлены фотографии и описание достопримечательностей Хабаровска и Хабаровского края, объектов культуры, возможностей отдыха на природе [14].

Активно используются цифровые технологии в крупнейшем краевом музее им. Н. И. Гродекова. С 2020 года при поддержке Министерства культуры России музей участвует в проекте «Артефакт», созданном для организации интерактивных экскурсий с технологией дополненной реальности. В рамках проекта музей осуществляет размещение на специализированной платформе фотографий музеиных экспонатов, сопровождаемых научным описанием. Ежеквартально осуществляется введение в цифровой оборот новых выставочных проектов, разрабатываемых на основе фондовых коллекций учреждения. В качестве последней инициативы следует отметить масштабную работу по цифровизации экспозиции, посвящённой традиционной культуре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Хабаровского края.

Особый интерес у жителей края вызывают иммерсивные (с эффектом присутствия) экскурсии по городу, реализуемые с использованием наушников. Например, проект «Голос города» (в двух видах: «Хабаровск навсегда» и «Обратная сторона») или «Голос внутри» (в формате театрализованных экскурсий, включающих обзорную прогулку «Больше, чем город», танцевальную прогулку «Танцуй, Хабаровск» и детскую прогулку «Охотники за звуками»). Также в Хабаровске реализуется проект «Пеш.com», представляющий собой аудиоэкскурсионные прогулки по Хабаровску с элементами квеста.

Клуб виртуальной реальности «Portal VR» сотрудничает с местными археологами для популяризации материалов экспедиций, которые проводятся в Хабаровском крае и Амурской области.

Компанией ООО «Маршруты Венчур» (г. Южно-Сахалинск) созданы расположенные в свободном доступе на сайте компании цифровые карты достопримечательных мест России. В специальной вкладке «Хабаровский край» представлено 408 интересных мест и достопримечательностей.

Вместе с тем, несмотря на всё более заметное присутствие цифровых технологий в культуре туризма, виртуальность всё же остаётся вспомогательным инструментом, не заменяя реальных впечатлений от путешествий.

Заключение. Таким образом, цифровые технологии значительно преобразуют культуру современного туризма, предлагая новые форматы взаимодействия и улучшая пользовательский опыт. Они способствуют расширению доступности информации, позволяют путешественникам

легко планировать маршруты и находить уникальные предложения, а также создают возможности для виртуальных путешествий и обмена впечатлениями в реальном времени. В результате цифровизация не только расширяет горизонты туристских возможностей, но и формирует новые культурные тренды и предпочтения среди путешественников.

Вместе с тем развитие цифровых медиа в туристской сфере сталкивается с рядом существенных вызовов. Ключевыми проблемами остаются цифровое неравенство, что особенно актуально для удалённых регионов, и риск потери аутентичности культурных практик в процессе их цифровизации. Для преодоления этих ограничений требуется комплексный подход. Во-первых, необходимо развивать цифровую инфраструктуру в удалённых регионах, чтобы обеспечить доступ к интернету и современным технологиям. Во-вторых, важно инициировать научные коллaborации для создания цифровых двойников культурных объектов, что позволит сохранить их аутентичность и сделать доступными для более широкой аудитории. Наконец, должны быть внедрены программы обучения цифровой грамотности для представителей локальных сообществ, чтобы они могли эффективно использовать цифровые инструменты для продвижения своего культурного наследия и улучшения качества туристских услуг. Такой подход позволит создать сбалансированную и устойчивую экосистему, где цифровизация будет служить не только экономическим интересам, но и сохранению культурного разнообразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варельджен, В. В. Применение цифровых технологий в туризме: сравнение опыта России и Китая / В. В. Варельджен // Экономика и инновации: сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции. – М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2024. – С. 12-16.
2. Гусев, В. В. Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения: моногр. / В. В. Гусев. – Орёл: ОрёлГТУ, 1997. – 131 с.
3. Ингенблек, В. Всё о мультимедиа / В. Ингенблек. – Киев: BHV, 1996. – 352 с.
4. Клюшникова, К. В. Применение мультимедийных технологий как фактора, повышающего уровень мотивации к изучению дисциплин аграрной направленности / К. В. Клюшникова, М. В. Клюшникова // Роль аграрной науки в устойчивом развитии сельских территорий: сборник IX Всерос. (национальной) науч. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 20 декабря 2024. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2024. – С. 1190-1194.
5. Кульчицкая, Д. Ю. Мультимедиа как коммуникационный феномен: анализ зарубежных исследований / Д. Ю. Кульчицкая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2018. – № 6. – URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2018/6/multimedia-kak-kommunikatsionnyy-fenomen-analiz-zarubezhnykh-issledovaniy/> (дата обращения: 12.08.2025). – Текст: электронный.
6. Москвина, Ю. А. Мультимедиа как инструмент устранения трудностей в лингвистической подготовке студента / Ю. А. Москвина // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации: 4-й молодёжный конвент УрФУ: материалы международной конференции 26 марта 2020 года. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2020. – С. 497-500.
7. Мультимедиа // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/mul-timeda-95e38d> (дата обращения: 26.07.2025). – Текст: электронный.
8. Мультимедийные элементы в современном медиатексте / А. В. Вырковский, М. Ю. Галкина, А. В. Колесниченко [и др.] // Медиаскоп. – 2017. – № 3. – С. 13.
9. Принципы новых медиа по Л. Мановичу. Образовательный центр // Gonzo Design: официальный сайт. – URL: <https://gonzo-design.ru/education/articles/newmediaprinciples> (дата обращения: 26.07.2025). – Текст: электронный.
10. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности / автор-составитель А. В. Федоров. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. – 64 с.
11. Урри, Дж. Взгляд туриста и глобализация / Дж. Урри // Массовая культура: Современные западные исследования. – М.: Прагматика культуры, 2005. – С. 136-150.
12. Шариков, А. В. Медиаобразование: мировой и отечественный опыт / А. В. Шариков; НИИ СО и УК АПН СССР. – М.: Изд-во Академии педагогических наук СССР, 1990. – 64 с.
13. Burnett R., Brunstrom A., Nilsson A. G. (eds.) (2004) Perspectives on Multimedia: Communication, Media and Information Technology. Wiley, England.
14. Habtravel: официальный сайт. – Хабаровск, 2025. – URL: <https://habtravel.ru/> (дата обращения: 20.07.2025). – Текст: электронный.

Малышева Н. В., Казымова Л. А.
N. V. Malysheva, L. A. Kazymova

КОНЦЕПТ «ГРАНИЦА» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

THE CONCEPT «BORDER» IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURE

Малышева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: natasha@knastu.ru.

Natalya V. Malysheva – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: natasha@knastu.ru.

Казымова Лейла Аллахверди гызы – студент Комсомольского-на-Амуре государственного университета, (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: leilakazym@gmail.com.

Leila A. Kazymova – Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: leilakazym@gmail.com.

Аннотация. Цели настоящей работы: выявление, систематизация и комплексный анализ культурно-исторических оснований, определяющих специфику репрезентации концепта «граница» в русской лингвокультуре. Результаты исследования демонстрируют, что концепт «граница» в русской лингвокультуре представляет собой сложный лингвокультурный архетип. Его многомерность (пространственная незащищённость, специфика становления государственности на рубежах, сакрализация пространства) исторически детерминирована. Анализ выявил устойчивые лингвокультурные константы (пространственные, ценностные) и специфические метафорические модели, формирующие «культурный код» концепта и транслирующиеся в трансграничную лингвокультуру России.

Summary. The study aims to identify, systematize, and comprehensively analyze the cultural-historical foundations determining the specifics of the representation of the concept of «boundary» in the Russian linguaculture. The research results demonstrate that the «boundary» concept in the Russian linguaculture constitutes a complex linguacultural archetype. Its multidimensionality (spatial vulnerability, specifics of state formation on frontiers, sacralization of space) is historically determined. The analysis reveals stable linguacultural constants (spatial, axiological) and specific metaphorical models that form the «cultural code» of the concept and are transmitted into Russian cross-border linguaculture.

Ключевые слова: концепт «граница», русская лингвокультура, культурно-исторические основания, лингвокультурный архетип, лингвокультурные константы.

Key words: «boundary» concept («granitsa»), Russian linguaculture, cultural-historical foundations, linguacultural archetype, linguacultural constants.

УДК 81.006.3

Понятия – не тени идей, но символы реальностей, сами *realia* в логическом бытии.
С. Н. Булгаков [6, 482].

Введение. Феномен границы, будучи универсальной антропологической и социальной категорией, приобретает уникальное семантическое и ценностное наполнение в рамках русской лингвокультуры. В русском языковом сознании концепт «граница» исторически формировался под влиянием сложного переплетения геополитических, исторических, культурных и ментальных факторов, обусловивших его исключительную значимость и многомерность. Исследование терми-

нологического поля, связанного с трансграничными явлениями, невозможно без глубокого понимания культурно-исторических оснований, заложенных в ключевой концепт «граница». В условиях глобализации, миграционных потоков, цифровизации коммуникаций и политической турбулентности феномены пересечения границ (физических, политических, культурных, виртуальных) становятся центральными для понимания современных социокультурных процессов.

Несмотря на значительное количество работ по концептологии, культурологии и политической лингвистике, комплексное исследование трансграничной терминологии именно через призму глубинных культурно-исторических оснований ключевого концепта «граница» в русской лингвокультуре представлено фрагментарно. Существующая потребность в систематизации знаний о том, как исторический опыт, география, ментальные установки формируют специфику понимания и восприятия концепта «граница», обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цели данной работы: выявление, систематизация и комплексный анализ культурно-исторических оснований, определяющих специфику формирования и функционирования трансграничной терминологии в русской лингвокультуре через призму концепта «граница».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Описать исторические этапы эволюции понимания «концепта» в философском, психолингвистическом, культурно-историческом и когнитивно-лингвистическом контексте.

2. Представить определения понятия «концепт» и выделить ряд сущностных характеристик, конституирующих «концепт» как лингвистический феномен.

3. Выявить ключевые лингвокультурные константы (пространственные, временные, ценностные), лежащие в основе концептуализации границы в русской лингвокультуре.

4. Проанализировать специфику метафорических моделей, используемых для осмыслиения границы в русском языке, и их связь с культурными архетипами.

Комплексный подход, интегрирующий методы лингвокультурологии, исторической семантики, концептологии и терминоведения для анализа трансграничной терминологии, фокус на культурно-исторических основаниях формирования трансграничной терминологии, прослеживаемых через эволюцию ключевого концепта «граница», выявление и систематизация устойчивых лингвокультурных констант (архетипических представлений, базовых метафор, ценностных доминант), формирующих «культурный код» русской концептуализации границы и транслирующихся в терминологию, подтверждает научную новизну работы.

Исследование опирается на историко-семантический метод, концептуальный, лингвокультурологический, семантико-когнитивный, терминологический и дискурс-анализ. Результаты исследования обеспечивают более глубокое понимание коннотативного фона русской трансграничной терминологии и предоставляют инструментарий для критического анализа политического, медийного, академического дискурсов, связанных с проблематикой границ.

Концепт как ключевая категория, находящаяся на пересечении когнитивных процессов, языковой презентации и культурно обусловленного восприятия мира, является не просто частной терминологической проблемой, но ключом к декодированию национальной картины мира, механизмов категоризации опыта, специфики языкового сознания и, в конечном итоге, к постижению того, как язык формирует и отражает человеческое бытие в его культурной парадигме.

Понятие «концепт» (от лат. *conceptus* – «накопление», «водоём», «плод») [8, 222] сформировалось благодаря идеям античной философии, которые в первую очередь затрагивали природу универсалий и значений слов. Две основные проблемы, поставленные философами для анализа, включали в себя онтологическую (Платон) – «о реальном (объективном) существовании общего (единого) “до и помимо” единичных вещей», и методологическую (Аристотель) – «об общем (едином) как основе доказательства» [4, 94]. В средневековой схоластике концепт понимался как умственное образование, возникающее при познании сущности вещи: *«Per ideam intelligo mentis conceptum quem mens format propterea quod res est cogitans»* – «Под идеей я разумею представление (*conceptus*) души, которое душа образует потому, что она есть вещь мыслящая» [36, 222].

Дать единственное исчерпывающее определение концепта сложно в силу его многогранности и междисциплинарности. Однако можно выделить ряд существенных характеристик, конституирующих его как лингвистический феномен:

1. Концепт – это единица сознания, ментальное образование, которое существует в коллективном и индивидуальном когнитивном пространстве носителей языка и культуры. Это то, что люди знают, представляют, думают, чувствуют относительно некоторого фрагмента мира, а не сам фрагмент или его название, т. к. «он отражает и сохраняет в себе результаты освоения человеком окружающего мира, осуществляемые как в процессе предметной деятельности, так и в процессе познания» [34, 14].

2. Концепт обладает внутренней структурой [28], включающей:

- ядро (интразону) – наиболее типичные, общеизвестные, частотные, «дифференциальные» признаки, формирующие основу концепта, которые «в структуре лексического значения составляют область денотата» [34, 18];

- приядерную зону (экстразону) – менее типичные, но всё же существенные признаки, вариативные интерпретации, «составляющие одновременно экстразоны родственных, близких в данной когнитивной области понятий» [34, 18];

- периферию (квазизону и квазиэкстразону) – индивидуальные, ассоциативные, метафорические, культурно-специфические или редко актуализируемые компоненты [28].

3. Концепт формируется, существует и интерпретируется в рамках конкретной лингвокультуры, в зависимости от чего его содержание, структура, ценностная окраска и способы вербализации национально и культурно специфичны. Концепт «Судьба» в русской лингвокультуре (рок, неотвратимость, фатальность, доля) существенно отличается от англо-саксонского «Fate» по акцентам и коннотациям, благодаря чему концепты можно назвать «культурными генами» языка.

4. Практически любой значимый для культуры концепт несёт в себе оценку (положительную, отрицательную или амбивалентную), которая является неотъемлемой частью его содержания и влияет на его восприятие и использование, т. к. «ведь для того, чтобы оценить объект, человек должен “пропустить” его через себя, а момент “пропускания” и оценивания является моментом образования какого-либо концепта в сознании носителя культуры» [19, 97]. К примеру, концепт «Родина» ценностно положителен, «предательство» резко отрицателен, «свобода» может быть амбивалентным.

5. Концепт не статичен, он эволюционирует во времени, может по-разному репрезентироваться в разных социальных группах [34].

6. Хотя концепт – ментальная сущность, его формирование, существование, исследование и передача невозможны без языка, который предоставляет средства для его вербализации (лексемы, фразеологизмы, паремии, тексты), но сам концепт шире любого конкретного средства его выражения, т. к. «не все концепты вербализуются в виде номинативных единиц – слов и словосочетаний, есть и такие, которые представлены иными ментальными репрезентациями – образами, картинками, схемами и т. п.» [34, 15].

7. Концепты – это основные инструменты, с помощью которых человек структурирует, классифицирует и осмысливает свой чувственный и интеллектуальный опыт, которые позволяют сводить бесконечное разнообразие мира к управляемым ментальным категориям, облегчая познание и коммуникацию [19, 96].

Следовательно, концепт можно определить как сложное структурированное динамическое ментальное образование, репрезентирующее знание, опыт, ценности и отношения человека к некоторому фрагменту мира (предмету, явлению, идеи, чувству, процессу), формирующееся в сознании индивида и коллектива под влиянием культурно-исторического контекста и опосредованное языком, выполняющее функцию категоризации и осмысливания действительности. Это не статичный знак или логическая схема, а живая динамичная многомерная структура сознания, формируемая культурой и опосредованная языком. Его сложная архитектура, включающая образные, понятийные, оценочные, поведенческие и культурно-исторические слои, отражает целостность человеческого опыта и способ его осмысливания.

Трансграничность (от лат. *trans* – «через, пере-», «(на)сквозь», «за, за пределами») [8, 1024] как феномен укоренена в диалектике пространственного и социального, где граница выступает не статичным барьером, а динамичным пространством культурного обмена и взаимодействия. Исторически понятие формировалось под влиянием:

1. Диффузионистских теорий (Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Ф. Гребнер, Ф. Боас и др.), подчёркивающих взаимопроникновение культур через контактные зоны и объясняющих распространение культурных элементов (идей, технологий, обычаев и т. д.) от одних народов к другим через различные формы взаимодействия (торговля, миграция, завоевания и т. д.), в связи с чем исследователи «стремились свести всю историю человечества к явлениям контакта, столкновения, заимствования, переноса культур» [31, 13].

2. Лимологических исследований (от лат. *limes* – «межа», «межевой знак», «пограничная линия, граница, рубеж») [8, 593], фокусирующихся на границе как социально-конструируемом явлении, обладающем собственной семиотикой. Как утверждают исследователи, «термин “лимология” создаёт пласт консубстанциональных слов», а в лимологических исследованиях на первый план выходит «необходимость разграничения слова с точки зрения его семантической структуры» и «чётких границ между языковыми явлениями» [16, 244].

3. Геоэкономических моделей (В. А. Дергачёв), трактующих трансграничные регионы как «большие многомерные пространства» с наложением экономических, информационных и социокультурных векторов [10].

Согласно Геоэкономическому словарю-справочнику, трансграничный регион – это «сопредельные пограничные территории государств, характеризующиеся определённым природным, экономическим, социокультурным, этническим единством» [9]. Кроме того, В. А. Колосов и Н. С. Мироненко отмечают, что «под трансграничным районом обычно понимается охватывающая части территорий двух или нескольких соседних стран социально-экономическая система, характеризующаяся определённым единством природной первоосновы и/или расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций» [14, 359].

Тем самым понятие «трансграничность» эволюционировало от узкогеографического понимания к комплексной парадигме, объединяющей экономическую интеграцию (международная торговля), политическое регулирование (таможенные режимы, миграционные правила) и культурный трансфер (обмен языками и культурными практиками, «уникальные зоны соприкосновения <...> культур» [18, 21]).

Понятие «**граница**», являющееся одним из ключевых понятий трансграничной сферы, существует как фундаментальная антропологическая константа, структурирующая человеческое восприятие пространства, времени и социальных отношений. Его двойственная природа заключается в параллельном взаимодействии сепаративной и контактной (коммуникационной) функций, где разделение «своего» и «чужого», безопасного и опасного, сакрального и профанного сосуществует с процессом формирования зоны взаимодействия, обмена и трансфера культурных кодов.

Несмотря на то что основной морфемой в лексеме «граница» является корень «границ» [5, 218], его прототипическим ядром является понятие «грань», что подтверждается в Этимологическом словаре М. Фасмера: «“угол, край, грань”, «сюда же граница», первоначальным значением которого “вероятно, “острие”; “родственно д.-в.-н. *grana*» [33, 452-453]. Кроме того, Г. А. Крылов утверждает, что «граница» – это “общеславянское слово, образованное от существительного грань”» [37, 99], образованное от «*grati* – “быть острым, выдаваться” (ср. древненемецкое *grana* – “усы”, шведское *gran* – “ель”), изначально имевшим следующее значение – “нечто выступающее, остро оканчивающееся”, как усы или иглы ели» [37, 99].

Вследствие этого необходимо параллельное рассмотрение **толкований** терминов «грань» и «граница» в русском языке для определения более точной контекстуальной насыщенности концепта. Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, «грань» (исключая геометрическую и оптическую дефиницию «плоскости, образующей часть ломаной поверхности тела», отмеченной первой) – это «то, что отличает, отделяет одно от другого» [22, 225], «то же, что граница» [32, 103], а

«граница», в свою очередь, это «линия раздела между территориями, рубеж» [22, 224] «между двумя владениями, областями» [32, 102], «предел, допустимая норма» [22, 224], «конец» [32, 102].

Т. Ф. Ефремова подчёркивает, что «граница» – это в первую очередь «**условная** линия, разделяющая смежные области, владения, участки и т. п., являющаяся пределом какой-либо территории; черта раздела, рубеж» и «определяющая пределы государственной территории, разделяющая смежные государства … область соприкосновения разных, но **связанных** между собою процессов, явлений и т. п.», «то, что служит различием между кем-либо или чем-либо, разграничивает кого-либо или что-либо» [12]. Кроме того, понятия «грань» и «граница» у Т. Ф. Ефремовой синонимичны и имеют два общих определения: «условная линия, разделяющая смежные области <…>» и «то, что служит различием <…>» [12].

Синонимами «границы» выступают «пограничная линия, рубеж», «грань, рубеж, черта, стык, водораздел, линия», «предел, мера, рамки», «кордон» [2, 95]. У «границ» отмечены такие идентичные синонимы, как «рубеж, черта <…>», а также автором добавляются понятия «сторона», «момент; аспект» [2, 95, 485]. Основным **антонимом** лексемы «граница» является «родина», второстепенными («непрямыми») – «безграничность», «центр», «середина», «начало», «внутренность», «единство», «общность» [34]. У «границ» также отмечаются идентичные с «границей» антонимы «центр», «середина», «начало», однако основными являются «вершина» и «ребро» [27].

Следовательно, термин «грань» в современном русском языке имеет основное значение «математического термина, (грань куба)», также используется «в качестве общеупотребительного слова (гранёный стакан)», в связи с чем «аксиологически на передний план выдвинулся смысловой компонент “поверхность ребристого тела”» [7, 10]. Тем самым в контексте трансграничной терминологии основной лексемой можно считать понятие «граница», которая, помимо указания процессов разграничения, различия и раздела (общее с «гранью»), имеет отдельный политический («государственная территория», «смежные государства», «раздел между территориями», «родина» (антоним), «общность») и культурный («соприкосновение разных, но связанных процессов и явлений») компоненты, что соответствует описанию трансграничной лексики.

Продолжая определение культурно-исторических оснований концепта «граница», мы должны провести анализ **частотности** использования термина в различных текстах русского языка. Согласно данным, представленным в статистике Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [21], основной тематикой текстов, где «граница» используется чаще всего (5549 текстов, 15 025 вхождений – 23,59 %, первое место по всем показателям), является «политика и общественная жизнь», на втором месте по количеству текстов – «искусство и культура» (2912 текстов, но четвёртое по вхождениям – 7654, 12,02 %), на третьем месте по количеству текстов и вхождений – «частная жизнь» (2836 текстов, 8787 вхождений – 13,8 %), на четвёртом месте по количеству текстов – «наука и технологии» (2355 текстов, но второе по вхождениям – 9195, 14,44 %). В текстах преобладает нейтральный стиль (90,41 %), на втором месте – специальный (4,81 %), на третьем – официальный (2,76 %). Основным «видом текста», где используется термин, является «нехудожественный» (77,83 %), а наиболее часто используемыми жанрами – «нежанровая проза» (12,41 %), «историческая проза» (3,08 %) и «документальная проза» (2,45 %).

Анализируя фольклорно-мифологические презентации архетипов пограничья, следует в первую очередь отметить русскую народную сказку «Бой на калиновом мосту» («Иван – крестьянский сын и Чудо-Юдо», «Иван Быкович») [3], где Калинов мост расположен над рекой, которая «представляет собой как бы границу между мирами» живых и мёртвых [24, 232]. Кроме того, «За тридевять земель» в «тридесятом государстве» за дремучим лесом или морем, «глубоко под землёй или под водой» [24, 217], путь в который наполнен многочисленными препятствиями, трудностями, страхом и ужасом, героя «ждёт множество приключений» [24, 206]. «Баба-яга – страж границы, она охраняет вход в тот далёкий мир», куда можно пройти только «через её избушку» [24, 205]. Именно «за пределами [избушки] – тёмный лес [избушка стоит на краю леса] и тридесятое царство» [24, 205]. В данном случае «сказочная композиция в значительной степени построена на наличии двух миров: одного – реального, **здесьшнего**, другого – волшебного, сказочного, т. е. нереального мира, в котором сняты все земные и царят **иные законы**» [24, 216], «другой мир очень да-

леко» [24, 279]. Данное ценностное пространственное противопоставление («ценностно-смысловые пространства человеческой цивилизации могут быть осмыслены через призму концепта» [30, 61]) также присутствует в пословицах: «чужбина – калина, родина – малина», «в чужом месте, что в тёмном лесе», «всякому мила своя сторона», «где кто рождается, там и пригодится», «где сосна взросла, там она и красна», «чужедальняя сторона горем посеяна, слезами поливана, тоской упитана, печалью огорожена» [1].

Историческая динамика концепта «граница» в русской культурно-политической традиции прошла путь от оборонительных рубежей («змиевые валы», «засечные черты»), социальной дифференциации («черта оседлости»), идеологизации пограничного пространства («железный занавес») до экономизации и виртуализации транспортных трансконтинентальных коридоров (ЕАЭС, МТК «Приморье-1/2» и др.).

Последняя статья, отображающаяся в НКРЯ, где используется понятие «граница», посвящена психологическому и когнитивному восприятию антропологии пола: «Возможно, что и мужская монополия на расчистку земли под посевы также не определяется необходимостью применения физической силы, а объясняется фактором повышенной опасности: новые земли часто лежат на границе племенной территории, и здесь вероятность подвергнуться нападению врагов много-кратно возрастает» (2022 год). Первая статья в НКРЯ раскрывает содержание русско-шведской войны («Гистория Свейской войны» – Поденная записка Петра Великого): «Король польской по учинении вышепомянутого трактата против Швеции при окончании того 1699 году, как тогда ведомости от польского двора были, отправил свои саксонские войска наперёд в Курляндию и на границы лифляндских, под командою генерала-поручника Флеминга» (1769 год). Несмотря на указанное в НКРЯ преобладающее использование понятия в нехудожественных текстах, термин «граница» можно встретить в художественной литературе, например, в повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома» 1862 года: «Бывал он и на южной русской границе за Дунаем, и в киргизской степи, и в Восточной Сибири, и на Кавказе – везде побывал» [11, 198].

В соответствии с ранее изложенными характеристиками концепта как лингвистического феномена, описанием понятийного поля термина «граница», его этимологических и нормативных элементов, а также примеров использования докажем, что «граница» является полноценным и значимым концептом, который представляет собой одну из базовых когнитивных категорий, глубоко укоренённых в индивидуальном и коллективном сознании.

1. Концепт «граница» существует в сознании носителей языка и культуры не как физический объект (стена, линия на карте), а как абстрактная сущность, отражающая результаты познания и практического взаимодействия человека с окружающей действительностью. Люди знают о существовании границ (государственных, личных, временных), представляют их в виде линий, барьера или переходов, думают об их необходимости или условности, чувствуют их как защиту, ограничение или вызов. Тем самым концепт аккумулирует многовековой опыт освоения пространства, социального структурирования и определения идентичности.

2. Внутренняя структура концепта «граница» отчётливо дифференцирована:

– Ядро (интразона): разделение, разграничение, линия (реальная или воображаемая), предел, рубеж, дифференциация («своё» vs «чужое», «внутри» vs «снаружи»). Эти признаки составляют денотативное ядро, обеспечивающее базовое понимание и опознавание границы в различных контекстах.

– Приядерная зона (экстразона): барьер, препятствие, переход, охрана, контроль, договорённость (установленная), нарушение, проницаемость/непроницаемость. Эти признаки связывают «границу» с концептами «безопасность», «суверенитет», «конфликт», «переход», «правило».

– Периферия (квазизона и квазиэкстразона): порог (как метафора перехода), горизонт (предел видимости/достижимости), грань (между нормой и патологией, жизнью и смертью), табу, внутренний барьер (стыд, страх), «стеклянный потолок», культурный код (невидимая граница поведения).

3. Концепт «граница» формируется и интерпретируется в рамках русской лингвокультуры, где актуализируются признаки протяжённости, защитной функции («защищать рубежи» [33]),

трудности охраны («Граница на замке» – советский фильм 1937 года), преодоления («устанавливать границы дозволенного» [28]), незыблемости/условности («граница жизни» [24]). Концепт выступает «культурным геном», отражающим специфику пространственного восприятия, исторического опыта и социальных отношений людей, говорящих и думающих на русском языке.

4. Концепт «граница» обладает выраженной амбивалентной оценочностью:

– Положительная оценка: граница как гарант безопасности, порядка, суверенитета, сохранения идентичности, приватности («неприкосновенность границ», «личные границы»).

– Отрицательная оценка: граница как источник ограничений, изоляции, конфликтов, непонимания, дискриминации («железный занавес», «нарушить границы», «границы предрассудков»).

– Амбивалентная оценка: оценка зависит от контекста и позиции субъекта – граница может восприниматься одновременно как необходимая защита и нежелательное ограничение.

5. Концепт «граница» не статичен:

– Историческая эволюция: физические границы (реки, горы) уступают место политическим, затем виртуальным и ментальным. Меняется восприятие проницаемости границ (от жёстких крепостных стен к Шенгенской зоне).

– Социальная вариативность: представители разных социальных групп, профессий, поколений актуализируют разные аспекты: пограничник – охрану, мигрант – преодоление, программист – сетевые фильтры (брандмауэры), подросток – личные границы в общении.

– Индивидуальная вариативность: личный опыт (жизнь в приграничье, эмиграция, нарушение личных границ) формирует уникальные ассоциации и оценки у отдельного человека.

6. Концепт «граница» интенсивно вербализуется языком:

– Лексемы: *граница, рубеж, предел, черта, барьер, кордон, межса, рамки, порог, грань*.

– Фразеологизмы: *перейти границу, зайти слишком далеко, нарушить границы дозволенного, стереть границы, граница на замке, на грани (фола, жизни и смерти)*.

– Паремии: *близ границы не строй светлицы, нашей границы не перелететь и птице, советская граница для врага не годится, береги границу, как ока зеницу* [23].

– Тексты: огромный пласт политических и философских текстов, эксплицирующих и осмысливающих понятие границы [21].

– Образы: картины пограничных столбов, стен, рек, таможенных контролей, часовых (М. Шагал «Над городом», В. М. Верещагин «Богатыри», Н. Соломин «В дозоре», И. Арасланов «На дальнем рубеже» и др.).

– Чувственные представления: ощущение дискомфорта при нарушении личного пространства, чувство безопасности «внутри» своих границ и др.

– Абстрактные схемы: ментальные модели разграничения сфер влияния, компетенций, этапов жизни.

7. Концепт «граница» является фундаментальным инструментом познания и структурирования опыта:

– Позволяет разделять непрерывность мира на дискретные сущности: страны, языки, культуры, социальные группы, этапы времени (границы эпох), области знания (дисциплинарные границы), нормы поведения.

– Определяет положение объекта («внутри/снаружи», «на границе»), направление движения («пересечь границу»).

– Помогает понять отношения между объектами (соседство, разделение, конфликт, переход), структурировать сложные системы (иерархии с уровнями), определять идентичность (через отличие от «Другого» и «Чужого»).

– Облегчает передачу информации о пространственных, временных, социальных, ментальных отношениях через общие представления о разграничении, т. к. сводит бесконечное разнообразие мира к управляемым категориям, формируя саму ткань когнитивных карт человека и культуры.

Анализ концепта «граница» убедительно доказывает его статус как полноценной и значимой единицы сознания, обладающей сложной внутренней структурой, глубоко укоренённой в лингвокультурном контексте, неразрывно связанной с оценочными суждениями и подверженной

динамике. Будучи интенсивно вербализуемым, он не сводится к языковым формам, включая об разные и чувственные компоненты, благодаря чему его важнейшей функцией является инструментальная роль в процессе познания: концепт «граница» служит основным средством категоризации, ориентации и осмысливания мира человеком, структурируя его чувственный и интеллектуальный опыт, облегчая коммуникацию и формируя культурные коды.

Заключение. Проведённое исследование культурно-исторических оснований трансграничной терминологии через призму концепта «граница» в русской лингвокультуре позволяет сформулировать вывод, подтверждающий детерминированность терминологического поля базовыми культурными кодами и историческим опытом.

Анализ продемонстрировал, что концепт «граница» в русской лингвокультуре представляет собой не просто лексико-семантическое единство, а сложный, многослойный лингвокультурный архетип. Его содержание формировалось под воздействием уникального сочетания факторов: обширности и незащищённости географического пространства, многовековой истории становления и защиты государственности на рубежах, глубоко укоренённых представлений о пространстве как сакральной ценности и одновременно зоне риска. Эта исторически обусловленная многомерность делает концепт ключевым структурирующим элементом национального языкового сознания в сфере пограничных явлений.

Таким образом, исследование установило, что трансграничная терминология в русской лингвокультуре представляет собой не произвольный набор лексических единиц, а сложноорганизованную систему, глубинная семантика и прагматика которой неразрывно связаны с культурно-историческими основаниями ключевого концепта «граница». Понимание этих оснований является необходимым условием для адекватного анализа, интерпретации и использования данной терминологии как в научном, так и в практическом контекстах. Выявленные закономерности открывают перспективы для дальнейших компаративных исследований концепта «граница» в других лингвокультурах и его роли в глобальных процессах трансграничного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. 20 000 русских пословиц и поговорок / сост. Л. И. Михайлова. – М.: Центрполиграф, 2009. – 382 с.
2. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: Ок. 1000 синоним. рядов / З. Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 2001. – 568 с.
3. Бой на Калиновом мосту / в обр. И. В. Карнауховой. – М.: Просвещение, 2017. – 16 с.
4. Большая советская энциклопедия. Т. 13: Волчанка – Высшая / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – М.: Советская энциклопедия, 1929. – 805 с.
5. Большой грамматический словарь: более 33 000 слов. В 2 т. Т. 1 / авт.-сост. Л. З. Бояринова, Е. Н. Тихонова, М. Н. Трубаева; под ред. А. Н. Тихонова. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2011. – 656 с.
6. Булгаков, С. Н. Сочинения в двух томах. Т. 1: Философия хозяйства; Трагедия философии / С. Н. Булгаков; сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. С. Хоружего. – М.: Наука, 1993. – 603 с.
7. Гринев-Гриневич, С. В. Лимологические исследования: о слове «граница» и о термине «граница» / С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина, Л. А. Чернышова // Вопросы современной лингвистики. – 2018. – № 6. – С. 8-18.
8. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: Около 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
9. Дергачев, В. А. Геоэкономический словарь-справочник / В. А. Дергачев. – Одесса: ИПРЭИ НАНУ, 2004. – 177 с.
10. Дергачев, В. А. Цивилизационная геополитика (Большие многомерные пространства). Научная монография / В. А. Дергачев. – Одесса: ИПРЭИ НАНУ, 2003. – 262 с.
11. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 2: Записки из Мёртвого дома. Рассказы / Ф. М. Достоевский; сост. А. Храмков. – М.: ООО Торговый дом «Издательство Мир книги», 2007. – 381 с.
12. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 томах: около 160 000 слов. Т. 1 / Т. Ф. Ефремова. – М.: АСТ, 2006. – 1165 с.
13. Касьян, Л. А. Термин «Концепт» в современной лингвистике: различные его толкования / Л. А. Касьян // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – № 2 (17). – С. 50-53.
14. Колесов, В. А. Геополитика и политическая география: учеб. для вузов / В. А. Колесов, Н. С. Мироненко. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 479 с.

15. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 197 с.
16. Лаврентьева, Е. А. Лингвомилогическое исследование лексемы «связь» (на основе русскоязычных и немецкоязычных лексикографических источников) / Е. А. Лаврентьева, А. Г. Дмитриева // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 1. – С. 243-247.
17. Мананков, В. П. Граница жизни. Вся наша жизнь, мозаика в стихах / В. П. Мананков // Литрес. – URL: <https://www.litres.ru/book/v-p-manankov/granica-zhizni-vsya-nasha-zhizn-mozaika-v-stihah-18324844/chitat-onlayn/> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
18. Малышева, Н. В. Стереотипы и взаимные представления китайцев и русских, проживающих на приграничных территориях Дальнего Востока / Н. В. Малышева, А. А. Чувеева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2025. – № II (82). – С. 19-27.
19. Матвеева, Д. С. Концепт как единица сознания / Д. С. Матвеева // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2010. – № 6. – С. 94-99.
20. Учим родителей устанавливать границы дозволенного // «Коррекция и развитие» Научно-практический центр реабилитации детей. – URL: <https://развитие30.рф/index.php/novosti/1816-uchim-roditelej-ustanavlivat-granitsy-dozvolennogo> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
21. Национальный корпус русского языка, сайт. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
22. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и Образование, 2019. – 1376 с.
23. Пословицы о границе // Пословицы – большой сборник пословиц. – URL: <https://posloviz.ru/category/granica/> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
24. Пропп, В. Я. Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа) / В. Я. Пропп; науч. ред., комментарии Ю. С. Рассказова. – М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.
25. Пивоваренко, А. А. Защищая рубежи. О миграционном кризисе в Юго-Восточной Европе / А. А. Пивоваренко // Российский совет по международным делам (РСМД). – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zashchishchaya-rubezhi-o-migratsionnom-krizise-v-yugo-vostoch/> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
26. Граница // Словарь синонимов русского языка. – URL: <https://sinonim.org/a/граница> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
27. Грань // Словарь синонимов русского языка. – URL: <https://sinonim.org/a/грань> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
28. Слышиkin, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Слышиkin Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 39 с.
29. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
30. Судакова, А. В. Особенности ментального дискурса в процессе интерактивного обучения студентов иностранному языку / А. В. Судакова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № IV (76) – С. 60-64.
31. Токарев, С. А. История зарубежной этнографии / С. А. Токарев. – М.: Высшая школа, 1978. – 350 с.
32. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
33. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1: (А–Д) / М. Фасмер; пер. с нем и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1986. – 573 с.
34. Федулова, М. Н. Понятие «Концепт» в когнитивных, семиологических и дискурсивных исследованиях. Статья 1 / М. Н. Федулова // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 3. – С. 13-21.
35. Шведова, Н. Ю. Русский язык: избранные работы: сборник научных трудов / Н. Ю. Шведова. – М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2005. – 638 с.
36. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза; пер. с лат. Я. М. Боровского, Н. А. Иванцова. – М.: АСТ, 2001. – 347 с.
37. Этимологический словарь русского языка / сост.: Г. А. Крылов. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.

Мусалитина Е. А.
E. A. Musalitina

КИТАЙСКИЙ ДРАКОН: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ СИМВОЛА ЗАПАДОМ

CHINESE DRAGON: NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF THE WEST'S PERCEPTION OF THE SYMBOL

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-na-Amure, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Аннотация. Национальная символика реализуется во многих сферах общества и имеет важнейшее значение для формирования национального самоопределения и имиджа государства на международной арене. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование национальных символов как инструмента «узнавания» государства, его идентификации. Одним из ключевых символов Китая является дракон. В результате исследования установлено, что Китай укрепляет свои позиции с помощью «мягкой силы», т. е. потенциала традиционной культуры. Трансляция Китаем символа дракона как этнически значимого божества является важным способом создания «узнаваемого» образа Поднебесной за рубежом. Однако культурное расхождение в интерпретации феномена дракона в Китае и на Западе может стать причиной коммуникативного барьера. Выявлено, что Китай проявляет высокую степень адаптивности, «маскируя» прямое изображение символа дракона в контексте международного делового сотрудничества в форме слоганов и иероглифов, тем самым не отказываясь от традиционного символа, привлекательного для внутреннего рынка.

Summary. National symbols are implemented in many spheres of society and are of great importance for the formation of national self-determination and the image of the state in the international arena. In this regard the study of national symbols as a tool for «recognizing» the state and identifying it is of particular relevance. One of the key symbols of China is the dragon. The study found that China is strengthening its position with the help of «soft power» and the potential of traditional culture. China's broadcasting of the dragon symbol as an ethnically significant deity is an important way of creating a «recognizable» image of the Celestial Empire abroad. However, the cultural discrepancy in the interpretation of the dragon phenomenon in China and the West can cause a communication barrier. It was revealed that China exhibits a high degree of adaptability, «masking» the direct image of the dragon symbol on the international market in the form of slogans and hieroglyphs, thereby not abandoning the traditional symbol that is attractive to the domestic market.

Ключевые слова: традиционный символ, культура Китая, европейская культура, символ дракона, межкультурная коммуникация, образ Китая, деловая коммуникация.

Key words: traditional symbol, Chinese culture, European culture, dragon symbol, intercultural communication, image of China, business communication.

УДК 008(510:4-191.2)

Введение. Национальные символы – это важные элементы традиционной культуры государства, которые формируются под влиянием многовековой истории, политической системы, религиозно-философских воззрений, менталитета народа, системы ценностей. Глубокое понимание специфики зарубежного государства возможно только через комплексный подход, предполагающий исследование разных сфер жизнедеятельности общества:

- политico-экономической сферы (форма государственного устройства, особенности территоиально-административного деления, специфика материально-производственной области и др.);
- социальной сферы (системы социального обеспечения населения, взаимодействия между разными социальными классами);
- духовной сферы (система ценностей материальной и нематериальной культуры) [9].

Национальная символика реализуется во всех вышерассмотренных сферах и имеет важнейшее значение для формирования национального самоопределения, а также имиджа государства на международной арене. Символ становится инструментом «узнавания» государства, его идентификации и, в определённой мере, выявления уникальных характеристик. Например, в сфере международной торговли использование традиционной символики способствует созданию позитивной атмосферы для локальной аудитории, продвижению бренда и повышению его престижности [8].

При этом исследователи отмечают, что национальные символы обычно формируются в культуре непроизвольно, без установки сверху. Согласно теории К. Юнга, символы формируются в коллективном сознании, получая воплощение в разных формах искусства. Эволюционные процессы, затрагивающие культуру, также становятся источником появления спонтанных символов. Социальные реакции на важные исторические события становятся поводом для появления новых символов [12, 78].

Несмотря на бессознательный характер формирования символов, некоторые из них закрепляются в культуре и приобретают национально значимый смысл. В таком случае можно говорить о формировании новых национальных символов. Другие символы, имеющие долгую историю, могут подвергаться трансформации под влиянием как внутригосударственных, так и внешнеполитических процессов.

Одним из традиционных символов Китая на протяжении многовековой истории этого государства является дракон. Он имеет глубокую связь с религиозно-философскими представлениями, историей и национальными традициями. Дракон представляет собой символ ханьцев (китайского народа) и олицетворяет божественную силу, верховную власть, силу, могущество, мудрость и истинное знание [4].

В настоящее время КНР активно укрепляет свои позиции на мировой арене и занимает второе место в рейтинге государств с сильнейшей экономикой. Наряду с укреплением экономической сферы Китай устанавливает свои позиции с помощью «мягкой силы», с привлечением потенциала традиционной культуры. В этом контексте трансляция Китаем символа дракона как этнически значимого божества является эффективным инструментом создания «узнаваемого» позитивного образа Поднебесной за рубежом. Однако в европейской культуре символ дракона традиционно имеет противоположную коннотацию: он несёт в себе зло, опасность, уничтожение живого [6].

В связи с этим особую актуальность приобретает исследование специфики восприятия иностранными символа дракона в современном китайском социуме. Современные тенденции мировой бизнес-коммуникации (цифровизация, глобализация рынка товаров и услуг) требуют особого внимания исследователей к проблемам создания позитивного имиджа государств в мировом медиапространстве. Пренебрежение традиционной коннотацией символов может привести к международным конфликтам.

Целью исследования является изучение влияния специфики восприятия европейским обществом китайского символа дракона на развитие международного сотрудничества Китая и Запада.

Достижение цели представляется возможным через решение следующих задач:

1. дифференцировать понятия «государственный символ» и «национальный символ»;
2. выявить ключевые аспекты художественной интерпретации символа дракона в китайской и европейской традиционных культурах;
3. рассмотреть современную стратегию Китая по популяризации традиционных символов в контексте специфики восприятия традиционного символа дракона западным обществом.

В качестве **объекта** исследования выступает символ дракона.

Предмет – национальная специфика восприятия китайского символа дракона в китайском и западном обществе.

Для осуществления глубокого осмыслиения изучаемой проблемы в качестве **информационной базы** к анализу впервые привлекаются материалы двух видов источников:

1. Материалы сайтов китайских корпораций, осуществляющих международную торговую деятельность и использующих культурные коды (символы) с целью продвижения на мировой арене.

2. Опубликованные данные исследовательских агентств по кросс-культурной проблематике.

Исследование национальных символов реализовано в рамках междисциплинарного подхода. Символы анализируются с точки зрения семиотики, что позволяет выявить их культурно-детерминированное значение, ключевых принципов культурной антропологии для выявления коллективных национальных представлений, а также с помощью методов визуальной социологии, которая направлена на изучение культурных феноменов через зрительные формы [4]. В рамках данного исследования методы визуальной социологии позволяют провести анализ изобразительной составляющей символов в коммуникационном пространстве. Выявление уникальных национально-обусловленных характеристик китайского символа дракона осуществляется с помощью кросс-культурного анализа. К исследованию также привлекаются результаты опубликованных социологических опросов, направленных на выявление ассоциативных связей с образом дракона.

Анализ актуальной литературы по изучаемой проблеме позволяет установить, что большинство исследований символа дракона направлено на выявление его уникальных национальных черт в китайской и европейской культурах посредством кросс-культурного анализа.

Новизна данной работы заключается в предпринятой автором попытке описать текущее положение, возможную дальнейшую судьбу символа дракона и стратегии Китая по его популяризации в современных геополитических условиях.

Национальные и государственные символы: дифференциация понятий. В исследованиях символов, идентифицирующих различные государства, часто используются такие понятия, как «государственный символ» и «национальный символ». На наш взгляд, в рамках культурологического исследования проблемы необходимо уточнить существенные характеристики этих двух терминов.

Анализируемые понятия являются предметом изучения широкого круга гуманитарных наук, поскольку связаны с репрезентацией разных явлений социума. Во-первых, необходимо отметить, что ряд исследователей (социолог Э. Ш. Хаметов, историки Л. П. Репина, В. В. Омельченко и др.) не отождествляют «государственное» и «традиционное», но отмечают, что оба вида рассматриваемых символов имеют общие функции, взаимно дополняя друг друга, в процессе идентификации страны [7]. Они служат для определения идентификации граждан и государства. К государственным символам традиционно относят флаги, гербы, гимны, а также их цветовую символику. Эти символы идентифицируют государство в международном политico-социальном пространстве.

Философ, культуролог М. А. Горшков утверждает, что национальные символы включают более широкий круг образов, чем государственные символы. Это могут быть изображения следующих объектов:

- природных реалий (животные, растения, природные достопримечательности);
- элементов традиционной национальной культуры (одежда, кухня, предметы быта и др.);
- архитектурных достопримечательностей (общезвестные и узнаваемые символы городов, страны);
- исторических событий и персон (войны, значимые битвы, военачальники, политические лидеры, исследователи, путешественники);
- персонажей мифов и литературы (вымышленные герои, известные своими выдающимися поступками, наделённые положительными качествами).

Эти образы формируют национальные символы, выполняют функцию «культурного кода» этноса и отражают национально-культурное достояние страны [3].

Лингвист Г. А. Вильданова, описывая изменчивость символов в условиях трансформации социокультурной ситуации, указывает на то, что оба вида символов (государственные и национальные) транслируют историческую память нации, но, тем не менее, способны эволюционировать в зависимости от современной реальности. Оба вида символов могут влиять на формирование общественного мнения: государственные символы – на уровне политической коммуникации, а национальные символы – в социально-культурной сфере (туризм, киноиндустрия, театральное искусство, образовательная деятельность и др.). Многие национальные символы сосуществуют с государственными символами во взаимовыгодном симбиозе. Не являясь официальным государственным символом, узнаваемые национальные образы становятся «лицом» государства [2].

В контексте данной работы вслед за исследователями Е. П. Савруцкой, Д. В. Мурзаева мы придерживаемся положения о том, что, несмотря на тесную связь двух видов символов, они имеют существенные различия, связанные с источником их формирования и ролью в создании имиджа государства. Так, создание государственных символов регулируется правительством, а национальные символы появляются спонтанно в национальной культуре страны. Государственные символы презентуют страну на уровне официального политического взаимодействия, в отличие от национальных символов, которые функционируют в сфере культурной, а также повседневной коммуникации [9].

Интерпретация символа дракона в традиционной китайской культуре. Образ китайского дракона является одним из важнейших для китайского общества. В древнем Китае это мифическое существо было тесно связано с бытовой сферой жизни. Упоминания о драконе встречаются уже в V в. до н. э. в виде наскальных рисунков. Считалось, что дракон Лун обитал в водной стихии, но, тем не менее, был покровителем урожая [14, 92].

В более поздний период (III в. н. э.) в культуре появилось несколько видов драконов в зависимости от их сферы влияния (см. табл. 1) [1].

Таблица 1

Виды драконов в культуре древнего Китая

Вид дракона	Область обитания / сфера влияния
Дракон Теньлунь	Обитает в Небе, охраняет Богов, оберегает их жилище, сопровождает в колесницах
Дракон Дилунь	Обитает на Земле, управляет водной стихией
Дракон Иnlунь	Дракон-божество, управляет погодой и осадками
Дракон Фуцаньлунь	Подземное божество, охраняющее сокровища, управляет вулканами

В императорском Китае образ дракона был напрямую связан с властью. Считалось, что император был послан Небом, и в знак этого на его теле должно было присутствовать родимое пятно в форме дракона. Фигура императора была неразделимо связана с образом дракона: лицо императора выражало лицо дракона, его одежда обязательно имела орнамент этого существа [16].

Примечательно, что первый национальный флаг Китая, установленный при династии Цин в 1887 г., имел изображение этого мифического существа и назывался «Флагом Жёлтого дракона» (см. рис. 1). Сила и могущество приписывались дракону также по причине того, что он считался самым жизнестойким среди животных: его тело могло изгибаться и принимать разные формы, а его самой примечательной характеристикой была способность перевоплощаться в любого животного. В связи с этим некоторые исследователи (китайский культуролог Х. Нин, Х. Хуан и др.) полагают, что в традиционной китайской культуре дракон не представляет образ одного существа, а сочетает в себе комплекс характеристик многих животных и даже природной стихии [17].

Отечественные и зарубежные культурологические исследования достаточно полно освещают уникальные черты китайского дракона, выделяя положительную коннотацию его образа. Дракон наделён неземной силой, благородством, способностью перевоплощения для преодоления любых трудностей; выполняет своё предназначение по защите императора и его семьи.

Наряду с этим символика, связанная с образом китайского дракона, часто ассоциируется с праздничной культурой, что подчёркивает его позитивный характер. Так, лодки в форме дракона – неотъемлемый атрибут «Праздника начала лета», а ритуал драконьих танцев сопровождает практически все традиционные праздники, в том числе «Чуньцзе» – Китайский новый год (см. рис. 2) [11].

Рис. 1. «Флаг Жёлтого Дракона» – первый национальный флаг Китая

Рис. 2. Праздничная традиция «Танец дракона»

Таким образом, несмотря на достаточно грозный вид китайского дракона, в китайской культуре он является сакральным существом, символизирующим силу и мудрость китайской нации.

Интерпретация символа дракона в европейской культуре. Образ европейского дракона, так же как и азиатского, имеет древние корни и упоминается в библейской и античной литературе. Однако в отличие от китайского символа, дракон в западной культуре приобрёл негативные характеристики. Значительное влияние на формирование такого образа оказало распространение христианства, согласно канонам которого дракон считался нечистой силой, дьявольским существом. Он традиционно живёт под землёй, охраняя сокровища, и в погоне за богатством проявляются его алчность и жадность [18].

В православной традиции дракон также считался олицетворением зла. Одним из главных отрицательных образов русского фольклора является Змей Горыныч, живущий в горах, где, согласно легенде, он является проводником в мир мёртвых. В англо-саксонской литературе можно встретить упоминание о яде, испускаемом драконом, а огненное дыхание характерно для всех образов драконов в западной культуре.

В отличие от китайского дракона – покровителя государства, европейский дракон несёт в себе опасность и угрозу, поэтому ему всегда противостоит «положительный» образ. Сражение героя с драконом в скандинавских мифах является самым сложным испытанием, а победа над ним символизирует торжество добра над злом (см. рис. 3) [19].

Подводя итог сравнительному анализу интерпретации символов дракона в китайской и европейской культурах, резюмируем основные различия между ними (см. табл. 2).

Восприятие европейцами современной коннотации символа китайского дракона. В настоящее время не существует комплексных эмпирических исследований, направленных на выявление восприятия образа китайского дракона представителями западной культуры. Однако в рамках настоящей работы обобщены опубликованные данные опросов европейцев (Германия, Франция, Италия, Англия) по исследуемой проблематике (см. рис. 4). Анализируемые данные опубликованы исследовательским центром Pew Research Center [15].

Рис. 3. Александр Македонский. Средневековая миниатюра

Таблица 2

Сравнение характеристик символа дракона в китайской и европейской культурах

Характеристика	Китайский символ дракона	Европейский символ дракона
Черты внешности	Тело состоит из частей разных животных, крылья отсутствуют	Тело огромного ящура, массивные крылья, схожесть с летучей мышью
Черты характера	Смелый, энергичный, готовый прийти на помощь и защищать	Злой, жадный, жестокий, агрессивный
Взаимоотношения с людьми	Источник мудрых советов для людей, покровитель слабых и беззащитных, особо почитаем и уважаем ханьцами (китайцами) как предок	Враг людей, громит, грабит и выжигает поселения, похищает девушки, служит тёмной силе
Призвание	Оберегать, защищать, покровительствовать императору и китайской нации	Бороться с человечеством, уничтожать всех, кто в оппозиции
Роль в культуре	Одно из главных мифических существ, согласно легенде – прародитель ханьцев, покровитель национальных праздников	Демонический образ легенд, с которым борются доблестные рыцари

Анализ данных ассоциативного опроса показывает, что в восприятии европейцев китайский дракон в первую очередь ассоциируется с силой. Однако вторая по частотности ассоциация (агgression) связана с отрицательным переживанием и чувством страха, поэтому «сила» дракона может трактоваться как разрушающая, а не созидающая. Респонденты отмечают, что дракон напрямую связан с властью, что, в свою очередь, может влиять на восприятие и оценку китайских руководящих кругов [15]. Наряду с этим в западной культуре доминирует представление о деструктивном влиянии дракона на мир человека [12]. Так, образ «жёлтой опасности», изображающий Китай как опасного для Европы дракона, широко использовался западными государствами для того, чтобы обосновать захватническую политику в отношении азиатов.

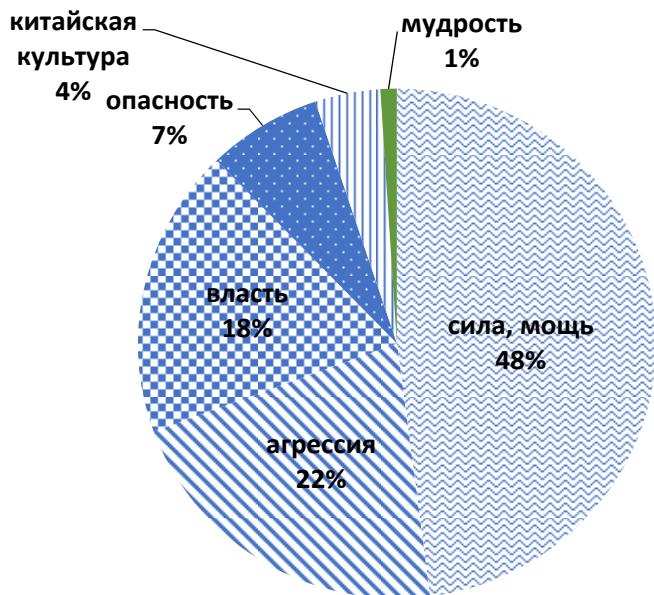

Рис. 4. Ассоциации, связанные с образом китайского дракона

Таким образом, можно утверждать, что комплекс факторов оказывает стойкое влияние на формирование и закрепление в западной культуре негативного образа китайского дракона:

- традиционные мифологические представления о драконе в китайской и европейской культурах, согласно которым эти два образа – архетипические противоположности (добро и зло);
- религиозные представления: дракон как демоническая сила в христианстве;
- популяризация образа «опасного китайского дракона» западными политическими силами;
- формирование негативного образа через современные медиаресурсы (компьютерные игры, фильмы-фэнтези, мультипликационные фильмы);
- влияние устоявшихся стереотипов в западном обществе, неосведомлённость о национальной культуре Китая.

Современная стратегия Китая в отношении национального символа дракона. В настоящее время Китай является одним из мировых лидеров в сфере производства высокотехнологичных товаров, компьютерных технологий, торговли, медицины, научно-технических разработок и других областях. При этом государство постоянно расширяет сферу влияния. Одним из инструментов укрепления позиций в мировом деловом пространстве является использование традиционной символики, позволяющей сделать продукт или услугу узнаваемыми, создать неповторимый национально обусловленный имидж [6].

Современные маркетинговые стратегии внутреннего рынка Китая ориентируются на культурные символы, которые укрепляют связь с местным потребителем, повышают уровень доверия к бренду. В связи с этим традиционные логотипы китайских товаров – это лотос, панда, дракон, китайские монеты, национальные узоры, изображение пагоды и др. В рекламных кампаниях часто используются символы традиционной китайской философии, концепция «Инь и Янь» как проявление стабильности, баланса и гармонии (например, китайский производитель спортивных товаров «Анта»). Китайские сети общественного питания адаптируют продукцию к традициям национальной культуры. Так, в период празднования Чуньцзе (Китайский новый год) сети КФС, Макдоналдс используют национальную символику на упаковке, посуде, в рекламных акциях и специальных предложениях для клиентов [12].

Что касается маркетинговой стратегии Китая в отношении экспортirуемых товаров, то можно отметить, что отношение западных партнёров к использованию национальной китайской символики неоднозначно. Создавая уникальный образ продукта, производитель стремится сделать его привлекательным, вызывающим позитивные эмоции и ассоциации.

Символ дракона стал традиционным для многих китайских компаний: телеканала «Чайна Дрэгон», автомобильного бренда «БиАйДи», нефтяной компании «Чайна Петролиум», корпорации – создателя компьютерных игр «Тенсент», торговой платформы «Алибаба» и др. [16]. Несмотря на популярность логотипа с изображением дракона, многие китайские корпорации с осторожностью используют образ дракона в качестве торгового бренда на международном рынке.

Национально-культурная специфика западного мифологического образа дракона, связанная с его негативным восприятием, может стать причиной следующих проблем для развития китайского бизнеса за рубежом:

1. Ассоциации дракона с властью могут повлечь восприятие китайских партнёров как чрезмерно амбициозных и стремящихся к доминированию.

2. Уровень доверия западных партнёров может быть низким, что в результате приведёт к их переориентации на другие рынки.

Крупные корпорации учитывают культурные тенденции и укоренившиеся традиции негативного восприятия дракона европейцами. Ограниченнное использование исследуемой символики позволяет китайскому бизнесу повысить уровень доверия зарубежных партнёров и избежать негативного восприятия. Однако речь не идёт о полном отказе от символики дракона, вместо его прямого изображения используется соответствующий иероглиф с чтением «лун», что позволяет сохранить национальную символику в сфере внутригосударственного маркетинга.

Заключение. Результаты исследования интерпретации и современного состояния символа дракона в китайской и западной культурах позволяют установить тенденции китайского маркетинга и брендинга в сфере экспортного рынка. Так, установлено, что культурное расхождение в интерпретации феномена дракона может стать причиной коммуникативного барьера. Несмотря на глубокую консервативность в вопросах сохранения национальной культуры, Китай проявляет высокую степень адаптивности, «маскируя» прямое изображение дракона на международном рынке в форме слоганов и иероглифов, тем самым не отказываясь от традиционного символа, привлекательного для внутреннего рынка.

Результаты данного исследования подтверждают, что игнорирование национально-культурных аспектов может стать серьёзным барьером в вопросах развития международной торговли между азиатскими и западными партнёрами. Напротив, понимание ключевых ценностей цевевой культуры является эффективным инструментом выстраивания продуктивного межкультурного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, С. Символика дракона в дизайне одежды и аксессуаров в контексте актуализации традиционного культурного наследия Китая / С. Ван, М. Чжан // Философия и культура. – 2024. – № 3. – С. 38-57.
2. Вильданова, Г. А. Национальные символы в современной массовой культуре / Г. А. Вильданова // Язык-Семиотика-Культура: сборник научных статей по итогам международной научной конференции. В 2 частях, Минск, 20-21 ноября 2023 года. Ч. 2. – Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2024. – С. 23-27.
3. Горшков, М. К. Массовое историческое самосознание и национально-государственные символы в контексте укрепления российской идентичности / М. К. Горшков // Россия: единство и многообразие: к 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 16-17 ноября 2022 года. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2023. – С. 237-247.
4. Комисарук, С. М. Проблема символа в философии культуры XX в.: опыт сравнительного анализа / С. М. Комисарук // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 111-118.
5. Ли, Ц. Отражение национальных представлений в анималистических образах-символах Китая / Ц. Ли // Язык культуры и культура языка: сборник статей I Международной научной конференции, Сургут, 25-26 ноября 2022 года / редколлегия, отв. ред. Т. Ю. Колягина. – Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2023. – С. 26-31.
6. Митюшникова, Е. В. Национальный символизм в рекламе / Е. В. Митюшникова, Е. Г. Катаева // Перевод, реклама и PR в современной коммуникации. – 2022. – Т. 1. – С. 101-105.

7. Омельченко, В. В. Государственное управление национальными ресурсами на концептуальном уровне – образы и смыслы государственной символики / В. В. Омельченко // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2021. – Т. 8. – № 3. – С. 239-255.
8. Репина, Л. П. Между фактом и символом: исторические события в макроструктуре национально-государственного нарратива / Л. П. Репина // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161. – № 2-3. – С. 9-23.
9. Савруцкая, Е. П. Символы исторической памяти в коммуникативном пространстве России / Е. П. Савруцкая, Д. В. Мурзаев // Человек в системе коммуникаций: профессиональные коммуникации в цифровую эпоху: сборник статей по материалам XV Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 80-летию Елизаветы Петровны Савруцкой, НГЛУ, 29-30 ноября 2022 года. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2023. – С. 66-71.
10. Саушкина, М. С. К вопросу о месте государственной символики в исторической политике / М. С. Саушкина // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2025. – № 2. – С. 134-145.
11. Хаметов, Э. Ш. Символы спортивных побед как фактор формирования национально-государственной идентичности. ТERRITORIALНЫЕ Особенности / Э. Ш. Хаметов // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 1. – С. 279-283.
12. Чжэн, С. Анализ применения традиционных китайских национальных культурных символов в разработке дизайна упаковки / С. Чжэн, Ц. Сюн, Ю. В. Назоров // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сборник материалов VIII международной научно-практической конференции (шифр – МКСТР), Москва, 10 октября 2022 года. – М.: ООО «Издательство АЛЕФ», 2022. – С. 137-143.
13. Юнг, К. Г. Символическая жизнь / К. Г. Юнг. – М.: Когито-Центр, 2010. – 326 с.
14. Bates, R. Chinese Dragons. – Oxford University Press, 2002. – 72 p.
15. How Global Public Opinion of China Has Shifted in the Xi Era // Pew Research Center. – URL: <https://www.pewresearch.org/global/2022/09/28/how-global-public-opinion-of-china-has-shifted-in-the-xi-era/> (дата обращения: 19.08.2025). – Текст: электронный.
16. Chinese Dragon: We need to know // China Travel. – URL: https://www.thechinajourney.com/zh_cn/chinese_dragon (дата обращения: 15.08.2025). – Текст: электронный.
17. The Chinese dragon takes flight // China Youth Network New Media Technology. – URL: https://t.m.youth.cn/transfer/index/url/wenhua.youth.cn/zt/jb/jbwh/202401/t20240125_15044725.htm (дата обращения: 19.08.2025). – Текст: электронный.
18. What does the image of the dragon represent in Western culture? // Baidu. – URL: <https://zhidao.baidu.com/question/1316213789659146139.html> (дата обращения: 17.08.2025). – Текст: электронный.
19. Miniatures Of Alexander The Great // Wikimedia Commons. – URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Miniatures_of_Alexander_the_Great (дата обращения: 17.08.2025). – Текст: электронный.

Мусалитина Е. А., Гукало Е. К.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКОГО ТЕАТРА
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

**Мусалитина Е. А., Гукало Е. К.
E. A. Musalitina, E. K. Gukalo**

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКОГО ТЕАТРА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

THE PROBLEMS OF LINGUISTIC AND CULTURAL ADAPTATION OF THE RUSSIAN THEATER IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE CULTURAL COOPERATION

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Гукало Екатерина Константиновна – студентка Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: 11ren4ick@gmail.com.

Ekaterina K. Gukalo – Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: 11ren4ick@gmail.com.

Аннотация. Театр как направление искусства не только несёт в себе эмотивную функцию, но также является мостом для развития взаимодействия культур в условиях современных политических и культурных изменений. В настоящее время наблюдается повышение интереса китайской аудитории к театральным постановкам русской классики. При этом особую популярность в приграничных районах Китая приобретают туристические программы, связанные со знакомством с театральным искусством на Дальнем Востоке России, а также гастроли Дальневосточных театров в КНР. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение проблемы интерпретации произведений русской классики для китайского зрителя. Это помогает выявить механизмы межкультурного диалога. Исследование направлено на комплексный анализ исторической эволюции и особенностей интерпретации русской классической драматургии для Китая, на выявление культурных и ментальных барьеров в восприятии русских театральных постановок. Установлено, что основными лингвокультурными барьерами для понимания специфики русских театральных постановок является обесценивание индивидуализма и рефлексии в силу особенностей китайского менталитета, трудности с восприятием русского юмора и сатиры.

Summary. Theater as an art direction carries not only an emotive function, but is also a bridge for the development of cultural communication in the context of modern political and cultural changes. Currently, there is an increase in the interest of the Chinese audience in theatrical productions of Russian classics. At the same time, tourist programs related to theatrical art in the Russian Far East, as well as tours of Far Eastern theaters in China, are becoming particularly popular in the border regions of China. In this regard, the study of the interpretation of works of Russian classics for the Chinese audience is of particular relevance. This helps to identify the mechanisms of intercultural dialogue. The study is aimed at a comprehensive analysis of the historical evolution and peculiarities of the interpretation of Russian classical drama for China, to identify cultural and mental barriers in the perception of Russian theatrical productions. Russian language and cultural barriers to understanding the specifics of Russian theatrical productions are the devaluation of individualism and reflection due to the peculiarities of the Chinese mentality; difficulties in perceiving Russian humor and satire.

Ключевые слова: русская классическая драматургия, китайский театр, межкультурная коммуникация, культурные барьеры, лингвокультурная адаптация.

Key words: Russian classical drama, Chinese theater, intercultural communication, cultural barriers, linguistic and cultural adaptation.

УДК 008:792.06

Введение. Межкультурный диалог является фундаментальным условием развития диалога культур, а искусство – универсальным языком культуры, имеющим большое значение в процессе коммуникации [1, 19]. Произведения русской классической литературы и драматургии признаны мировым достоянием, однако в настоящее время западное общество предпринимает попытки «отмены» русской культуры. В Китае можно наблюдать противоположную ситуацию: китайское общество проявляет высокий интерес к фундаментальным традициям России, а национальные культуры наших стран взаимно обогащаются, переплетаются, несмотря на их различия, уникальность и этническое своеобразие. Русская классическая драматургия служит мостом между культурными традициями России и Китая, помогая сближать народы через сценическую интерпретацию и художественное восприятие [10, 16]. Процесс культурной трансляции включает не только адекватный перевод текста, но и адаптацию смыслов, что неизбежно приводит к их трансформации с учётом новой культурной среды [2].

Несмотря на длительную историю рецепции, феномен восприятия и адаптации русской классики в Китайской драматургии определяется комплексом динамичных факторов: изменением политico-идеологического контекста двусторонних отношений; эволюцией эстетических запросов китайской аудитории; глобализацией культурного пространства и развитием новых форм театрального искусства (например, мюзикл); фундаментальными различиями в театральных традициях и культурных кодах России и Китая.

Актуальность данного исследования обусловлена углублением российско-китайского культурного сотрудничества, в контексте чего театр приобретает функцию инструмента «мягкой силы». С одной стороны, отмечаются рост интереса китайцев к произведениям русской классической литературы, драматургии, увеличение числа постановок русской классики в театрах КНР. Процесс глубокого взаимопонимания затруднён лингвокультурными барьерами, которые препятствуют пониманию культурного контекста и создают угрозу прерывания культурного диалога.

Обращаясь к анализу специфики рецепции русской драматургии, рассмотрим ключевое для данного исследования понятие «культурная трансляция». В научной литературе можно выделить его широкую и узкую трактовку. В широком смысле культура предстаёт формой трансляции (передачи) социального опыта через освоение каждым поколением не только предметного мира культуры, навыков и приёмов, но и культурных ценностей, образцов поведения, формируя устойчивые художественные и познавательные каноны [20].

Настоящее исследование опирается на более узкое определение: культурная трансляция – это комплексный процесс перевода и адаптации художественного текста (в данном случае, драматургического) в иную культурную среду, сопровождающийся неизбежной трансформацией его смыслов и их приспособлением к новым условиям восприятия [17]. Рецепция, в свою очередь, представляется как активный процесс интерпретации и переосмысливания художественного произведения в конкретных культурных условиях [6].

Целями исследования являются анализ культурно-исторического развития и выявление специфики рецепции произведений русской классической драматургии на китайской сцене. Реализация целей предполагает решение определённых задач:

1. Проанализировать влияние политico-идеологического контекста на интерпретацию русской классики в Китае.
2. Сравнить влияние базовых принципов российских и китайских театральных традиций на восприятие постановок.
3. Выявить и систематизировать ключевые лингвокультурные барьеры в восприятии русской драматургии китайской аудиторией.

Объектом исследования является процесс межкультурной коммуникации между Россией и Китаем в сфере театрального искусства.

Предмет исследования – специфика рецепции и адаптации произведений русской классической драматургии на китайской сцене.

Информационную базу исследования представляют три типа источников:

1. Научные публикации российских и китайских исследователей по проблемам межкультурной коммуникации и рецепции произведений русской классики в Китае.

2. Данные сайтов китайских и российских театров, музеев, региональных новостных медиа, освещающих актуальную информацию об истории и современных тенденциях российско-китайского взаимодействия в сфере театрального искусства.

3. Рецензии и материалы о конкретных театральных постановках русской классики в Китае.

Теоретико-методологическая основа исследования представлена кросс-культурным анализом, позволяющим выделить различия в культурных кодах двух стран, а также культурно-историческим методом для выстраивания логической цепи этапов адаптации русской драматургии для китайской сцены. Такой подход позволяет комплексно рассмотреть как историческую динамику процесса, так и глубинные культурные механизмы, обуславливающие специфику восприятия русского театра китайским зрителем [12].

Русский театр как транслятор национальной культуры. Театральное искусство остаётся одним из ключевых инструментов «мягкой силы» России, позволяющим преодолевать политические барьеры и знакомить мировую аудиторию с глубиной русской культуры. В условиях западной отмены всего русского китайская сцена становится особенно важной площадкой для установления межкультурного диалога. Так, через постановки русской классики китайские зрители постигают традиционные ценности России – от Чеховского «лирического гуманизма» до поисков смысла жизни Л. Н. Толстого [15]. Театр позволяет не только достичь взаимопонимания абсолютно разных культур с неидентичными политическими установками и культурными традициями, но и преодолевать политические разногласия через художественные образы и эстетическое сопереживание героям [8].

История развития русских постановок в китайском театральном искусстве. История знакомства китайского зрителя с русской драматургией восходит к началу 1950-х гг., периоду установления дипломатических отношений между СССР и КНР. Пионером в этой деятельности выступил Пекинский народный художественный театр [20]. Одной из первых и наиболее значимых постановок стала пьеса А. П. Чехова «Вишнёвый сад» (1954 г.) в режиссуре китайского драматурга Цзяо Цзюиня.

Активно показывать русские театральные пьесы в Китае начали в начале XX в. Большинство из них отражало эпоху России XIX в., которую можно ознаменовать как «Золотой век» русской культуры [18]. Наиболее ценными были произведения, раскрывающие темы, связанные с конфликтом человека и общества. Через призму произведений искусства, созданных в этот период, китайский народ познавал Россию и видел отражение своих проблем [3]. В более ранний период, а именно в 1919 г., в Китае началась литературная революция, которую возглавили Ху Ши и Чэнь Дусюй [25]. Русские пьесы, завезённые в это время в Китай, стали для китайского зрителя источником, позволяющим переосмыслить себя в новых социальных рамках.

Рассматривая формы русских постановок, преобладающих в репертуаре китайских театров середины XX в., отметим, что большинство из них было организовано на сцене драматических театров [26]. Оперные и балетные постановки по мотивам сюжетов русской классики (например, «Евгений Онегин», «Пиковая дама» П. И. Чайковского) осуществлялись преимущественно силами немногочисленных в то время оперных трупп, воспринимались скорее как часть мирового музыкального наследия и практически не отождествлялись с русской культурой. Мюзикл как жанр театрального искусства в Китае рассматриваемого периода представлен не был [16, 210].

В настоящее время постановки, основанные на произведениях русской классической литературы, стали неотъемлемой частью репертуара крупнейших драматических театров Китая. Значительное место занимают оперные и балетные спектакли по русской литературе и музыкальным произведениям. Заметен рост популярности мюзиклов как формы адаптации классики для массовой аудитории [24].

Продвижение русского театрального искусства в контексте современного приграничного сотрудничества России и Китая. В настоящее время наблюдается рост интереса китайского

зрителя к театральным постановкам не только на сценах ведущих театров Китая, но и в провинции, приграничных районах. Географическая близость двух дружественных стран предоставляет больше возможностей жителям северных провинций познакомиться с русским театром.

Приморская сцена Мариинского театра (г. Владивосток) регулярно включает в репертуар оперы и балеты на сюжеты русской классики («Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Лебединое озеро», балеты Прокофьева). Также театр осуществляет гастроли в города Северо-Восточного Китая (Харбин, Чанчунь, Шэньян, Далянь), участвует в совместных фестивалях культуры и искусства. Хабаровский краевой театр драмы также гастролирует со спектаклями по русской классике в соседние китайские провинции и участвует в программах приграничного культурного сотрудничества [19].

В контексте российско-китайского приграничья Хабаровский край является активным организатором и участником подобных культурных мероприятий. Ключевая площадка для взрослых зрителей – это Международный фестиваль «Амурская осень», в программу которого включаются масштабные гастрольные показы ведущих драматических и музыкальных коллективов из провинций Хэйлунцзян и Цзилинь [28]. Театральное искусство России и Китая привлекает и детскую аудиторию. Так, традиционным стало проведение совместных фестивалей и конкурсов детских театральных коллективов, которые часто организуются в рамках программ побратимских связей между г. Хабаровском и г. Харбином [29]. Таким образом, театральное фестивальное движение в Хабаровском крае становится системообразующим элементом культурного приграничного сотрудничества.

Лингвоэтнические барьеры адаптации русских театральных постановок для китайской сцены. Лингвоэтнические барьеры – это трудности, обусловленные социокультурными, лингвистическими, психологическими, коммуникативными различиями, возникающие в процессе локализации постановок русской классики для Китая и ухудшающие понимание постановок. В контексте данного исследования вслед за лингвистом Л. К. Латышевым мы рассматриваем лингвокультурный барьер как комплекс аспектов, не позволяющих представителю иноязычной культуры воспринимать текст на языке оригинала или в переводе как на родном языке.

Этнокультурные традиции русского театра. Для российского театра характерны мотивы постановок, ориентированные на исследование внутреннего мира, важную роль играет «психологический театр» [26]. Так, система сценического искусства К. С. Станиславского лежит в основе русской драматургической традиции [22]. Главной задачей системы является раскрытие сквозного действия и сверхзадачи в пьесе и их воплощение актёром. Понимание актёром подтекста – одно из условий овладения образом [23]. В силу этого театр России ориентирован на реализм и психологизм [27].

Этнокультурные традиции китайского театра. Китайский театр следует традициям, отличным от русских. В Пекинской опере или драматическом театре Хуацзюй ценятся условность и символизм. Действия, жесты, реплики и даже реквизит наполнены символическим значением, которое косвенно понятно китайской аудитории из-за особенностей восприятия данной культуры. Большую роль играет эстетическая составляющая постановок: яркий грим, костюмы, ясные жесты – всё это делает китайский театр выразительным, атмосферным, позволяющим узнать историю не только через вербальный контент, но и по совокупности образов и красок.

Культурный код и восприятие русской драматургии в Китае. Обратимся к рассмотрению ключевых культурных и ментальных различий в восприятии русской драматургии китайским зрителем. Можно выделить четыре основных аспекта:

1. Феномен индивидуализма чужд китайской культуре.
2. В контексте русской культуры рефлексия служит двигателем драмы, раскрывая глубину переживаний и внутреннего конфликта героя.
3. Глубокие эмоции в Китае считаются нерациональными и неуместными.
4. Традиционно в Китае не воспринимается иностранный юмор (сатира, ирония, самоирония) по причине различий в культурном коде, специфики национального менталитета [17]. Китай-

ская сатира начиная с XIX-XX вв. развивается отдельно от западных форм и акцентирует внимание на иных социальных и политических аспектах [21].

Лингвистические аспекты адаптации русских постановок в Китае. Перевод театральных постановок носит двойственный характер: необходимо сохранить аутентичность оригинала и одновременно быть понятным и близким для аудитории другой культуры [14, 80]. Перевод театральных текстов является специальной областью переводческой деятельности, в которой значительную роль играют не только лингвистические аспекты, но и культурные. Текст должен быть не только понятным, но и максимально удобным для произношения, достаточно эмоционально насыщенным, соответствовать национально обусловленному стилю спектакля [11]. Китайскому зрителю могут быть непонятны концепты традиционной русской культуры, например, «русская тоска» [9, 100].

Заключение. В результате проведённого исследования особенностей адаптации русской классической драматургии на театральной сцене Китая было установлено:

– русская классика стала важным инструментом для успешного культурного диалога между Россией и Китаем, что способствует развитию взаимопонимания через художественные образы, несмотря на культурные и ментальные различия двух стран;

– в процессе адаптации театральных произведений часто возникают существенные лингвокультурные трудности, причиной которых является разница в театральных традициях, восприятии подтекста, юмора и социальных реалий, что, безусловно, требует консолидации усилий переводчиков и постановщиков;

– успешное преодоление лингвокультурных барьеров возможно через локализацию текста, включающую адаптацию культурно специфических элементов, через активное использование выразительных средств национального театра и дополнительных культурных комментариев для китайской аудитории;

– анализ локализации постановки «Вишнёвый сад» для Пекинского народного художественного театра свидетельствует об актуальности проблем передачи психологической глубины и социального подтекста произведения, а также демонстрирует эффективные пути адаптации, которые направлены на сохранение эмоциональной составляющей спектакля.

В данной работе преимущественно рассмотрены культурные и языковые аспекты взаимопроникновения русской и китайской театральных традиций, в силу чего дальнейшей перспективой исследования представляется более глубокий анализ влияния современных театральных форм, включая мюзиклы и мультимедийные постановки, на восприятие русской классики в Китае и развитие межкультурного диалога двух стран-партнёров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: сборник трудов конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2013. – 709 с.
2. Иванова, Н. П. Трансляция художественного текста в иную культуру: проблемы и решения / Н. П. Иванова // Вестник театроведения. – 2022. – № 2. – С. 32-35.
3. Кожевникова, Т. В. Русская культура XIX века: литература, музыка и театр / Т. В. Кожевникова // Фоксфорд, 25.11.2022. – URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/literaturamuzykaiteatrvpervopolovinexix> (дата обращения: 18.08.2025). – Текст: электронный.
4. Кузнецова, С. М. Проблемы переводимости русскоязычного театрального текста / С. М. Кузнецова // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 1. – С. 5-10.
5. Кушнина, Л. В. Лингвокультурный компонент в переводческом пространстве / Л. В. Кушнина // Вестник Московского городского лингвистического университета. – 2023. – № 15. – С. 6-7.
6. Лебедева, М. Н. Новые формы коммуникации и литература: влияние, взаимодействие, проблема рецепции / М. Н. Лебедева // Общественные практики: уроки истории и современные тренды: сборник тезисов докладов Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда (Екатеринбург, 20-22 апреля 2016 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – С. 251-253.
7. Ли, С. Русская литература в Китае: трансляция и рецепция (1949-1966) / С. Ли. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2024. – 287 с.

8. Ли, С. Русская классика на китайской сцене: диалог культур / С. Ли // Вопросы театрального искусства. – 2021. – № 4. – С. 28-45.
9. Ли, Ч. Межкультурные процессы в театральном искусстве / Ч. Ли. – Пекин: Культурный университет, 2020. – 210 с.
10. Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сборник научных трудов / ред. Л. И. Гришаева, Т. Г. Струкова. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – 648 с.
11. Петрова, А. А. Перевод драматургических произведений и культурный контекст / А. А. Петрова // Вопросы переводоведения. – 2024. – № 3. – С. 8-12.
12. Петрова, И. В. Рецепция пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад» в Китае / И. В. Петрова // Театроведение. – 2021. – № 3. – С. 251-260.
13. Смирнов, В. В. Театральный перевод: особенности и методика / В. В. Смирнов // Театр и искусство. – 2017. – № 4. – С. 1-5.
14. Смирнов, В. И. Культурная трансляция и адаптация художественных текстов / В. И. Смирнов. – М.: Наука, 2018. – 200 с.
15. Сорокин, Ю. А. Текст и его национально-культурная специфика / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина // Отечественное переводоведение. Некоторые аспекты общей теории перевода: хрестоматия / сост. Н. М. Нестерова. – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2003. – С. 283-289.
16. Сун, Б. Шанхайская драма: сто лет истории / Б. Сун. – Шанхай: Шанхайская народная издательская группа, 2023. – 250 с.
17. Сян, Л. Адаптация русской классики в китайском театре: культурные аспекты / Л. Сян // Вестник мировой культуры. – 2024. – № 4. – С. 235-245.
18. Сяо, Ч. Становление китайского театра XX века и влияние русской драматургии / Ч. Сяо // Вопросы театра. – 2020. – № 3-4. – С. 145-162.
19. Ван, Л. Театральные связи Китая и России в приграничных регионах / Л. Ван // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2022. – № 3 (205). – С. 120-128.
20. Чжан, В. Русская классика на китайской сцене: между традицией и новаторством / В. Чжан // Искусство и диалог культур. – 2022. – № 2. – С. 34-41.
21. Алисов, И. А. История китайской классической литературы с древности и до XIII века: поэзия, проза / И. А. Алисов, М. Е. Кравцова // Academia. – URL: https://www.academia.edu/10362710/И_А_Алисов_М_Е_Кравцова_История_китайской_классической_литературы_с_древности_и_до_XIII_века_поэзия_проза (дата обращения: 19.08.2025). – Текст: электронный.
22. Система К. С. Станиславского как наука об актёрском искусстве // StudFiles – файловый архив студентов. – URL: <https://studfile.net/preview/3827134/> (дата обращения: 19.08.2025). – Текст: электронный.
23. Подтекст. Определение термина // Wikipedia – свободная энциклопедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Подтекст> (дата обращения: 19.08.2025). – Текст: электронный.
24. Отчёт о развитии исполнительских искусств Китая (2022–2023) // Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. – URL: <http://www.mct.gov.cn/> (дата обращения: 16.08.2025). – Текст: электронный.
25. Профессор Шанхайского университета об особой роли русской классики для Китая // Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/kultura/4386211> (дата обращения: 18.08.2025). – Текст: электронный.
26. Швецова, И. Традиция длиною в жизнь / И. Швецова // Вести города. – 2022. – № 13-14. – URL: <https://xn--80aagj1ckbgfc.xn--p1ai/tpost/vcsz8jf5j1-traditsiya-dlinoyu-v-zhizn> (дата обращения: 19.08.2025). – Текст: электронный.
27. Четвёртая стена. Описание явления // Wikipedia – свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Четвёртая_стена (дата обращения: 19.08.2025). – Текст: электронный.
28. В Харбине открылся Международный фестиваль драмы и кино «Амурская осень» // Sputniknews.cn. – URL: <https://big5.sputniknews.cn/20240911/1061494177.html> (дата обращения: 06.09.2025). – Текст: электронный.
29. Хэйлунцзян: культурный обмен на китайско-российской границе процветает // Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. – URL: https://www.mct.gov.cn/gtb/index.jsp?url=https%3A%2F%2Fwww.mct.gov.cn%2Fwhzx%2Fqgwhxxlb%2Fhlj%2F202508%2Ft20250828_961947.htm (дата обращения: 06.09.2025). – Текст: электронный.

Марков А. В., Штайн О. А.
A. V. Markov, O. A. Shtayn

ФИЛОСОФИЯ МАСКАРАДА

MASQUERADE PHILOSOPHY

Марков Александр Викторович – доктор филологических наук, профессор факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (Россия, Москва); 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6. E-mail: markovius@gmail.com.

Alexander V. Markov – Doctor of Sciences in Literature, Professor, Department of Art Studies, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow); 125993, GSP-3, Moscow, 6 Miusskaya square. E-mail: markovius@gmail.com.

Штайн Оксана Александровна – кандидат философских наук, доцент Департамента философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург); 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. E-mail: shtaynshtayn@gmail.com.

Oksana A. Shtayn – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg); 620002, Yekaterinburg, 19 Mira str. E-mail: shtaynshtayn@gmail.com.

Аннотация. В статье рассмотрена семантика слова «маскарад» в русском языке, что позволило выделить два ключевых значения: 1) бал-маскарад как ритуализированное общение с элементами азарта и интриги и 2) шествие в масках как часть карнавальной культуры. На материале работ М. М. Бахтина, Ф. А. Степуна, Вяч. Иванова и современных примерах (пандемийные маски, флешмобы, велоспорт) анализируется взаимодействие этих двух аспектов маскарада. Показано, что маскарад в первом значении связан с трансгрессией, убеждённостью и катастрофическим сценарием, а во втором – с ритуализированным шествием, сценарностью и коллективным воображением. Особое внимание уделяется философской интерпретации маскарада в контексте кризиса идентичности, а также его актуальным формам (виртуальные маски, уличное искусство, кинематограф). В статье также рассматривается, как современные цифровые технологии и социальные медиа трансформируют традиционные представления о маскараде, создавая новые формы виртуальной идентичности и коллективных перформансов. Анализ культурных практик XX–XXI веков демонстрирует, что маскарад остаётся мощным инструментом конструирования социальных и художественных реальностей.

Summary. The article explores the semantics of the word «masquerade» in the Russian language, distinguishing two key meanings: 1) a masquerade ball as ritualized communication with elements of risk and intrigue, and 2) a masked procession as part of carnival culture. Drawing on the works of M. M. Bakhtin, F. A. Steppun, Vyach. Ivanov, and contemporary examples (pandemic masks, flash mobs, cycling), the study examines the interplay between these two aspects of the masquerade. It is argued that the first meaning is associated with transgression, conviction, and a catastrophic scenario, while the second is linked to ritualized procession, scripted behavior, and collective imagination. Special attention is paid to the philosophical interpretation of the masquerade in the context of identity crises, as well as its modern forms (virtual masks, street art, cinema). The article also examines how modern digital technologies and social media are transforming traditional notions of masquerade, giving rise to new forms of virtual identity and collective performances. The analysis of cultural practices from the 20th to the 21st centuries demonstrates that the masquerade remains a powerful tool for constructing social and artistic realities.

Ключевые слова: маскарад, карнавал, Бахтин, серебряный век, пандемийные маски, велоспорт, трансгрессия, идентичность, современное искусство.

Key words: masquerade, carnival, Bakhtin, Russian silver age, pandemic masks, cycling, transgression, identity, contemporary art.

УДК 394.25:1

Слово *маскарад* в русском языке имеет два значения: 1) «бал-маскарад», определённое ритуализированное общение с элементами азартной игры и перспективой интриги, и 2) собственно люди в масках, шествие, определённый как бы «кордебалет» карнавального мероприятия. Оно позво-

ляет различить маскарад-катастрофу и маскарад-парад. Первое значение мы прекрасно знаем по драме М. Ю. Лермонтова, второе – по карнавальной культуре, которая включает в себя всегда шествие в масках с конструкциями, выглядящими вполне как масочные и гротескные. Во втором значении обычно это слово и использовалось в русской культуре нового времени с её придворными истоками [9]. Можно было бы говорить о неустоявшейся терминологии, можно было бы ограничиться только первым значением слова, относя второе к особенностям карнавализации. Но уже само понятие карнавализации ставит перед нами проблему внутри философии праздника [6]. Мы исходим в дальнейшем исследовании из прекрасной формулы Ю. И. Бундина: «Сущность праздника заключается в самосохранении социальной группы, а механизмом обеспечения её целостности выступает коллективная суггестия, воздействующая на физическое и психическое состояние членов коллектива» [5, 6].

Если перечитать великую книгу М. М. Бахтина о Рабле, то мы увидим, что учёный использовал слово «маскарад» попеременно в разных значениях: он говорил то о придворной маскарадной культуре, восходящей к народному гротескному зрелищу, то о маскарадном шествии как необходимой части карнавального сценария. Мысль Бахтина и состоит в том, что вырождение народной смеховой культуры при её переносе в придворную форму связано с тем, что отношения между сценарием и исполнением меняются: вместо сценария, допускавшего любые вольности, исполнение начинает диктовать ограничения сценария. Если сценарий допускал трансгрессию, то исполнение требует уместности. «Народно-праздничные формы, перейдя в линию придворно-маскарадного развития и сочетаясь здесь с иными традициями, как мы уже сказали, начинают стилистически вырождаться. Появляются первоначально чужды им моменты декоративности и абстрактного аллегоризма; амбивалентная, связанная с материально-телесным низом, непристойность вырождается в поверхностную эротическую фривольность» [3, 117].

Соответственно, единственным размыканием такой диктатуры уместности становится особый текстоцентризм, буквальное прочтение текста, заставляющее перейти от маскарадного шествия, жизненных и литературных стратегий карнавализации вновь к начальной роковой трансгрессивности маски: «Легенда о Рабле, как мы уже говорили, даёт нам его карнавальный образ. До нас дошло много легендарных рассказов о его переодеваниях и мистификациях. Есть, между прочим, и такой рассказ о его предсмертном маскараде: на смертном одре Рабле будто бы заставил переодеть себя в *домино* (маскарадный наряд), основываясь на словах Священного писания (“Апокалипсиса”): “Beati qui in *Domino* moriuntur” (т. е. “блаженны умирающие в боже”). Карнавальный характер этого легендарного рассказа совершенно ясен. Подчеркнём, что здесь реальное переодевание (травестия) обосновывается с помощью словесной семантической травестии священного текста» [3, 222].

Таким образом, М. М. Бахтин показывает несводимость двух значений слова «маскарад» друг к другу. Они могут быть редуцированы в случае переподчинения сценария исполнению, но при возрождении непредсказуемого сценария, прежде всего, в ожидании смерти как заведомо индивидуального экзистенциального события, эти значения вновь оказываются полностью актуализированы. Трансгрессивный призыв свыше отражается в карнавализованном жесте, но собственно маскарадное выступление есть полное восстановление автономии всех частей сценария, где поведение перед смертью отличается от самой агонии, как и от предшествующей жизни с исполнением социальной роли. Тем самым карнавальное шествие опять оказывается эпизодом большого сценария жизни, но восприниматься этот эпизод может только как интрига, сложное отношение притворства и действительной убеждённости, благодаря наложению речевых и телесных жестов, после которых и редукция даже абсурдного убеждения становится невозможной. Это убеждение надевает маску неоспоримости, чему позавидует любой светский маскарад.

Актуальность исследуемой темы определяется теми сдвигами в философии маскарада, которые связаны с новыми видами маски, такими как пандемийная маска и виртуальная маска. Пандемийная маска, как показали З. Саламова, М. Скывко, Е. Васильева и другие авторы коллективного труда «Новая норма» [1], подразумевает специфический *мейкап* с маской, создающий видимость благополучия в мире виртуальной коммуникации. Пандемийная маска действует специфи-

ческим образом, она делает лицо выразителем заботы, но одновременно внушает мысль о подконтрольности и некоторой гарантированности всего происходящего.

Тогда мейкап имеет свойства маскарада в первом смысле, создавая новое лицо, пригодное как для реального, так и для виртуального общения, а маска, будь то простая медицинская или декоративная, – маскарада во втором смысле, как шествия, соблюдающего некоторый сценарий и потому нормирующего весь сценарий действий в эпоху пандемии. Светское вырождение маскарада, в смысле Бахтина, происходит тогда в самой виртуальной коммуникации, где домашняя самоизоляция как будто уже и обеспечила некоторое общее благополучие, и тогда у нас сама виртуальная коммуникация становится простой аллегорией солидарности, а общение с довольно простыми требованиями к собеседникам – той самой светской обходительностью, где даже властные жесты, такие как срочные требования что-то сделать, превращаются во что-то вроде той самой светской фривольности (в изводе деловой грубоватости), о которой писал Бахтин.

Кроме виртуальной маски, последствия вырождения которой мы видим и в постпандемийной коммуникации, следует указать и на своеобразные «маскопады», различные флешмобы, в которых участвуют маски. Например, можно указать на летний «День Достоевского» в Санкт-Петербурге как вид карнавала. Это часто шествие, в котором используются костюмы и маски самого Достоевского и его героев, а также карнавальные фигуры не только Достоевского, но и других писателей. Эта культура шествия оказала влияние на дизайн инфраструктуры Санкт-Петербурга: так, новый трамвай в ретростиле, шествующий по улицам города, получил название «Достоевский». Но замечательно, что маска Достоевского может достаться любому, независимо от возраста, пола, социальной принадлежности, т. е. она включает в себя travestiю.

Тем самым маскарад в смысле *маскарадной группы*, шествия, маскарад во втором смысле включает в себя и маскарад в первом смысле как некоторую азартную интригу, как определённую игру в Достоевского и его вполне азартные, вовлекающие и не отпускающие от себя сюжеты. Таким образом, как пандемия, так и масочные флешмобы показывают сложное отношение между маскарадом в первом смысле (притворство, интрига, нарушение границ, скандал), сформированным вокруг убеждения и убеждённости, и маскарадом во втором смысле (шествие, парад, часть сценария, часть жизненной стратегии), построенным вокруг особого переживания повседневности, времени жизни и времени собственного чувства. Маскарад во втором смысле соблюдается часто довольно строго, но именно чтобы оказаться зеркалом, которое стало бы дополнительным доказательством, *дополнительным убеждением для убеждённости*, что маскарад в первом смысле состоялся.

Из наследия русской философии для рассматриваемой темы, кроме книги М. М. Бахтина, более всего актуально наследие Ф. А. Степуна, русского религиозного философа прусского происхождения. Для Степуна маскарад – это соприкосновение времени с вечностью, организующей и порядок надевания масок, и порядок их шествия, сумма чего – обновление. Статья Р. Гольдта «Демоны маскарада. Проблематика маски, лика и личности в творчестве Федора Степуна и Вячеслава Иванова» [6] показала эту связь переживания времени и масок через призму творчества двух ключевых фигур Серебряного века – Федора Степуна и Вячеслава Иванова. Мaska в философии Степуна и Иванова – это не просто театральный атрибут, а сложный символ, связанный с проблемами личности, истины и самообмана. Иванов в стихотворении «Демоны маскарада» (1914 г., окончательная редакция 1937 г.) создаёт образ хоровода масок, где грань между лицом и личиной стирается, а истина становится риторической игрой («Ложь истины твоей змеиной / Иль истину змеиной лжи»). Степун, в свою очередь, развивает идею «многоликости» человека, где маска не только скрытие, но и способ выражения внутренних потенций. Для него личность – это динамическое единство множества ролей, что особенно ярко заявлено в его эссе «Природа актёрской души» (1923 г.). Тем самым маскарад, добавим, это некоторое собирание множества ролей, чистое зеркало этих ролей, напоминающее о таких конструктах русской религиозной мысли, как София Премудрость в философии П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова. Только он не подразумевает прорыв к трансцендентному, а только собирание опыта временности и временения с целью возобнов-

вить сценарии жизни, где только личность и может в конце концов заявить о себе и лично отчитаться за сделанное в жизни.

Гольдт обращает внимание на противопоставление маски (личины) и лика как ключевой оппозиции в философии Серебряного века. У Степуна лик – это божественный прообраз, «непреходящая сущность» (например, «Лик России» в его книге «Das Antlitz Rußlands und das Gesicht der Revolution»), тогда как маска – временное искажение этой сущности. Иванов, следуя неоплатонической традиции, видит в лице откровение высшей истины, а в маске – опасность регресса в хаос («Но вы, которым светит Лик, / Не возвращайтесь в ночь Личины»). Павел Флоренский в «Иконостасе» развивает эту идею, называя лик «идеей» в платоновском смысле, а маску – знаком отсутствия Бога. Как мы видим, Степун вводит фактор времени и тем самым говорит не о конструкциях, таких как прогресс и регресс, космос и хаос, присутствие и отсутствие, а о том, что в свете непреходящего никакая конструкция не может быть полноценной частью жизненного сценария. Поэтому маскарад в обоих смыслах оказывается необходимым как просто освоение времени в условиях сложных социально-политических сдвигов.

В конце концов, Гольдт показывает, как концепции маски и маскарада отражают кризис идентичности в эпоху революций и войн. Степун связывает политическое «эстетизирование» (например, большевизм) с артистическим перевоплощением, где революция становится грандиозным спектаклем с трагическими последствиями. Волошин, напротив, видит в маске социальный защитный механизм, позволяющий сохранить индивидуальность в толпе. Гольдт подчёркивает, что дискуссии о маске, лице и лице в русской философии первой половины XX в. это не только эстетическая, но и экзистенциальная проблема, связанная с поиском подлинности в мире, где «все люди оказались личинами» (как писал Блок о Вл. С. Соловьёве).

Маска здесь – и символ обмана, и способ самовыражения, а лик – недостижимый идеал подлинности. Но именно поэтому маскарад это не просто надевание маски, а участие в шествии (по Волошину, где маскарад понимается в нашем втором смысле) и одновременно некоторая остановка в ходе постановки эстетического спектакля, катастрофическая развязка, не обязательно губительная, или резкая перемена, что соответствует нашему пониманию маскарада в первом смысле. Конечно, мы не можем не признать, что мысль Степуна больше всего вдохновлялась поэзией Александра Блока, в которой маски могут означать как хаотичность жизненных сценариев, так и, в конце концов, катарсис в том действии, в той всемирной литургии, которую непонятно кто служит, действии с неопределенным субъектом, но катарсис в котором должен коснуться всех нас.

Маскарад как в первом, так и во втором смысле подразумевает перемену одежды. И здесь мы оказываемся внутри центральной проблемы нашей статьи: существует достаточный языковой ресурс, чтобы описывать новую одежду, дополнительную одежду, новую маскировку, например, макияж. Но обнажение, наготу, карнавальность, связанную с отказом от одежды, различными минус-решениями, описывать труднее. Вместе с тем нагота может быть и карнавальной: достаточно вспомнить многочисленные образы ницшеанского сверхчеловека как обнажённого совершенного человека, например, на обложке книги стихов К. Бальмонта «Будем как солнце» (1902 г.), построенной по образцу «Цветов зла» Ш. Бодлера или книги В. Янчевецкого (будущего известного исторического беллетриста В. Яна) «Воспитание сверхчеловека» (1908 г.) с программой спортивного и диетического преобразования тела, новоантинной заботы о себе [10] и работы над собой.

Такая сверхчеловеческая нагота как маскарад много раз повторялась в эту эпоху: например, 2 августа 1904 г. в Оптиной пустыни один из энтузиастов подвижничества приобрёл сверхчеловеческую убеждённость [8]: он голым встал на храмовый престол, воздел руки вверх (как раз в том жесте, который мы видим на обложках книг Бальмонта и Янчевецкого) и, судя по всему, объявил себя новым сверхчеловеком и человекобогом. Здесь нагота, конечно, не есть искренность, но есть именно карнавальная убеждённость, что различные интриги, жесты, притворства, в том числе и притворное объявление себя новым богом, в конце концов ведут к торжеству некоторой однозначной убеждённости, разделяемой всеми. Этот человек разыграл маскарад в первом смысле, при этом маскарад во втором смысле здесь не подразумевался, т. к. этот энтузиаст, постоянно сам ложился свои сценарии, занимаясь «самочинным» подвигом, их не осуществлял.

Маскарад во втором смысле, не катастрофическом первом, а сценарном втором, включающий в себя не только культуру одевания, но и культуру приличной наготы (обтягивающая одежда) и стройности тела, можно увидеть в велоспорте. Велосипед – это попытка удержать ускользающую реальность, зафиксировать момент, когда всё уже изменилось, но ещё кажется прежним. Можно вспомнить скульптуру А. Майоля «Велосипедист» (1907 г.). Она обычно трактуется как индивидуализирующая пластика: «Большая, чем обычно, индивидуализация образа – сближает эту статую с немногочисленными майолевскими портретами» [2, 13]. Но она невероятно конструктивна. Тело велосипедиста оказывается сухощавым и упругим как пружина, а голова при этом наклонена, как голова коня. Тело не отсылает ни к чему, кроме энергичности, совершенно молниеносному конструктивизму, тогда как наклон головы сразу напоминает о животных метаморфозах.

В отличие от оптинского «самочиния» здесь как раз соблюдается сценарий шествия, и поэтому катастрофичность – это просто смена различных масок, различных обликов, спортсмен то похож на резвую лошадь, то на античное божество, то на внимательного собеседника. Майоль вскоре после создания скульптуры отправился в Грецию. Мы можем отметить, что поворот талии велосипедиста – лирическая метафора лёгкого поворота велосипеда благодаря инновациям в велосипедной технике, совершенствования технологий, а выпирающие рёбра – образ как раз пружины. Всё это, по Бахтину, грозит выродиться в аллегорию и фривольность, но благодаря энергии велосипедного спорта не вырождается.

Связь велоспорта с маскарадом в обоих смыслах отметил очень тонко Вальтер Беньямин: «С техникой кино – так же как и с техникой спорта – связано то, что каждый зритель ощущает себя полупрофессионалом в оценке их достижений. Чтобы открыть для себя это обстоятельство, достаточно послушать разок, как группа мальчишек, развозящих на велосипедах газеты, обсуждает в свободную минуту результаты велогонок. Недаром газетные издательства проводят гонки для таких мальчишек. Участники относятся к ним с большим интересом. Ведь у победителя есть шансы стать профессиональным гонщиком» [4, 43]. Читатели газет, как и кинозрители, полупрофессионалы, профессионализм падает на них, как маска. Таким образом, когда мальчишки развозят на велосипедах газеты, они создают маскарад во втором смысле, как эпизод, шествие, предшествующее возможному участию в профессиональном спорте. Они виртуально, невидимо, надевают на себя маски чемпионов и невидимо несут перед собой воображённые ими фигуры их кумиров.

Но газета с результатами велогонок создаёт для них, как только они остановились и заглянули в газету, которую везли, маскарад в первом смысле: они понимают, что они не чемпионы, что пока не произошло благополучной связки, и, оказавшись теми самыми полупрофессионалами, они и стремятся быть стремительными, как профессионалы, и надевают маску оценки достижений, позируя сами перед собой. Они как протагонисты трагедии в этот момент понимают, что рок сбывается в них, что нужно ещё больше притворства, чтобы при этом воссоздать правильную убеждённость: да, результаты такие, они есть в таблице, и моё притворство поддерживает смысл этих результатов, просто заявленных в газете. Это те же механизмы, которые и создают нашу убеждённость при просмотре фильмов, что арка героя не простая условность, а как бы сама жизнь, потому что в самой этой арке заключена убеждённость, что всё в жизни должно происходить именно так, а не иначе.

Два смысла маскарада всякий раз заявляют себя в искусстве, посвящённом велосипедам, с той очевидностью, которой невозможно пренебречь. Так, уже импрессионизм, современный велосипедным впечатлениям, создал два канона изображения велосипедов. Один из них – внимание к новым техникам, промышленному прогрессу, уменьшающему износ велосипедов и при этом увеличивающему скорость. Здесь имеется в виду маскарад в первом смысле как определённая индивидуальная стратегия поведения, надевание маски чистого спортсмена, с притворством (развитием своих способностей) и связкой (победой в соревновании). Так, Анри Тулуз-Лотрек в литографии «La Chaîne Simpson» (1896 г.) изобразил гонщика, демонстрируя динамику движения. Это была реклама велосипедной цепи с крючковатыми зубьями и пазами, которая оказалась эргономичнее, легче и надёжнее обычной. Скорость оказывается эффектом одиночки, протагониста, ждущего связки и осуществляющего связку; одиночного изобретения, в противовес соседнему

на литографии tandemу, на котором едет коллектив. Тем самым развязка отождествляется с лёгкостью, наготой самого технического изобретения.

Другое направление как раз имеет в виду маскарад во втором смысле, как парад, шествие, управляющее модами. Жан Беро в картине «Велосипедисты в Булонском лесу» (ок. 1890 г.) показал моду на велопрогулки среди парижской буржуазии. Эта картина делится как бы на два треугольника: кафе и площадка для того, чтобы осваивать велосипед. Треугольник – лучший визуальный образ организации маскарада во втором смысле, как шествия, где жизненный сценарий всякий раз обретает остроту, динамизм, стратегичность не вокруг убеждённости (которую лучше как раз символизирует круговая композиция, как у Тулуз-Лотрека), но вокруг динамизма, порыва, оправдывающего следование сценарию.

Парность этих двух канонов изображения велосипедов, по образцу маскарадного притворства и по образцу неумолимого шествия в масках, постоянно наблюдается в искусстве XX в. Всегда есть эта пара. Первый канон связан с реди-мейдом, эффектом сверхреальности, наготы самой реальности, образом маскарада как неизбежного разоблачения и катастрофы. Второй канон связан с движением, прогулкой, гонкой, маскарадом как парадом, устойчивым развитием и межкультурным взаимодействием. Разберём пять таких пар, где сначала имеется в виду маскарад в первом смысле (сосредоточенность, индивидуализм, убеждённость, развязка, катарсис), а затем – маскарад во втором смысле (порывистость, расслабленность, воображение, незавершённость, поэтическая повторяемость):

1. В фотографии, где велосипед выступает как часть городской жизни, символ скорости или объект дизайна:

Анри Картье-Бressон – в кадре «Париж» (1932 г.) увиденный сверху велосипедист гармонично вписан в городской пейзаж, взят в улитку улицы, что выражает как раз индивидуальную судьбу.

Роберт Дуано – его знаменитая фотография «Велосипедная прогулка» (1949 г.) передаёт романтику послевоенного Парижа. Девочка на роликах держится за подол мальчика-велосипедиста в тени Эйфелевой башни, и здесь мы видим, как в городе возрождается жизнь благодаря воображению, а не убеждениям.

2. В инсталляции:

Пабло Пикассо пересоздал велосипедное седло и руль (1943 г.) – скульптуру из готовых предметов, превратившую обычные детали в абстрактную голову быка. Агрессия, трагедия, ужас.

Фернан Леже в своих работах часто использовал механические формы, включая велосипедные элементы, как символ индустриальной эпохи. Механика, коллективность, однородность вместо технических или эстетических новаций.

3. В реди-мейде:

Марсель Дюшан – его «Велосипедное колесо» (1913 г.) признано одним из первых реди-мейдов в искусстве. Всё искусство спотыкается о себя и становится другим.

Ай Вейвей – в инсталляции «Велосипеды навсегда» (2011 г.) использовал сотни стальных велосипедов, создавая эффект бесконечного движения, отсылая к массовому производству и социальному контролю в Китае, однообразию и меланхолии.

4. В кинематографе:

«Похитители велосипедов» (1948 г., Витторио Де Сика) – классика неореализма, где потеря велосипеда становится трагедией для рабочего.

«Инопланетянин» (1982 г., Стивен Спилберг) – культовая сцена полёта на велосипеде, «Трон: Наследие» (2010 г., Джозеф Косински) – светящиеся велосипеды в футуристических гонках – всё это торжество футуристического воображения.

5. В уличном искусстве, где велосипед – популярный мотив экологичного транспорта или протеста:

Бэнкси в одной из работ изобразил девочку, частично разобравшую велосипед и использующую одно из колёс как хулахуп, что можно трактовать как критику технократического милитаризма с его жёсткими спицами и узлами и требование катарсиса.

Муралы с велосипедами, пропагандирующие устойчивое развитие, в разных городах Европы и не только.

Велосипед давно стал образом самодостаточности и индивидуальности, особого равновесия между лёгкостью использования (маскарад в первом смысле, развязка и катарсис) и контроля (маскарад во втором смысле, дерзость поездки). Казалось бы, это противоположность кукле как подчинённому предмету, потому что именно куклу, а не велосипед, обычно вспомнят как понятие, близкайшее к понятию маски и маскарада. Но кукла может быть и проекцией внутреннего я: в психологии (например, у Фрейда) кукла может быть проекцией внутреннего «я»; в искусстве (Ханс Беллмер, сюрреалисты) куклы становятся символами искажённой реальности; в японской культуре (например, «бисёнен» в аниме, эrotичный юноша) кукловидные персонажи выражают идеал красоты, граничащий с искусственностью. Тогда можно обыгрывать связь велосипеда и куклы через воспоминания о первых самостоятельных движениях, например, в кинетических объектах, «велосипедном балете» или новых сюрреалистических объектах.

Маскарад в философской перспективе оказывается многомерным феноменом – от античного театра до цифровых аватаров. Он отражает диалектику свободы и принуждения, игры и серьёзности, сокрытия и откровения. В эпоху социальных сетей, где идентичность становится всё более фрагментированной, философия маскарада приобретает новую актуальность, предлагая инструменты для осмыслиния природы «я».

Современные социальные медиа и цифровые технологии радикально трансформировали традиционные представления о маскараде, превратив его в повседневную практику конструирования идентичности. Виртуальные аватары, фильтры в социальных сетях, анонимные профили – всё это новые формы масок, которые, в отличие от карнавальных личин, не просто скрывают лицо, но создают альтернативные «я». Если в классическом маскараде маска была временным атрибутом, то в цифровом пространстве она становится частью перманентного самопрезентирования, где граница между игрой и подлинностью размывается. Этот процесс можно рассматривать как продолжение бахтинской идеи о диалоге масок как основании не только лирического сегментирования жизни, но и экзистенциальной развязки, однако теперь он происходит в режиме реального времени, а его участниками становятся миллионы пользователей, коллективно создающих новые сценарии визуальной коммуникации. Здесь развязка оказывается раньше завязки, что требует особенностей инструментов анализа.

Особый интерес представляют цифровые перформансы, в которых маскарадные практики обретают новое звучание. Флешмобы в соцсетях, AR-фильтры, меняющие черты лица, и даже NFT-аватары – всё это формы современного карнавала, где участники одновременно и зрители, и актёры. В отличие от традиционного маскарадного шествия, цифровой перформанс не требует физического присутствия, но сохраняет ключевой элемент – игру с образами. Например, феномен «deepfake» доводит идею маски до крайности, позволяя полностью замещать одну идентичность другой, что ставит вопрос о том, где заканчивается маскарад и начинается симулякр. Эти практики можно сопоставить с описанным Бахтиным текстоцентризмом учёности в жизненном поведении Рабле: если в прошлом маска обретала силу через буквальное прочтение жеста (как в случае с Рабле), то сегодня её власть основана на алгоритмической убедительности цифрового образа, и нам приходится устанавливать отношение текста и метатекста по-новому, по-своему иерархизированных инструментов структуралистской и постструктуралристской критики для этого недостаточно.

Наконец, маскарад в цифровую эпоху становится инструментом социального и политического высказывания. Анонимные аккаунты, коллективные протестные акции в виртуальном пространстве (например, движение #BlackLivesMatter в метавселенных) – всё это примеры того, как маска перестаёт быть просто элементом эстетической игры и превращается в средство сопротивления или, напротив, контроля. В этом контексте особенно важна идея Степуна и других русских религиозных философов о маске как способе выражения внутренних потенций: если раньше карнавал позволял на время выйти за рамки социальных норм, то сегодня цифровые маски дают возможность конструировать новые реальности, где идентичность больше не привязана к телу, но существует как бесконечно изменяемый конструкт. Таким образом, маскарад XXI в. это не просто

продолжение традиции, а принципиально новый феномен, в котором сливаются эстетика, технология и социальная динамика.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Новая норма»: гардеробные и телесные практики в эпоху пандемии / сост. Л. А. Алябьева. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 320 с.
2. Апчинская, Н. Аристид Майоль / Н. Апчинская. – М.: Изобразительное искусство, 1981. – 64 с.
3. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
4. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин; пер. с нем. С. А. Ромашко. – М.: Медиум, 1996. – 240 с.
5. Бундин, Ю. И. Праздник в механизме трансляции цивилизационных констант / Ю. И. Бундин // Культурологический журнал. – 2017. – № 1 (27). – С. 6-9.
6. Гольдт, Р. Демоны маскарада. Проблематика маски, лика и личности в творчестве Федора Степуна и Вячеслава Иванова / Р. Гольдт; пер. с нем. О. Назаровой // Федор Августович Степун / под ред. В. К. Кантора. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 178-187.
7. Ким, В. В. Философия на досуге: как возможен праздник? / В. В. Ким, Е. В. Васильева // Философские науки. – 2023. – Т. 66. – № 4. – С. 102-121.
8. Нилус, С. А. На берегу Божьей реки. Записки православного / С. А. Нилус // Litres. – URL: <https://www.litres.ru/book/sergey-aleksandrovich-nilus/na-beregu-bozhiey-reki-zapiski-pravoslavnogo-11828422/chitat-onlayn/> (дата обращения: 12.03.2025). – Текст: электронный.
9. Фагурел, Ю. Е. Экипажи придворных маскарадов в России в XVIII в.: проблемы типологизации / Ю. Е. Фагурел // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2016. – № 1 (3). – С. 81-95.
10. Фуко, М. История сексуальности: забота о себе / М. Фуко; пер. с фр. – М.: Рефл-бук, 1998. – 288 с.

Сова О. Н.
O. N. Sova

ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АБСЕНТЕИЗМА КАК ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ

EXISTENTIAL FOUNDATIONS OF ABSENTEEISM AS A FORM OF POLITICAL PROTEST CULTURE IN THE LATIN AMERICAN REGION

Сова Оксана Николаевна – кандидат культурологии, доцент кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675000, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104; тел +7(924)673-78-03. E-mail: sovamur@mail.ru.

Oxana N. Sova – PhD in Culture Studies, Associate Professor, Department of General History, Philosophy and Cultural Studies, Blagovestchensk State Pedagogical University (Russia, Blagovestchensk); 675000, Amur region, Blagoveshchensk, 104 Lenin str.; tel.: +7(924)673-78-03. E-mail: sovamur@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются сущностные начала одной из форм культуры политического протеста, связанной с отказом от участия в голосовании. В качестве области исследования было привлечено культурное пространство латиноамериканских государств, выделяющихся высоким уровнем абсентеистских настроений. Для понимания содержания абсентеизма как явления политической культуры были выявлены причины его возникновения и факторы воздействия на участников политической жизни. Значимостью обладает различие роли власти и культуры в становлении феномена абсентеизма. В ходе исследования проблемы раскрыт широкий спектр форм реагирования избирателей на специфику политической власти. С другой стороны, изучены ответные реакции на абсентеизм со стороны государства и общества. Автором сделан вывод о важности изучения экзистенциональных основ абсентеизма для выбора стратегий роста политической культуры избирателей.

Summary. The article examines the essential principles of one of the forms of culture of political protest associated with refusing to participate in voting. The area of research was the cultural space of Latin American countries distinguished by a high level of absenteeism. To understand the content of absenteeism as a phenomenon of political culture, the reasons for its emergence and the factors influencing the participants of political life were identified. It is important to distinguish the role of power and culture in the formation of the phenomenon of absenteeism. In the course of the study of the problem, a wide range of forms of reaction of the electorate to the specifics of political power was revealed. On the other hand, the responses to absenteeism from the state and society were studied. The author concludes that it is important to study the existential foundations of absenteeism for choosing strategies for the growth of the political culture of voters.

Ключевые слова: абсентеизм, культура политического протеста, политическая культура, экзистенциональные основы, Латинская Америка.

Key words: absenteeism, culture of political protest, political culture, existential foundations, Latin America.

УДК 008

Политическая культура как часть общей культуры играет важную роль в жизни каждого человека и в достижении им более высокого социального статуса, она связана с возможностью на практике воплотить в жизнь права и свободы граждан. Как определяют содержание политической культуры Г. Алмонд и С. Верба, она включает особенные политические ориентации граждан по отношению к политической системе и её составляющим, а также к их личной роли в этой системе [12, 13]. Её важным элементом выступает культура политического протеста, которая является актом властного характера и попыткой увеличения собственных властных полномочий [10, 96]. Это одна из форм политического участия, отражающая недовольство граждан существующей политической системой вообще или её отдельными частями: нормами, ценностями, практическими мера-

ми. В свою очередь это порождает активные и пассивные методы борьбы – от открытой демонстрации своего негативного отношения к политическому строю до скрытого неприятия существующих порядков и вследствие этого игнорирование своих гражданских прав участия в политической жизни.

Раскрывая феномен культуры политического протеста, необходимо учитывать достаточно широкий спектр константных ориентиров, которые складываются в определённом обществе под влиянием культурных традиций и исторических условий. Именно они влияют на способы реагирования гражданами на политические события и их участников. От этих установок будет зависеть отторжение существующего политического курса или постановлений, принятых на разных уровнях власти. Кроме этого, второй стороной этого явления будет ответная реакция на протест со стороны официальной власти или в целом всей общественности, т. к. протест всегда осуществляется определённой группой населения, даже если она и составляет значительную часть конкретного общества.

Культура политического протеста обусловлена разными факторами. Для латиноамериканских стран характерны такие предпосылки, как нарушение конституционных норм, фальсификации во время выборов президента, неудовлетворённость действующей конституцией, правящими элитами, их коррумпированностью и неэффективными методами управления в государстве, а также обострение нерешённых социально-экономических проблем: резкий рост безработицы, недоступность базовых услуг для населения (медицинских, образовательных), рост цен, снижение качества жизни [8, 9; 11, 73].

Существенными обстоятельствами генезиса этой формы культуры в заданном регионе являются устоявшиеся обычаи: голосовать за определённые партии согласно семейным традициям и выражать протест остальным политическим движениям; быть подверженными воздействию искусства в поддержании политических ориентиров потенциальных избирателей (например, мурали в Венесуэле или Мексике); влияние касикизма и каудильизма, а иногда и сохраняющегося мачизма.

Одной из пассивных форм политического протеста выступает политический абсентеизм как устойчивое явление политической жизни практически всех стран мира, включая латиноамериканские.

Подразумевая под абсентеизмом форму электорального поведения, проявляющуюся в неучастии в выборных процедурах, исследователи А. А. Керимов и М. М. Луговцев отмечают, что не всякий абсентеизм можно отнести к политическому протестному поведению. Если пассивный абсентеизм отчуждает от политического процесса на фоне низкой политической культуры населения, то активный абсентеизм ведёт к осознанному отказу от участия в выборных процедурах по политическим мотивам. Активный абсентеизм возрастает, если отсутствует графа «против всех», которая даёт возможность проявить волеизъявление избирателя [4, 204-205]. Эти выводы позволяют выявить факторы, обуславливающие исследуемый феномен. Если повышение политической культуры может привести к преодолению абсентеизма, то осознанный отказ от голосования свидетельствует о более глубоких проблемах политической системы, отторгающих избирателей от участия в голосовании.

Достаточно ярко абсентеизм проявляется в латиноамериканских странах. Согласно статистическим данным, доля населения, игнорирующего политические выборы, высока и составляет заметную часть граждан. Для иллюстрации этого утверждения обратимся к некоторым статистическим сведениям относительно последних выборов президентов в отдельных латиноамериканских странах. В Венесуэле в 2024 г. явка избирателей на участки для голосования составила 57,9 %, тем самым процент не явившихся избирателей оказался достаточно высоким – 42,1 %. В этом же году в Уругвае явка составила 89,61 % и 89,35 % соответственно в первом и втором турах голосования, что говорит о явке более 10 % избирателей. Ещё плачевнее результаты в Колумбии, где на выборах президента в 2022 г. на первый тур явились 54,98 % избирателей, а на второй тур – 58,17 %. Таким образом, не явившихся избирателей было 45,02 и 41,83 % соответственно. В Мексике явка на выборах в 2024 г. составила 61,05 %, тем самым не явившихся избирателей ока-

залось почти 39 % [14]. В целом, неявка по этим странам составила от 10 до 45 %, что является достаточно высоким показателем.

Допустим, что некоторые избиратели не воспользовались своим правом голоса по таким причинам, как болезнь или форс-мажорные обстоятельства, но нельзя с достоверностью утверждать, что только в этом дело. Важно попытаться понять причины такого поведения для его преодоления.

Нужно отметить, что неявка на избирательные участки может происходить по разным причинам. Несмотря на свыше 200 реформ избирательных систем в странах Латинской Америки начиная с 1978 г., остаются нерешёнными такие проблемы, как недостаточное представительство групп, низкий уровень внутренней демократии политических партий, отсутствие прозрачности в финансировании политической сферы, злоупотребления во время выборов, технические недостатки их проведения и др. [1, 53]. Все эти явления предопределяют укоренённость феномена абсентеизма.

Причиной мировоззренческого характера, обуславливающей низкую избирательную активность, Р. Инглхарт считает переход от модерна к постмодерну, в политической области выражавшийся падением уважения к власти и усилением акцента на участии и самовыражении. По мнению исследователя, акцент смещается с голосования на активные и проблемно-специфированные формы массового участия [3, 17]. Можно согласиться с этим мнением, но в обязательном порядке нужно учитывать культурно-исторические условия развития общественно-политических институтов как в конкретном государстве, так и в регионе в целом. Ведь ход истории Латинской Америки, изначально уникальной культурами коренных народов и их мировоззренческими установками, подвергся сильному воздействию в результате заселения региона европейцами, а затем и африканскими народностями. Тернистый путь обретения независимости и поиска политической стабильности и суверенности также продолжает оказывать влияние на политические установки граждан.

Иногда сказываются технические аспекты проведения выборов, из-за которых избиратель не может воспользоваться своим правом голоса (удалённость участка, слабая информированность о предстоящих выборах и т. д.). Это напрямую связано с деятельностью избирательных органов, которые обязаны решать подобные проблемы. Как отмечает Ф. Падрон Пардо, актуальной проблемой для стран Латинской Америки является внедрение электронных систем голосования. Их активное использование позволит вернуть гражданам доверие к прозрачности выборов, веру в отсутствие коррупции, а также снизить склонение избирателей от участия в выборах. При этом электронное голосование не должно стать дополнительным барьером для участия граждан, не вступивших в цифровую эпоху [15, 214]. Учитывая недостаточную техническую оснащённость отдельных регионов в латиноамериканских странах, это средство преодоления абсентеизма не может быть реализовано быстро, и в то же время сомнительно, что оно может стать панацеей в решении проблемы.

Кроме технических причин, возможны нормативные причины: тип выборов (общенациональные или местные, президентские или законодательные) может влиять на процент явки избирателей, которые для себя определяют степень важности текущих выборов; обязательность голосования и эффективное применение возможных санкций [18, 281]. Например, необязательное голосование существует в Колумбии, Никарагуа, Венесуэле. Обязательное голосование без санкций провозглашено в Коста-Рике, Сальвадоре, а с санкциями – в Боливии, Мексике, Перу, Аргентине и Бразилии. В частности, в Аргентине голосование является обязательным для граждан в возрасте от 18 до 70 лет, а наказание за игнорирование выборов включает денежные штрафы и запрет занимать государственные должности или работать в течение трёх лет после выборов. В некоторой степени эти законы повышают явку избирателей на участки, но не исключают абсентеизма и наличия испорченных бюллетеней.

Также существуют и социально-культурные причины, которые выявляются труднее. Это и апатия по отношению к последствиям, которые могут возникнуть после голосования, потеря авторитета и доверия к институтам и избранным лидерам; факторы насилия и запугивания; скептицизм по поводу прозрачности выборов и абсентеизм как форма демократического участия [16].

Обращаясь к экзистенциональным основам абсентеизма, необходимо затронуть его философские и психологические аспекты. С их помощью можно выявить те факторы, которые влияют на решения акторов политической культуры, в том числе на их желание не участвовать в выборах.

Во-первых, это чувство недоверия к существующим политическим институтам и к тому, что их голос может что-то решить, ощущение предопределенности результатов выборов. Такие настроения возникают на основе накопленного опыта, когда участие в выборах не ведёт к реальным изменениям после их завершения.

Во-вторых, отдаление от политической системы, которая не учитывает запросы конкретных групп населения. Это может касаться представителей отдельных профессий, этнических групп, социальных слоёв или отдельных субкультур, которые в итоге игнорируют выборы.

Одной из причин абсентеизма является доминирование у личности норм субкультуры при практически полном вытеснении общепринятых норм культуры. Мир за рамками «своей» субкультуры воспринимается как чуждый и/или иллюзорный. Также причинами могут выступать распад групповых норм, утрата личностью чувства принадлежности к какой-либо социальной группе, а в связи с этим ценностей и целей общественной жизни.

Во многих странах Латинской Америки недостаточно внимания уделяется коренным жителям, положение которых остаётся крайне тяжёлым. Оно усугубляется нехваткой у них земли, зачастую отсутствием возможности получить образование, медицинскую помощь, решить жилищные и другие вопросы. Несмотря на имеющиеся законодательные документы государства, представляющие привилегии индейцам, на практике это не реализуется.

Примером является Мексика, где заметная часть аборигенов в штате Чьяпас не только не участвует в выборах, но и вообще не подчиняется официальной власти. Последние тридцать лет в этом регионе сохраняются сапатистские общинны со своим укладом жизни, неподконтрольные правительству Мексики, призывающие к сопротивлению [17]. Политический протест индейцев в данном случае вышел за пределы абсентеизма и принял радикальную форму.

В-третьих, отсутствие идентификации себя с ведущими политическими партиями и движениями, несходство личных ценностных установок и продвигаемых политическими силами идеиних программ.

В русле этих явлений показательным примером выступают молодёжные движения во многих латиноамериканских странах, в которых студенты недовольны доступностью образовательной среды и в целом нацелены на демократизацию сложившихся политических систем. Как правило, студенты применяют активные методы политической борьбы: создание молодёжных объединений, участие в СМИ, в протестных акциях, включая забастовки, демонстрации, марши, голодовки и блокирование дорог. Например, в Венесуэле в последнее десятилетие высока активность студентов, которые выступают против администрации президента Н. Мадуро. И со стороны власти, и со стороны протестантов отмечается применение насилия, обостряющее социальные конфликты [5, 25].

В-четвёртых, чувство тревожности или даже страха перед последствиями участия в выборах. Это может быть и социальное осуждение, и боязнь репрессий со стороны властей.

К примеру, история современной Колумбии с устойчивым феноменом виolenсии в её культуре объясняет уклонение населения от голосования. Вооружённый колумбийский конфликт в форме гражданской войны практически перманентно длился с 1948 г. (убийство либерала Хорхе Гайтана) до 2016 г., когда официально с крупнейшей и старейшей партизанской организацией «Революционные вооружённые силы Колумбии – Армия народа» (РВСК-АН) было подписано мирное соглашение.

В Колумбии даже сознательные люди переходят от «высокого» уровня политического протesta к «низкому», т. к. насилие в разных формах не даёт реализовать право на санкционированные формы протеста. Высокосознательные люди становятся руководителями или идеиными лидерами для людей с низким сознательным уровнем, использующих кроме абсентеизма, бунтарства и неорганизованных митингов организованную партизанскую борьбу. В качестве примера можно привести процесс легализации РВСК-АН, последовавшие за этим репрессии в отношении легализовавшихся бойцов и вновь возобновление партизанской борьбы. В стране продолжают свою дея-

тельность партизанские формирования, а государство с помощью насильственных мер пытается решить эту проблему [7].

Опасение за свою жизнь латиноамериканцы испытывают из-за феномена парамилитарес – полувоенных организаций, зачастую нелегально финансируемых государственной властью. Под страхом репрессий со стороны так называемых «эскадронов смерти» граждане не могут открыто выразить свои политические предпочтения на выборах, игнорируя их ради спасения собственной жизни. В той же Колумбии долгое время действовала правая военизированная организация «Силы самообороны Колумбии», которая в 1997 г. объединила разрозненные группировки тех, кто уничтожал партизан и защищал от них элиту – собственников предприятий и крупных землевладельцев. В конечном итоге она была признана террористической организацией, связанной с наркобизнесом, и распущена, но посейный ею страх остался в социальной памяти, затрудняя голосование в наши дни. Другим примером может служить мощная волна протестных движений в Эквадоре и Чили в 2019 г., которая сопровождалась насильственными методами в отношении их участников со стороны правительственные сил и привела к ещё большему расколу общества [6, 105].

Эти факты ярко демонстрируют важное отличие культуры от политической власти в плане методов управления социальным порядком: награждение/наказание за проявленное гражданами поведение – у власти; формирование общественного мнения, одобряющего или осуждающего человека, – у культуры. Последнее зачастую является более действенной мерой психологического порядка [9]. Абсентеистские настроения предопределяются экзистенциональными установками двух феноменов, обуславливающих паттерны поведения участников политической культуры.

В-пятых, личностные факторы, связанные с уровнем образования, социальным статусом, личными идеальными убеждениями. Как показывает практика, низкий уровень политической культуры и вовлечённости в политическую жизнь в совокупности с недостатком образования и низким статусом предопределяет обращение к абсентеизму. Эти причины характерны для стран третьего мира, в которых сильна поляризация общества по имущественному признаку. Бедность и нищета обуславливают безучастность граждан к политической жизни.

Последователи идей Д. Рисмана и С. Хантингтона считают, что абсентеизм можно рассматривать как показатель стабильности политической системы и общества, т. к. активное участие граждан в выборах её не гарантирует. В силу недостаточной информированности или низкого уровня политической культуры и правового сознания не все граждане могут нести ответственность за активное участие в выборах [2, 42]. В этом ключе большую роль могут сыграть правовое воспитание, правовая культура и правосознание как стимулы активности избирателей.

В-шестых, влияние психологических факторов, таких как апатия, депрессия, вызывающих ощущение безнадёжности и нежелание принимать активное участие в общественно-политической жизни. Политическая апатия может наблюдаться вследствие недоверия к политическим институтам, ощущения невозможности повлиять на принятие решений властью. С точки зрения теории рационального действия, как отмечает А. Даунс, игнорирование политики является не следствием апатии или антипатриотических настроений, а в большей степени представляет собой «крайне рациональный ответ на фактическое положение дел в политической жизни обширного демократического государства» [13, 147].

Таким образом, абсентеизм является одним из индикаторов проявления социально-экономических, политических и культурных проблем в государстве. Многогранность экзистенциональных основ абсентеизма обуславливает конкретное отношение людей к политическому процессу. Их формирование связано с внутренними и внешними факторами. Подробное изучение и анализ этих основ может оказать помощь в выработке стратегий повышения уровня участия граждан в выборах и в политической жизни в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Г. Н. Проблемы избирательного права в Латинской Америке / Г. Н. Андреева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2020. – № 4. – С. 52-58.

2. Анисимова, О. В. Социально-психологический анализ проблемы абсентеизма / О. В. Анисимова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2009. – Т. 2. – № 1. – С. 1-46.
3. Инглхарт, Р. Постмодерн: Меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 6-32.
4. Керимов, А. А. Политический протест: теоретико-методологические подходы и интерпретации / А. А. Керимов, М. М. Луговцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 202-206.
5. Клещенко, Л. Л. Протестные студенческие движения в странах Латинской Америки / Л. Л. Клещенко // Латинская Америка. – 2021. – № 1. – С. 22-34.
6. Косевич, Е. Иерархия мотивов латиноамериканского протesta / Е. Косевич // Международные процессы. – 2020. – Т. 18. – № 2 (61). – С. 92-109.
7. Моисеев, Д. В Колумбии опять гражданская война / Д. Моисеев // Независимая газета. – 22.01.2025. – URL: https://www.ng.ru/world/2025-01-22/1_9176_colombia.html (дата обращения: 10.02.2025). – Текст: электронный.
8. Окунева, Л. С. Латинская Америка пришла в движение: в чём смысл социальных протестов октября 2019 года? / Л. С. Окунева // Латинская Америка. – 2020. – № 1. – С. 8-21.
9. Флиер, А. Я. Власть и культура: самоорганизация общества по модели вертикальной иерархии / А. Я. Флиер // Культура культуры. – 2021. – № 1. – С. 9. – 18.04.2025. – URL: <http://cult-cult.ru/power-and-culture-self-organization-of-society-according-to-the-model-of-vertica/> (дата обращения: 12.02.2025). – Текст: электронный.
10. Франц, В. А. «Мягкая сила» культуры политического протesta: теоретико-методологические основания исследования / В. А. Франц // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2020. – № 2 (28). – С. 92-101.
11. Яковleva, N. M. Латинская Америка: социально-политический контекст протестной активности / Н. М. Яковлева // Перспективы. Электронный журнал. – 2020. – № 1 (21). – С. 66-81.
12. Almond, G. A.; Verba, S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963. – 574 p.
13. Downs, A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy. The Journal of Political Economy, 1957, Vol. 65, № 2. P. – P. 135-150.
14. García, C. Elección 2024 tuvo menos participación que las de 2018 y 2012 Expansión política 03 junio 2024. – URL: <https://politica.expansion.mx/elecciones/2024/06/03/cuanta-gente-voto-por-amlo-2028> (дата обращения: 24.12.2024). – Текст: электронный.
15. Padrón Pardo, F. E-voting en Colombia: avances y desafíos en la implementación. Revista Derecho del Estado, 2019, N 42. – P. 211-248.
16. Robles Rios, A. Niveles de participación electoral en América Latina. January 10.2011. – URL: <http://aceproject.org/electoral-advice-es/archive/questions/replies/663253754> (дата обращения: 01.08.2020). – Текст: электронный.
17. Subcomandante Insurgente Moisés. Convocatoria al encuentro de resistencias y rebeldías «algunas partes del todo» – Junio del 2025 // Camino Andado 2005-2009. – URL: <https://enlacezapatista.ezln.org.mx/2025/06/02/convocatoria-al-encuentro-de-resistencias-y-rebeldias-algunas-partes-del-todo/> (дата обращения: 03.06.2025). – Текст: электронный.
18. Thompson, J. Abstencionismo y participación electoral // Nohlen, D. Tratado de derecho electoral comparado de America Latina. México: FCE, Instituto Interamericano de Derechos Humanos, Universidad de Heidelberg, International IDEA, Tribunal Electoral del Poder Judicial de la Federación, Instituto Federal Electoral, 2007. – 1364 p.

Суленёва Н. В., Емченко Е. П.
N. V. Suleneva, E. P. Emchenko

ОСТРОУМИЕ В СВОБОДНОМ ИСКУССТВЕ: ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВ

FREE ART OF WIT: YURIY VASILYEV

Суленёва Наталья Васильевна – доктор культурологии, профессор кафедры сценической речи Российского государственного института сценических искусств (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: nsuleneva@mail.ru.

Natalya V. Suleneva – Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Stage Speech, Russian State Institute of Performing Arts (Russia, St. Petersburg). E-mail: nsuleneva@mail.ru.

Емченко Евгения Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (Россия, Челябинск). E-mail: jemchenko@mail.ru.

Evgeniya P. Emchenko – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, South Ural State University (Russia, Chelyabinsk). E-mail: jemchenko@mail.ru.

Аннотация. Формирование личности в свободном искусстве Юрия Васильева через остроумие характеризуется активностью освоения и преобразования окружающего мира, свободой своих суждений и поступков и происходит в атмосфере благожелательности и радости. Перспективой работы с ритмом стихотворного текста становится поиск его импульсивности, праздничности, внутреннего ритма стиха. Смена внутреннего ритма стиха, ритма рифм, ритма строк, ритма звукописи ведёт к смене дыхания, текст начинает звучать, а не сообщать. Остроумие на занятиях по сценической речи проявляется в изобретательности педагога и студентов: тонкость ума в нахождении удачных, ярких выражений рождает определённую энергию, даёт свободное применение слов и воплощение мыслей. Свобода в творческой деятельности ведёт к активному поведению студентов. Остроумие основано на сложном взаимодействии мышления и чувств, оно развивает эмоциональный диапазон студентов-актёров.

Summary. The formation of a personality Yuri Vasilyev free art through wit is characterized by the active exploration and transformation of the surrounding world, as well as the freedom of one's opinions and actions, which takes place in an atmosphere of benevolence and joy. The prospect of working with the rhythm of poetic text is to search for its impulsiveness, festivity, and the internal rhythm of the verse. Changing the internal rhythm of the verse, the rhythm of rhymes, the rhythm of lines, and the rhythm of sound patterns leads to a change in breathing, and the text begins to sound rather than convey information. In classes on stage speech, wit is manifested in the inventiveness of the teacher and students: the subtlety of the mind in finding successful and vivid expressions creates a certain energy, allowing for the free use of words and the embodiment of thoughts. Freedom in creative activity leads to active behavior of students. Wit is based on the complex interaction of thinking and feelings, and it develops the emotional range of student actors.

Ключевые слова: свободное искусство, остроумие, стихотворный текст, авторская методика, сценическая речь.

Key words: free art, wit, poetic text, author's methodology, and stage speech.

УДК 82-5

Остроумие в сценической речи как путь к свободному искусству является визитной карточкой Юрия Васильева. Эта фраза, по нашему глубочайшему убеждению, является аксиомой. Так что доказывать ничего не придётся, а вот путь изучения данного феномена безграничен! Импульсом к рождению авторского метода Юрия Васильева (профессор кафедры сценической речи РГИСИ, кандидат искусствоведения, действительный член Петровской академии наук и искусств Российской Федерации, заслуженный деятель искусств Российской Федерации), помимо уникальной личности самого Юрия Андреевича, стало «единение единомышленников», творческий им-

пульс которых «порой зашкаливает за привычное и не даёт мне скучать», как утверждает сам профессор Васильев [3, 7]. Вот это, как и многое другое, позволяет постоянно вносить (как вдохновителем, так и последователями) дополнения и корректировку в развитие авторской методики.

Как же далеко шагнула «Васильевская» методика? Юрий Андреевич является профессором Академии Ю. Васильева (г. Вальдхайм, Германия), Почётным профессором Кемеровского государственного института культуры (Россия), Театральной академии (г. Мюнхен, Германия), Высшей школы музыки и театрального искусства (г. Штутгарт, Германия), Высшей школы музыкального и театрального искусства им. Ф. Мендельсона-Бартольди (г. Лейпциг, Германия), Шанхайского театрального института (Китай), Шанхайского государственного института визуальных искусств (Китай).

Про свои научные работы, про методику преподавания Ю. А. Васильев пишет невероятно остроумно: «Сие сочинение возникло не для чтения, а для саторчества! Учитывая такую направленность моих порывов, я восклицаю:

Друзья-вяятели!

Вы – студенты, актёры – на месте не стоите! Мы – авторы тренингов – на месте не задерживаемся! Они – педагоги по речи – на одной точке не замирают. Ни вам, ни нам, ни им не надо!» [3, 6].

Юрий Андреевич выступает не только создателем своих идей, но и инспирирует идеи других авторов, т. е. является зачинателем определённого (нового по отношению к наличным) типа творческой деятельности.

В таком понимании его интуиция по созданию новых идей не просто дар, а огромный индивидуальный опыт и знания. Профессиональные интересы, новые цели, которые ставит перед собой Ю. Васильев, задачи, которые он решает, формируют творческую атмосферу, в которой он и будет вести тренинги по технике речи и репетиции, выстраивая их всякий раз по-разному. В результате эта деятельность приводит к таким оригинальным решениям, изобретениям, открытиям, как авторская методика Юрия Васильева.

Первый уровень относится к творческой интуиции. Её можно назвать «предчувствием». Так называемый «интеллектуальный уровень» приводит к появлению в практике чёткого предметного содержания сценического продукта. Сам Юрий Андреевич утверждает: «Доскональность. В ней мера отсчёта и в искусстве, и в науке... Доскональность во всём: ...в постижении теории, в каждого-дневном тренинге – ... и тогда творят Учитель и Ученики в ритмах времени» [12, 199]. Это проявляется, когда перед педагогом и студентами возникает актуальная познавательная задача, решение которой требует от них глубоких знаний, большого опыта, огромного напряжения духовных и физических сил, что со временем и формирует идеи авторской методики.

Без цитат в статье о Ю. Васильеве не обойтись: «Приступая в январе 2009 г. к анализу литературы по сценической речи за десятилетие 2000 – 2009 гг., я поставил перед собой цель изучить педагогику сценической речи за этот период во всем её проблемном многообразии, отразив при этом реальную картину, а не парадный портрет... Однако время идёт, на дворе уже 2013 год, и литература по разным аспектам теории и практики сценической речи множится. Поэтому мне показалось интересным обратиться к работам, увидевшим свет после 2009 года» [12, 193].

Каким надо быть виртуозом своего дела, чтобы так жадно постигать опыт, открытия других педагогов: узнавать, «что делается на “фронтах” речевой педагогики, какие есть на свете чудеса» [8, 10], а его один из призывов заниматься научной работой, «беспрерывно питающей интеллект педагога» [8, 10], вселяет надежду в плане образованности начинающих педагогов.

Для понимания термина «диалог» в образовании будущих актёров сошлёмся на В. С. Бильярда [1]. Он утверждает, что данное современное понятие устроено парадоксально. Это не только способ его изложения или усвоения знаний. Это регулятивная идея для построения содержания обучения и организации учебного процесса, в нашем случае в театральном вузе.

Что на сегодняшний день имеет театральная среда в обучении будущих актёров? Нам важно уточнение – обучение по методике Ю. Васильева. Мы утверждаем, что Ю. Васильев – сегодняшний Я. Корчак! Его авторская методика отвечает тому, что «важнейшее условие формирова-

ния именно идейной среды – отсутствие в творческой группе авторитарного лидера, который навязывает другим свою точку зрения, игнорируя или жёстко критикуя мнения других. В идейной среде формируется личность, которая характеризуется активностью освоения и преобразования окружающего мира, высокой самооценкой, открытостью и свободой своих суждений и поступков» [5, 97].

Авторская методика Ю. Васильева, по нашим наблюдениям, исследованиям и убеждению, практикует принципы, когда учитель и ученик «вместе составляют “совершенно согласованное согласие” индивидуальностей, уважающих взгляды друг друга (при всех их несовпадениях), и не ограничивают свободу выбора ученика» [8, 9], как определяет сам Юрий Андреевич. Он владеет методикой, которая «одержимо совершенствует» способности студентов. Данная методика наполнена творчеством, порядочностью и юмором. Определяющей идеей этой педагогической концепции является идея коллективной деятельности.

Французский психолог Р. Рибо, автор трудов по проблемам памяти, произвольного внимания и чувств, утверждал, что удовольствие на физиологическом уровне усиливает кровообращение [9]. При данном процессе «закрытоглазые», как их называет Юрий Андреевич [3], уже не засыпают, вливаются в творческий процесс с блеском в глазах. При этом процесс дыхания становится более деятельным, мышцы – податливыми, свободными и «в радости движения стремятся увеличиться», по определению Р. Рибо [9, 395]. Всякий раз, без исключения, перед занятиями Ю. А. Васильева возникает предвкушение от перспективы получения удовольствия, связанное с предыдущими представлениями: наслаждение по поводу предстоящего эстетического творчества, от удовольствия, связанного с совместной деятельностью. Можно назвать этот феномен, вновь ссылаясь на Р. Рибо, «приобретённым удовольствием» [9, 399].

Объём статьи даёт возможность разобрать только одну небольшую сцену из показа по сценической речи по произведению А. С. Пушкина «Домик в Коломне». Мы будем анализировать не сам показ, а уроки Юрия Андреевича, на которых рождался экзамен.

Но сначала надо уточнить, что же такое остроумие, чтобы мы понимали: остроумие – это не только юмор.

Напомним, что остроумие говорит об изобретательности, тонкости ума в нахождении удачных, ярких предлагаемых обстоятельств для проведения тренинга по сценической речи или неожиданных видений при интерпретации репертуарного текста. Эта деятельность рождает определённую энергию, способствует свободному применению слов и мыслей. В конечном счёте это деятельность, которая проявляется в активном поведении студента на занятиях по сценической речи у профессора Васильева.

Каждый, кто занимался театральным искусством, помнит заветы великой М. О. Кнебель, которая «требует огромного запаса терпения, выдержки, уважения, доверия, а иногда – строгости, непреклонности, и во всех случаях – доброты и юмора. (Кстати, юмор в нашем деле способен сделать то, что не под силу ни одному другому качеству человека. Гёте говорил, что юмор – это мудрость души... Минуты, когда мне удаётся заставить студента не обижаться на смех товарищей, а посмеяться над собой вместе с ними, я считаю крупной удачей)» [4, 15].

Мы составили определённые параметры проявления остроумия, т. е. не серьёзные ассоциации педагога Ю. Васильева и его студентов, а парадоксальные. Сошлёмся на определение З. Фрейда: «новая острота обладает таким же действием, как событие, к которому проявляют величайший интерес» [13, 14]. Она зависит не только от хода мыслей, которые озвучивает Ю. Васильев и подхватывают студенты, но и от чувств, которые охватывают всех при работе над Пушкинским произведением «Домик в Коломне». Проанализируем приёмы остроумия, которые были выявлены во время репетиций, ставшие «оболочкой» для самых содержательных мыслей.

Потрясающе наблюдать, как за остроумными и шутливыми идеями у Юрия Андреевича скрыты проблемы, точнее говоря, что они затрагивают разрешение проблем.

Чтобы продолжить наш содержательный диалог, необходимо уточнить, в чём остроумие противостоит юмору. Автор словаря русских острот В. З. Санников уточняет, что есть «два твёрдо установленных пункта в условности остроумия: его тенденции добиться исполненной удоволь-

ствия игры и его стремление оградить её от критики» [10, 173]. Острота оценивается и возникает у профессора Васильева, как могущественный психический фактор. Это значит, что важные «влечения душевной жизни» коллектива объединяются в студенческое сообщество единомышленников.

Известно, что критиковать всегда легче, чем поддержать и дать совет. Остроты, или, как говорит Ю. Васильев, «внутренний юмор», позволяют смягчить или устраниТЬ критику вообще, переведя всё в заразительное творческое обсуждение студенческой «пробы». Немецкий учёный С. Г. Фехнер в своём «Введении в эстетику» (уточним, что это психолог XIX в.; он уточнил взаимозависимость интенсивности ощущения от пропорциональности интенсивности стимула) установил «принцип эстетической помощи, или стимулирования» [13]. Юрий Андреевич является «посредником в остроумии» [13, 140]; у Юрия Андреевича нет «замаскированной агрессивности» [13, 142]; на занятиях Ю. Васильева остроты являются «не самоцелью, а способами создания удовольствия от общения» [13, 156]; Юрий Андреевич в совершенстве владеет методикой «экономии психических затрат» при выполнении заданий студентами; чем затрат меньше, «тем легче воспринимаем очень сложный и важный разговор» [13, 157].

Здесь необходимо обратиться к работе исследователя феномена остроумия А. Лука [6]. Он относит остроумие к системе творческих способностей человека, т. к. оно способствует единению мысли и чувства, это связь с «эстетической категорией комического». Степень взаимодействия оценивается участниками общения в конце: сколько доставлено и получено удовольствия.

Согласитесь, сложно усиливать авторское остроумие, да ещё остроумие А. С. Пушкина! В спектакле «Две шутливые поэмы Пушкина» это получилось! На занятиях звучит посыл от Юрия Андреевича: «Снимите с лица “маску напряжения”! – это же Пушкин!».

Ещё заразительнее – найти остроумие там, где оно не на поверхности текста:

«Четырёхстопный ямб мне надоел: / Им пишет всякий...» [7].

Казалось бы: где здесь острота? Конечно в надоевшем четырёхстопном ямбе! Ю. Васильев даёт задание найти отрывки из поэтических произведений современников А. С. Пушкина и предлагает попробовать сыграть четырёхстопные ямбы, озвучивая тексты. Как чудесно балагурят цитаты, написанные четырёхстопным ямбом: вальсирует изнеженный ямб «Как я люблю тебя халат» (Ник. Языков), за ним ямб-мыслитель «Гляжу на их тяжёлый ход» (Вильгельм Кюхельбекер), страдающий ямб «Дай мне терпеть мои мученья» (Иван Козлов). Вся группа с различными «характерами» четырёхстопного ямба разыгрывает ситуацию бала! Тут же Юрий Андреевич, как настоящий церемониймейстер, восклицает: «Танцуйте! Танцуйте! Дирижируйте прекрасным “чистым” ямбом! Давайте собственную энергию!»

В finale строфы возникает резкое различие двух ситуаций по масштабу действия: «Ведь рифмы запросто со мной живут; / Две придут сами, третьью приведут». Так и родилась идея превращения чинного бала в вакханалию, а затем балаган, площадные гуляния. И всё это вытворяет четырёхстопный ямб!

Восклицания Юрия Андреевича: «Не просто танец! А внутренний монолог!».

На конференции во ВГИКе (апрель 2025 г.) профессор Наталья Леонидовна Прокопова вновь поднимала вопрос о законах чтения стихов. У Юрия Андреевича любая форма литературного произведения отражается через смысл, через обстоятельства, через остроумные комментарии и задания.

Подтвердим данный посыл цитатами от Юрия Андреевича всё к тем же строчкам «четырёхстопный ямб мне надоел»: «Произносить стих так, чтобы СЛЫШАТЬ размер. Что хочу сказать ТАКИМ размером? Зритель должен внедриться в размер! СТОП! Не распевать, а быть внутри размера, должна быть пронзительность, не РИТМИКА, а передача порыва!»

Так и появились «танцующие длительности», а не скандировка слов. Тело стало подчиняться смыслу общения! Юрий Андреевич:

- «Тело может быть высокое и стройное, а может быть маленькое и комочком. Танцуйте, танцуйте! Придумывайте: должны возникнуть качественно разные цезуры, качественно разные ритмы (хотя всё ещё “четырёхстопный ямб мне надоел”), ведь разговор развивается!»

- «Стопа, строка не КАК держится, а ЧТО в ней содержится».

- «Не лирическое отступление, а поступок. В поэме много сюжета, а должны быть события!»

Если шутливо говорить о серьёзном, то оно срабатывает. Конечно, выразительность стиха на первом месте, но она всегда идёт от смысла.

-«Внимание! Наплыvaет бесконечный чистый ямб! Перестаём проживать содержание, проживаем ритм ямба...».

Перспективой работы с ритмом стихотворного текста становится поиск его импульсивности, праздничности и, что особенно важно, внутреннего ритма стиха. И текст начинает звучать, а не сообщать. Смена внутреннего ритма стиха ведёт к смене дыхания. Такая же работа с ритмом рифм, ритмом строки, со звукописью:

- «Соедините письменный текст со строкой звучащей! Все видения работают на размер. Пробуйте, работая над ритмом стиха, думать и разговаривать этим размером! Уточнять ритм стиха со смыслом и импульсом».

- Студенту: «Ты как ходишь? Это лёгкий ритм? Это бомбежка ногами!»

- «Помните! Есть 3 стиля: скончался (высокий), умер (средний), сдох (низкий). Решайте, у вас какой? "Домик в Коломне" – это не сказка о Балде, а поэма и юмор».

Ю. Васильев про «мёртвые пробы» студентов, так называемую иллюстрацию текста:

- «Не делайте так больше, это хуже, чем штампы!»

- Студенту: «Не можешь? Это же стихи!!! Не можешь? Ну, я этот момент сыграю за тебя, Саня!»

Педагогика Юрия Андреевича, как я уже отмечала, сравнима с педагогикой Я. Корчака «Как полюбить ребёнка» [5], в методике которой есть выбор: свобода думать и возможность не соглашаться. Он сравнивал жизнь с ареной, где судьба преподносит более либо менее удачные моменты. Но для нашей сценической педагогики очень значимо, что оценивается не студент, а его действия. Каждое занятие у Юрия Андреевича понятное, полное радостных усилий, с ребячным задором, кажущееся беззаботным, без велений свыше. Он, как и Я. Корчак, даёт студенту азартную возможность «израсходовать энергию».

Остроумная интерпретация авторского текста, безусловно, преувеличивает мысль. Для чего? Для того чтобы мысль не осталась незамеченной, при этом острота «ограждает эту мысль от критики» [10, 175] и впечатляет подчас больше, чем серьёзный аргумент.

Рассмотрим такой приём остроумия, как переделка пословиц, поговорок, песен [10, 331] из словаря В. З. Санникова. В тексте «Домик в Коломне» есть описание набожности вдовы и её (по требованию матушки) дочери: «По воскресеньям, летом и зимою, / Вдова ходила с нею к Покрову / И становилась перед толпою / У крылоса налево» [7, 141].

Надо было показать всё лицемерие вдовы и её дочери. Был придуман ход: на фоне вышеуказанного текста, воплощённого по мелодике как молитва, вдруг слышался бас, словно пение-благословение батюшки. Текст был составлен ребятами по примеру чистоговорочных рассказов:

- «Всякий колокол колокооольный / На колокольне колокооольствующий / иииили... околокоооолится / Иииили оклоколЁёёёёкнется».

Тонкая насмешка, т. е. приём «ирония» возникает в finale спектакля: читатель-критик требует у автора:

- «Да нет ли хоть у вас нравоученья?» [7, 146].

С присущей автору иронией, А. С. Пушкин выводит мораль:

- «Кухарку даром нанимать опасно....» [7, 146].

Юрий Андреевич усиливает приём «ирония» как «посредник в остроумии» и завершает спектакль пушкинским текстом из сказки «Царь Никита и его сорок дочерей»:

Многие меня поносят

И теперь, пожалуй, спросят:

Глупо так зачем шучу?

Что за дело им? Хочу!

Финал статьи, для удовольствия читающего, мы просто обязаны завершить цитатами от профессора Ю. А. Васильева, записанными студентами [3]:

Курс И. И. Благодёра (2014-2018 гг.) «Из разных русских головушек»:

- Саиду: «Скучно жить от твоего самосвала слов».

Из студенческих тетрадей:

- «Когда человек разговаривает только ртом – это не человек» (от А. Двоеглазова, 1-й курс);

- «Не усердный гласные звуки! Мы не имеем на это права» (от А. Двоеглазова, 2-й курс);

- «Кто не выговорит, у того нет судьбы в театре» (от Н. Горлова и Д. Захаро);

- «Неплохой задел в сценической речи. Но должна быть творческая речь» (от Н. Горлова и Д. Захаро);

- «Большому человеку – большие шипящие!» (от Н. Горлова и Д. Захаро).

Курс И. И. Благодёра (2022-2026 гг.):

- «Вкус к сценической речи граничит со вкусом к жизни» (от С. Стояновой);

- «Домик в Коломне... у тебя домик в каменоломне!» (от Д. Бабича);

- «Аня, с такими шипящими даже похороны вести нельзя!» (от А. Алимовой).

Мои радостные наблюдения на репетициях спектакля «Две шутливые поэмы Пушкина» (2025 уч. год):

- «Не дикция, а личный голос!»

- «Что ты губки строишь? Это тренинг губной злобы?»

- «“Неужто вправду я влюблён?”. Ты влюблён всё время в какую-то Правду!»

- «Какая-то кисловатая вибрация!»

- «Не играйте свои отдельные строфы как моноспектакль».

Наш разговор об остроумном, поэтичном свободном искусстве профессора Юрия Андреевича Васильева хотелось бы завершить поэтическими словами Жана Поля: «Свобода даёт остроумие, а остроумие даёт свободу» [13, 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Библер, В. С. Мышление как творчество / В. С. Библер. – М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1975. – 344 с.
2. Васильев, Ю. А. Сценическая речь: движение во времени: моногр. / Ю. А. Васильев. – СПб.: СПбГАТИ, 2010. – 320 с.
3. Уроки сценической речи: скороговорки-благодёрки: учебно-игровое пособие / авт.-сост. Ю. А. Васильев. – СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2025. – 96 с.
4. Кнебель, М. О. Поэзия педагогики / М. О. Кнебель; ред. Н. А. Крымова; предисл. Г. Товстоногова; ил. Ю. Пименова. – 2-е изд. – М.: ВТО, 1984. – 526 с.
5. Корчак, Я. Как любить ребёнка / Я. Корчак; ред. А. Оvezова, пер. К. Э. Сенкевич. – М.: АСТ, 2014. – 391 с.
6. Лук, А. О чувстве юмора и остроумии / А. Лук. – М.: Искусство, 1968. – 192 с.
7. Пушкин, А. С. Сочинения. В 3 т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения / А. С. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1986. – 527 с.
8. Речь на сцене: коллективная моногр. / под общ. ред. проф. Ю. А. Васильева. – Екатеринбург; М.: Кабинетный учёный, 2021. – 192 с.
9. Рибо, Р. Болезни личности. Опыт исследования творческого воображения. Психология чувств / Р. Рибо. – Мн.: Харвест, 2004. – 784 с.
10. Санников, В. З. Краткий словарь русских острот / В. З. Санников. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 376 с.
11. Сценическая речь: прошлое и настоящее: избранные труды кафедры сценической речи Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства. – СПб.: Изд-во СПбГАТИ, 2009. – 440 с.
12. Сценическая речь. Теория. История. Практика: коллективная моногр. / В. Галендеев [и др.]. – СПб.: СПбГАТИ, 2013. – 280 с.
13. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд; пер. с нем. Я. Когана. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 318 с.

Титорева Г. Т.
G. T. Titoreva

ЗАПРЕТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЭВЕНОВ ПРИОХОТЬЯ

PROHIBITIONS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE EVENS OF PRIOKHOTYE

Титорева Галина Теодоровна – кандидат искусствоведения, заведующий научно-исследовательским сектором этнографии Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Шевченко, 11; тел. +7(962)222-45-65. E-mail: mazo2005@mail.ru.

Galina T. Titoreva – PhD in Art History, Head of the Scientific Research Sector of Ethnography of the Khabarovsk N. I. Grodekov Regional Museum (Russia, Khabarovsk); 680000, Khabarovsk, Shevchenko St., 11; tel. +7(962)222-45-65. E-mail: mazo2005@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию малоизученного аспекта этнической культуры эвенов – запретов/табу – и их значению в формировании и сохранении традиционных ценностей и норм поведения в сообществе, в производственной деятельности, в окружающем природном ландшафте. В научный оборот вводится экспедиционный материал, собранный автором среди эвенов Охотского района – одного из восьми коренных народов Хабаровского края.

Summary. The article is devoted to the study of a little-studied aspect of the ethnic culture of the Evens – prohibitions/taboos – and their significance in the formation and preservation of traditional values and code of conduct in the community, in production activities, in the surrounding natural landscape. The expedition material collected by the author among the Evens of the Okhotsk region, one of the eight indigenous peoples of the Khabarovsk Territory, is introduced into scientific circulation.

Ключевые слова: эвены, Приохотье, запреты, традиционная культура, коренные малочисленные народы Севера.

Key words: Evens, Priokhotye, prohibitions, traditional culture, indigenous peoples of the North.

УДК 394

Эвены – один из малочисленных народов Севера, чья жизнь связана с постоянными передвижениями. Они широко расселены на территории Дальнего Востока, традиционно занимаются мелкотабунным таёжным оленеводством. В том числе проживают в Охотском районе Хабаровского края (1428 чел.). Статья подготовлена на основе материалов экспедиционно-полевых исследований эвенов Охотского района Хабаровского края в 2006–2013 гг.

Кочевой образ жизни, изолированность семейных, производственных коллективов, суровые природные условия требуют соблюдения определённых правил поведения, которые позволяют оленеводам выжить и сохранить экологический баланс окружающего мира. К числу таких правил относится и система запретов/табу, выработанная многими поколениями таёжных жителей.

Запреты – это часть свода правил, выполнение которых обеспечивает таёжникам воспроизведение оленей, здоровье и благополучие членов семьи, гармоничное сосуществование с объектами и силами природы. В них выражается уважение к материальному и нематериальному миру, частью которого осознают себя эвены. Именно кочевники, не имеющие никаких «ограждений» от окружающей природы (даже жилище – переносное, временное, лишь шкурой оленя отделяющее человека от внешнего мира), наиболее тонко и глубоко чувствуют свою принадлежность и зависимость от сил природы.

Формулировка запрета всегда предполагает две части: первая часть состоит из собственно запрета, вторая – из его толкования, объяснения последствий его нарушения. К сожалению, в настоящее время большинство запретов утратило свою мотивировку, однако не трудно предполо-

жить, что основными последствиями их нарушения могли быть болезни, неудачи в промысле, природные катаклизмы, гнев духов.

Запреты, традиционные правила и нормы поведения основаны на вере в магическое влияние некоторых предметов и видов деятельности. Система всевозможных табу и запретов охватывает все стороны жизни коренных жителей Приохотья. Выделим основные их группы:

1. запреты/табу, связанные с промысловой деятельностью (оленеводство, охота);
2. запреты/табу, связанные с поведением в семье, в быту, в жилище;
3. запрету/табу ритуального характера, связанные с культом медведя, похоронно-поминальными обрядами;
4. запреты, регламентирующие поведение человека в тайге.

Большая часть ограничительных правил основана на опыте многих поколений тайговых кочевников и имеет рациональный, практический смысл, другие запреты отражают верования эвенов и вызваны необходимостью взаимодействия с миром духов.

Главная ценность эвена – олень, поэтому существовало множество запретов, отражающих бережное и уважительное отношение к нему. Ни оленя, ни собаку нельзя было гнать от себя, «а то они уйдут от тебя совсем» (см. прим. 1). В домашних оленей запрещалось стрелять, их умерщвляли способом удушения. Кости оленя не рубили, их расчленяли только по суставам. Кроме того, кости промысловых животных, в том числе и дикого оленя, не разбрасывали, чтобы их не грызли звери. Иначе дух – хозяин добытого животного обидится, и в следующий раз охотник не сможет добыть ни одного из них. Кости необходимо «захоронить», сложив на специальный помост «голик», а копыта подвесить на ветку дерева. В этом проявлялось уважение к миру природы, обеспечивающей благополучие тайговых жителей. Как говорят сами эвены: «это – святое!». Заботясь о здоровье своих оленей, хозяева внимательно следили, чтобы в стойбище и около стада не бросали опасные предметы (кости от рыбы, стёкла и т. п.), которые могут случайно нанести травму животному. Не разрешалось ходить босиком по *евтаку* (месту дневной стоянки оленей, где устанавливают дымокур), чтобы не допустить инфекционных заболеваний животных, в том числе наиболее опасного – копытки.

По отношению к орудиям, используемым в оленеводстве, также существовали некоторые запреты. В большей степени это касалось поведения женщин и детей. В частности, они не должны были наступать или перешагивать через маут: «если длинный тянет – жди, когда закончится, а то олени ловиться не будут» (см. прим. 1). Особенно строгие запреты относились к беременным женщинам. Им нельзя было даже прикасаться к мауту, а также входить в места, где содержат оленей: кораль, теневой загон и др. (см. прим. 1). В период отёла оленей запрещалось класть на порог чума или палатки палку *туруку*, которой придерживали жилище от ветра. В другое время она обязательно присутствует (летом используют камни, зимой – палку), а в отёл убирают, опасаясь трудных родов у женок.

Охотничий промысел тоже предполагал соблюдение ряда правил. Как и в традиционной культуре других коренных народов, эвены перед охотой не хвастили предполагаемой удачей и охотничими трофеями. Не разрешалось смотреть вслед мужчинам, уходящим на охоту, – не будет удачи (см. прим. 1).

Экологичное отношение к окружающему миру, соблюдение принципа разумного потребления не позволяли охотским эвенам без необходимости истреблять лесных животных и птиц. Иначе «Великий Дух охоты» может обидеться и оставить угодья без «единого животного и без единой птицы». Яйца из гнёзд можно взять только в случае сильного голода и при этом нужно оставить часть кладки нетронутой. Большим грехом считалось уничтожение выводка птиц или детёнышей животных. Верили, что за этим последует какое-то несчастье. Заботясь о воспроизводстве тайговых ресурсов, неукоснительно соблюдали закон: из стаи, табуна, косяка обязательно должно оставаться некоторое количество особей.

Сохраняя биоразнообразие тайгового мира, эвены заботились и о насекомых. Запрещалось наступать на муравьёв и убивать даже комаров. У охотских эвенов существовал запрет на убийство

лебедя, поскольку некоторые рода считали эту птицу своим тотемом и покровителем. По тем же причинам эвенам Якутии не разрешалось употреблять в пищу мясо орла, ворона и стерха [1, 73].

Если охотник случайно убил животное или птицу, имеющих потомство, то ему следует истребить и выводок, тем самым избавляя его от страданий и медленной смерти. Это касается и раненных животных: подранка нельзя оставлять на мучения. Если охотник нашёл и убил подранка, он не может присвоить себе добычу. Сначала он должен найти её хозяина и указать местонахождение добычи, и только в случае, если хозяин не нашёлся, охотник имеет право забрать её себе.

У эвенов было запрещено убивать животных и птиц, спасающихся от преследования или от надвигающейся стихии и ищущих спасения у человеческого жилья. Человеку, не оказавшему возможную помощь, грозит несчастье и неудача в делах. В охотничей практике эвенов существовало правило, что в первого прилетевшего гуся или в первую прилетевшую утку стрелять нельзя. Также запрещалось убивать первую и последнюю особь в стаде мигрирующих диких оленей.

Охотские эвены соблюдали ряд запретов, связанных с добычей горного (снежного) барана – одного из основных промысловых животных, используемых в пищу. В частности, не разрешалось разделывать убитое животное на солонцах (*имта*), где чаще всего добывают баранов, иначе они могут больше не прийти на загрязнённое место. У эвенских женщин было запрещено заниматься шитьём и сечением ниток во время охоты мужчин на снежного барана в горах – иначе они могли сорваться и разбиться [5, 199]. У эвенов Северо-Эвенского района существовал запрет брать найденные рога погибшего снежного барана – нашедший их может погибнуть под снежным обвалом [3, 118]. По поверью, вообще нельзя было сжигать кости, бивни и рога животных – это могло привести к ухудшению здоровья человека, нарушившего запрет.

Поведение человека в тайге также предусматривало определённые правила, помогающие, по мнению местных жителей, выжить в суровой северной природе. Например, запрещалось рубить деревья, на которых имеются нарости, – будет пурга или несчастье. Если срубили, то обязательно надо уколоть иголкой в место среза. Не рекомендовалось переходить речку вечером, но если это необходимо сделать, то надо бросить в воду копейку.

Многочисленные правила и ограничения регламентировали поведение людей в семье, в жилище, в повседневном быту. Самые важные и строгие запреты были связаны с огнём. Как все северные народы, чьё благополучие и даже жизнь зависели от огня, эвены относились к нему с большим пietетом. В связи с этим существовало множество правил и ограничений, которых придерживались все охотские оленеводы:

- нельзя колоть огонь острыми предметами, в том числе ножом, считается, что можно поранить духу-хозяину лица;
- нельзя плевать в костёр;
- нельзя ругаться возле костра, произносить в его адрес грубых, резких слов, выражать в какой-либо форме своего раздражения и неудовольствия;
- нельзя всем вместе топить костёр (потом очаг не будет гореть); кто начал топить, тот и подбрасывает, и заканчивает; когда костёр прогорит, другой человек может снова его разжечь;
- нельзя гостям подкладывать дрова в костёр;
- нельзя наступать на место костра, даже на старое, которым давно не пользуются;
- нельзя рубить на месте старого кострища;
- нельзя использовать обгорелые дрова во второй раз, даже если очень нужны;
- нельзя бегать вокруг костра и в жилище, и на улице;
- нельзя жечь в костре мусор и ненужные вещи [3, 119];
- не рекомендуется заливать костёр водой, но если это необходимо сделать, то нельзя лить в середину, заливать нужно по краям;
- нельзя жечь в костре остатки пищи, иначе этот продукт будет быстро заканчиваться, особенно чай, сода, сигареты; даже фантики от чая и конфет нельзя бросать в огонь (см. прим. 1).

Не менее обширен перечень запретов, связанных с жилищем и организацией семейного быта. На месте, где жили старые люди, никогда не строят новый чум/элбэм; даже жерди, ими оставленные, не используют. У эвенов, как и в традициях других этносов, запрещалось стоять на поро-

ге, опираться на стойки дверного проёма. Граница двух миров, очерченная стенами жилища, представлялась хрупкой и уязвимой (см. прим. 1). Входить в элбэм и выходить из него можно только через дверь, подползать под покрышку по периметру чума, как любят делать дети, категорически запрещалось.

На мужской стороне принимать пищу не принято. В этой части чума складывают дрова, хранят инструменты, промысловые принадлежности. Среди эвенов существует запрет поднимать пищу, упавшую на землю: она уже «съедена» хозяином земли [3, 120]. В приёме пищи эвены придерживались многих табу. К примеру, считалось, что ребёнку нельзя есть шашлык из щитовидки (станет болтливым), нельзя беременной женщине или ребёнку есть голову налима (ребёнок будет слюнявым и сопливым), ребёнку нельзя есть сетчатый желудок (заблудится на жизненном пути), яйцо птицы (станет глупым), женщине нельзя есть пищевод зверей и т. п. [1, 74] (см. прим. 1). При разделке туши оленя ткани режут только продольно, резать поперёк нельзя, т. к. «отрежешь дорогу к счастью» [6, 28].

В жилище запрещалось присаживаться на голанку – бревно, которое тлело над углями костра, висеть или опираться на екатын – перекладину для подвешивания чайника и котелка. Нельзя, чтобы посуда над огнём качалась. Нельзя использованную заварку бросать в воду (речку, озеро) – чай завариваться не будет, нужно оставить её под деревом, где никто не сможет на нее наступить (см. прим. 1).

У эвенов имеется ритуал гадания на лопатке оленя, которую обжигают на костре и по трещинам, образовавшимся на поверхности, определяют будущие события. Молодым людям при живых родителях заниматься гаданием на лопатке не разрешалось.

Часть запретов адресована детям и направлена, во-первых, на формирование и передачу традиционных ценностей и, во-вторых, на желание оградить детей от воздействия злых духов [7, 403]. Ребёнку не разрешалось играть со своей тенью или оставлять отпечаток своего тела на снегу, через которые духи могли нанести вред. Девочкам не позволяли лежать на авсе (сумка для предметов женского рукоделия), подкладывать её под голову, иначе она вырастет ленивой и неумелой.

Детям, которые только начали ходить, нельзя бегать по вещам взрослых людей, особенно стариков, а то долго будут страдать энурезом. Взрослым, в свою очередь, не разрешалось садиться на детские вещи. Если всё-таки сели, то должны потрясти их над костром (см. прим. 1).

Как и в традиционной культуре других народов, жизнь эвенской женщины с наступлением беременности строго регламентировалась, сопровождалась множеством ограничений, носивших магический характер и способствовавших благополучному исходу родов. В период беременности многие продукты считались запретными, например медвежатина, кишки и глаза оленя. Помимо пищевых, существовал ряд бытовых запретов: нельзя было переступать через охотничьи принадлежности мужчины, прикасаться к дичи – не будет удачи на охоте, нельзя лежать на медвежьей шкуре – роды будут тяжёлыми, нельзя заранее шить одежду для ребёнка, нельзя прикасаться к священному оленю и его сбруе, переходить тропу или идти по тропе охотника, в течение месяца до родов нельзя обрабатывать шкуру оленя, прикасаться к топору и др. Кроме этого, нельзя прогибать жерди чума наружу, а то ребёнок будет кривой, нельзя пользоваться битой, со щербинками, посудой – ребёнок родится тоже с дефектами (см. прим. 1). В многочисленных предписаниях прослеживаются следы предохранительной магии. В частности, беременной женщине запрещалось ходить на кладбище, участвовать в похоронной процессии, ходить по дороге, которой везли покойника [2, 77]. По сведениям Я. И. Линденгауза, участника Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.), ламутка, ожидающая появления ребёнка, не должна заплетать волосы, сучить нитки, переступать палку [4, 66]. Значительная часть запретов/табу сохранилась до наших дней.

Многочисленные ограничения сопровождали и похоронно-поминальную обрядность охотских эвенов. Так, плакать, громко рыдать над покойником было непринято, считалось очень плохим признаком. Трясти и проветривать вещи покойного, например постели из шкур, не разрешалось, т. к. это могло «испортить» погоду [5, 193, 198]. В прошлом всем женщинам стойбища двое суток после похорон было запрещено заниматься шитьём, брать иголку, сучить нитки. Считалось, что душа покойника в это время шла в мир мёртвых по самой тяжёлой дороге, через горы и скалы,

могла сорваться и не попасть в *буни*. По истечении трёх лет со дня похорон посещать могилу было запрещено. Не разрешалось вспоминать покойника, произносить его имя вслух. Существовал запрет на посещение мест древних и христианских захоронений, считалось, что такие места являются обиталищем злых духов. Ходить мимо них в сумерках или ночью было нельзя. Если проходили днём, то непременно надо было кинуть духам зла монетку, горсть табака и т. п. [5, 199].

Запреты регламентировали взаимоотношения внутри семьи и гендерные функции. Младшие её члены никогда не называли пожилых людей по имени, а только «бабушка», «дедушка», «мама», «тетя». Для невестки существовало табу на имена всех родственников мужа по восходящей линии [2, 48]. Жена при муже не должна была заниматься мужской работой, а муж – женской. Вероятно, этим объясняется запрет для мальчиков надевать женский напёрсток.

Наиболее табуированными являются сферы, связанные с верованиями и обрядовой культурой. Особенно пристально эвены следили за выполнением обрядов, относящихся к культуре медведя. Охота на священное животное и проведение медвежьего праздника сопровождались многочисленными запретами. Так, перед охотой вслух о медведе не говорили. Во время ритуальной трапезы не позволялось колоть мясо медведя палочками или вилкой, кусать зубами. Его ели, отрезая ножом у самого рта. Запрещалось его солить и заготавливать впрок [1, 73]. Глаза медведя и его мозг большинство информантов относило к запретным продуктам. Не разрешалось есть и желудок медведя. Сердце и почки были запретны только для женщин. Печень не ел никто, её закапывали в землю. Когти снимать со шкурой запрещалось, их оставляли на лапах. Нельзя было брать и клыки медведя.

В прошлом эвенским женщинам не разрешалось прикасаться к шкуре медведя, тем более на неё садиться. Позже женщины стали участвовать в выделке шкуры, но при этом привязывали на запястье колокольчики, которые, как предполагалось, должны ввести в заблуждение душу убитого медведя: услышав звон колокольчика, она подумает, что рядом с ней не женщина, а олень. Запреты для женщин при обработке шкуры медведя и проведении медвежьего праздника связаны с тем, что по легенде она была медведю матерью, женой [3, 121].

У эвенов система запретов сформировалась в жанр традиционного фольклора. А. А. Бурыкин выделяет 10 тематических групп запретов-оберегов (тоннэкич) в зависимости от материальных объектов запретов и характеристики последствий их нарушения [8, 612]. Автор отмечает «однородность и однотипность запретов-оберегов, бытующих и записанных у эвенов Якутии, Охотского побережья, Чукотки и Камчатки», а также их значительную устойчивость [8, 613].

Таким образом, традиционные промысловые технологии, выработанные многими поколениями таёжных оленеводов, нормы поведения в экстремальных природных условиях, особенный, кочевой образ жизни определили свод необходимых правил и ограничений, от которых во многом зависел и успех промысла, и жизнь людей, и сохранение традиционных ценностей, и гармоничность социальных и семейных отношений. Из этих правил и запретов слагался своеобразный кодекс поведения человека тайги. Несмотря на то что молодое поколение эвенов-оленеводов далеко не всем запретам может дать рациональное объяснение, его представители продолжают их выполнять и сохранять. Запреты/табу содержат многослойные смыслы. В них концентрируется многовековой опыт народа, отражаются принципы этнопедагогики, регулируются отношения человека с объектами реального, земного, мира и мира потустороннего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, Е. К. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX – начало XX вв.) / Е. К. Алексеева. – Новосибирск: Наука, 2003. – 158 с.
2. Алексеева, С. А. Традиционная семья у эвенов Якутии (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографический аспект / С. А. Алексеева. – Новосибирск: Наука, 2008. – 110 с.
3. История и культура эвенов. – СПб.: Наука, 1997. – 181 с.
4. Линденау, Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я. И. Линденау. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
5. Попова, У. Г. Эвены Магаданской области / У. Г. Попова. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
6. Роббек, М. Е. Традиционная пища эвенов / М. Е. Роббек. – Новосибирск: Наука, 2007. – 164 с.

7. Слепцов, Ю. А. Народное воспитание детей эвенов / Ю. А. Слепцов // Молодой учёный. – 2013. – № 9. – С. 403-404.

8. Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего Востока: Эвенки. Эвены. Негидальцы. Уильта. Нанайцы. Ульчи. Удэгейцы. Орохи. Тазы / отв. ред. Л. И. Миссонова, А. А. Сирина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2022. – 1031 с.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Полевые материалы автора 2006-2013 гг., Охотский район Хабаровского края. Информанты: Алексеев Степан Алексеевич, 1954 г. р., с. Арка; Андреева Светлана Афанасьевна, 1953-2016 гг., с. Арка; Андреева Светлана Христофоровна, 1969 г. р., с. Арка; Безносова Анфиса Алексеевна, 1976 г. р., с. Арка; Борисова Евгения Афанасьевна, 1955 г. р., с. Арка; Громов Андрей Иннокентьевич, 1966 г. р., п. Охотск; Громова Евдокия Егоровна, 1972 г. р., Оленеводческая база Усchan; Слепцов Константин Афанасьевич, 1945-2020 гг., с. Арка; Слепцова Галина Федотовна, 1958 г. р., с. Арка; Сторожева Ольга Афанасьевна, 1969 г. р., п. Охотск.

Чжан Ифэн
Zhang Yifeng

КАЛЛИГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

CALLIGRAPHIC WRITING IN THE HISTORY OF RUSSIAN CULTURE

Чжан Ифэн – аспирант кафедры «Международные коммуникации, сервис и туризм» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск), преподаватель Хубэйского института изящных искусств (Китай, Хубэй); тел. 1(516)560-88-01. E-mail: 1124967165@qq.com.

Zhang Yifeng – Postgraduate Student, Department of International Communications, Service and Tourism, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk), Teacher at Hubei Institute of Fine Arts (China, Hubei); tel. 1(516)560-88-01. E-mail: 1124967165@qq.com.

Аннотация. От даты образования Китайской народной республики в 1949 г. и по настоящее время в Китае не ослабевает интерес к русской культуре. Каллиграфическое искусство Средневековой Руси – предмет особого интереса, если учесть, что в самом Китае каллиграфия, насчитывающая не одну тысячу лет, объект всестороннего изучения китайских и зарубежных учёных. В статье прослеживается генезис русского письма от черт и резов в дохристианский период до разностилевой каллиграфической традиции глаголицы и кириллицы. Старший и младший уставы, полуустав, вязь, скоропись, современный гражданский шрифт – наиболее известные стили славянского каллиграфического письма. В заключение делается вывод о росте интереса в самой России к русской старине, включая и забытую, но всё же не утраченную разностилевую каллиграфию.

Summary. From the date of the formation of the People's Republic of China in 1949 to the present day, interest in Russian culture has not weakened in China. The calligraphic art of Medieval Rus' is a subject of special interest, given that in China itself, calligraphy, which has been around for thousands of years, is the object of comprehensive study by Chinese and foreign scholars. The article traces the genesis of Russian writing from strokes and cuts in the pre-Christian period to the multi-style calligraphic tradition of Glagolitic and Cyrillic. The older and younger uncials, semi-uncial, cursive ligature, and modern civil font are the most famous styles of Slavic calligraphic writing. In conclusion, a conclusion is made about the growing interest in Russia itself in Russian antiquity, including the forgotten, but still not lost, multi-style calligraphy.

Ключевые слова: каллиграфия, каллиграфическое искусство, кириллица, глаголица, устав, полуустав, скоропись, вязь.

Key words: calligraphy, art of calligraphy, Cyrillic, Glagolitic, Ustav, Semi-Ustav, Cursive, Ligature.

УДК 003;81

В дохристианский период славянские народы использовали в качестве письменности «черты и резы», а также буквы греческого и латинского алфавита, что находит подтверждение в одном из важнейших исторических документов – трактате «О письменах Черноризца Храбра» [4; 6], в котором упоминается об отсутствии у славян книг до принятия ими христианства, но об использовании для гадания и счёта «черт и резов», а также об использовании греческих и латинских букв. Тем не менее греческий и латинский алфавиты не получили широкого распространения среди славянских народов, поскольку в полной мере не передавали фонетику славянских языков.

Учёные связывают появление русской письменности с Крещением Руси (988 г.) и повсеместным распространением кириллического алфавита – основы славянской письменности. По поручению византийского императора Михаила III братья-монахи Кирилл (до принятия монашества – Константин Философ) и Мефодий учреждают славянский глаголический алфавит и переводят с греческого языка на старославянский Священное Писание, а также ряд значимых христианских церковных книг и рукописей для богослужения. Кириллица предположительно сформирована

лась на рубеже IX – X вв. на территории Первого Болгарского царства путём усовершенствования глаголического алфавита учениками Кирилла.

Вопрос о причине одновременного существования двух азбук – глаголицы и кириллицы – остаётся спорным. Буквы глаголической азбуки представляют собой замысловатые символы, состоящие из петель, черт и треугольников. Сложная форма букв глаголицы объясняется её рукотворным созданием, поскольку при эволюционном развитии алфавита на протяжении столетий (например, греческий и латинский алфавиты) буквы, как правило, упрощаются. Названия букв глаголической азбуки практически совпадают с названиями букв кириллической азбуки, как и порядок расположения букв. Некоторые древние памятники письменности одновременно содержат надписи буквами глаголического и кириллического алфавитов.

Сегодня большинство учёных склоняется именно к этой версии, поскольку обнаруженные древнейшие памятники письменности (Киевский миссал, или Киевские листки, датируемые началом – серединой X в.; Зографское Евангелие, датируемое второй половиной X в.; Ассеманиево Евангелие и Мариинское Евангелие, датируемые XI в.) выполнены глаголицей, что подтверждает её первоочерёдность и большую древность (см. рис. 1–4).

Рис. 1. Киевский миссал [10]

Рис. 2. Зографское Евангелие [10]

На протяжении XII в. кириллический алфавит постепенно вытеснил глаголический практически во всех славянских государствах, за исключением Хорватии, где глаголица получила широкое распространение и продолжала использоваться вплоть до недавнего времени. Первоначально рукописи писались на пергаменте, в более позднюю эпоху – на бумаге. Пергамент выделялся из кожи животных и стоил дорого, поэтому встречаются рукописи, выполненные по смытому или сокобленному более раннему письму. Древнейшим памятником кириллической письменности на пергаменте является выполненное ранним уставом Остромирово Евангелие 1056-1057 гг. (см. рис. 5).

Рис. 3. Ассеманиево Евангелие [10]

Рис. 4. Мариинское Евангелие [10]

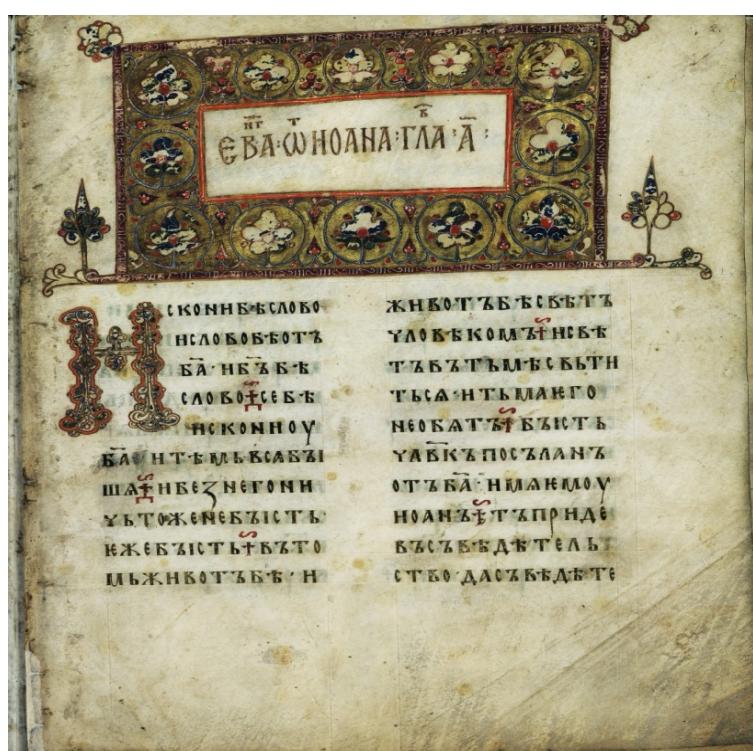

Рис. 5. Остромирово Евангелие [10]

Стилистика и техника исполнения кириллического устава, называемого ранним или старшим уставом, полностью соответствует греческому литургическому уставу (или унциалу) IX – X вв. Старший устав, широко применяющийся до XIII в., представляет собой крупный торжественный стиль, напоминающий печатный шрифт. Написание текстов кириллическим уставом являлось довольно трудоёмким процессом, поскольку геометричность букв требовала частой смены угла пера. Написанный текст был един – без разделения на слова и предложения. С дальнейшим развитием стилей уставное письмо не уйдёт окончательно, а будет употребляться в основном при создании церковных текстов вплоть до конца XIX в. В XIII – XIV вв. старший устав был заменён так называемым младшим уставом – упрощённой версией раннего устава. Написание букв младшего устава происходило в несколько этапов, что не требовало от писца высокого мастерства, но занимало достаточно много времени, поэтому младший устав не нашёл своего дальнейшего широкого применения.

В указанный период времени в Болгарии получает распространение новый стиль, названный тырновским уставом по названию столицы Болгарского царства (в те времена – Тырново), а позже – полууставом. Полуустав явился компромиссом между эстетикой письма и скоростью написания. Буквы полуустава схожи с ранним уставом, однако благодаря небольшому наклону вправо угол пера при написании менялся реже и оставался под удобным для писаря углом. И если первое южнославянское влияние было связано главным образом с привнесением на Русь славянской письменности после принятия Крещения (988 г.), то второе – преимущественно с эмиграцией видных церковных, политических и культурных деятелей Сербии и Болгарии в поисках защиты от турецких завоевателей (рубеж XIV – XV вв.). В период второго южнославянского влияния функциональный и технический полуустав появился на Руси и получил широкое распространение. Полуустав применялся до конца XVII в. в литературных и публицистических памятниках, не претерпев в течение нескольких столетий значительных изменений.

Одним из наиболее известных памятников письменности, выполненных полууставом, является Лицевой летописный свод (1568–1576 гг.), составленный по заказу Ивана Грозного. Свод состоит из десяти томов и украшен практически 16 000 миниатюрами. Полуустав Лицевого летописного свода представляет собой достаточно мелкое письмо, высота букв не превышает 3 мм. Многие буквы имеют два и более вариантов написания, также используются сокращения и выносные буквы. На рис. 6 приводятся фрагменты Лицевого летописного свода.

Рис. 6. Страницы Лицевого летописного свода, XVI в.

Вместе с полууставом в русское письмо приходит и декоративный тип письма – вязь, – названный так за счёт «связанности» букв: вытянутые по вертикали буквы соединялись между собой, образуя лигатуры (см. рис. 7).

Рис. 7. Вязь из Апокалипсиса ОР РНБ Q.I.1141, л. 227, 1721 г. [10]

С начала XV в. одновременно с полууставом на Руси появляется новый тип письма – скоропись, призванная сократить время написания текста, а потому широко востребованная в делопроизводстве. Полуустав по-прежнему выступает книжным письмом, используемым для создания церковных книг. Для ранней скорописи характерно сочетание полууставных и новых скорописных начертаний букв. Поэтому исследователи-палеографы испытывают трудности при определении того или иного типа письма XV столетия. На рис. 8 представлена страница из Азбуковника (1613 г.) с изображением каллиграфического круга, сочетающего основные типы письма того времени: вязь – в центре круга, полуустав – второй круг, скоропись – внешний круг.

К основным признакам скорописи относятся: написание букв без отрыва пера от документа; многовариантность написания букв, нарушение двухлинейности письма за счёт выхода элементов букв за пределы строк, связность написания букв, употребление выносных букв (см. рис. 9). В XVI в. скоропись получает дальнейшее распространение и используется при написании повествовательных памятников (житий, летописей, хронографов), а в XVII в. становится главным видом письма, поэтому образцы каллиграфической скорописи публикуются в прописях или скорописных азбуках.

Распространению скорописи на Руси способствовала замена дорогостоящего пергамента бумагой, свойства которой позволяли увеличивать скорость написания документов. Первые попытки производства бумаги на Руси были предприняты ещё в XVI в., однако производимого объёма не хватало для делопроизводственных нужд государства, поэтому до начала XVIII в. бумагу завозили из-за рубежа.

Важным событием в истории русской каллиграфии является развитие книгопечатания и внедрение печатного шрифта, отлитого по образцу полуустава. Первая на Руси книга – «Апостол» – была отпечатана 1 марта 1564 г. дьяконом Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Печатный полуустав выступал главным шрифтом печати церковных книг и гражданских произведений вплоть до 1708 г. – до введения указом Петра I нового гражданского шрифта (см. рис. 10). Таким образом, с 1708 г. полуустав был окончательно вытеснен и использовался лишь при создании церковных книг и рукописей.

Рис. 8. Каллиграфический круг из Азбуковника 1613 г. [10]

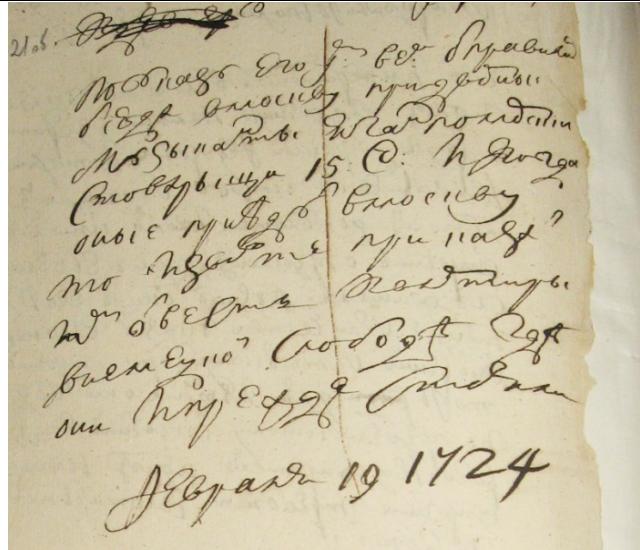

Рис. 9. Фрагмент документа 1724 г. [11]

Реформа письменности 1708-1710 гг. заключалась в замене древних кириллических букв церковнославянского языка более упрощёнными, что должно было обеспечить не только увеличение скорости написания текстов, но и рост грамотности среди подданных Российской империи. Кроме того, было принято решение исключить из алфавита некоторые «излишние» буквы: «юсы», «пси», «омегу», «от», «кси» – а также отменить обязательную постановку ударений в словах при написании текстов. На пути неизбежной европеизации культуры и стремительной модернизации русского социума случались и неизбежные потери: так, введение гражданского шрифта привело к незаслуженному вытеснению уникальных русских стилей письма, возникших и эволюционировавших на протяжении семи веков развития русской письменности.

а б в г д е ј с і к л м н о п
р с т у ф х ц ч ѿ ѿ ѿ
ъ Ѣ ѕ ю ѿ ѿ

Рис. 10. Гражданский шрифт

Во второй половине XIX – начале XX вв. в поисках новой национальной идентичности, обострившихся в связи с событиями Первой мировой войны, происходит подъём интереса к культуре древней и средневековой Руси. В этой период формируется «русский стиль» выдающихся художников, интегрировавших русскую каллиграфию в свои произведения: Михаила Врубеля (см. рис. 11), братьев Васнецовых (см. рис. 12), Николая Рериха, Ивана Билибина, Михаила Нестерова, Павла Корина, Кузьмы Петрова-Водкина.

Рис. 11. Творчески стилизованные формы монолинейной вязи в работе М. А. Врубеля.
Программа концерта «Кружка любителей русской музыки», 1901 г. (фрагмент)

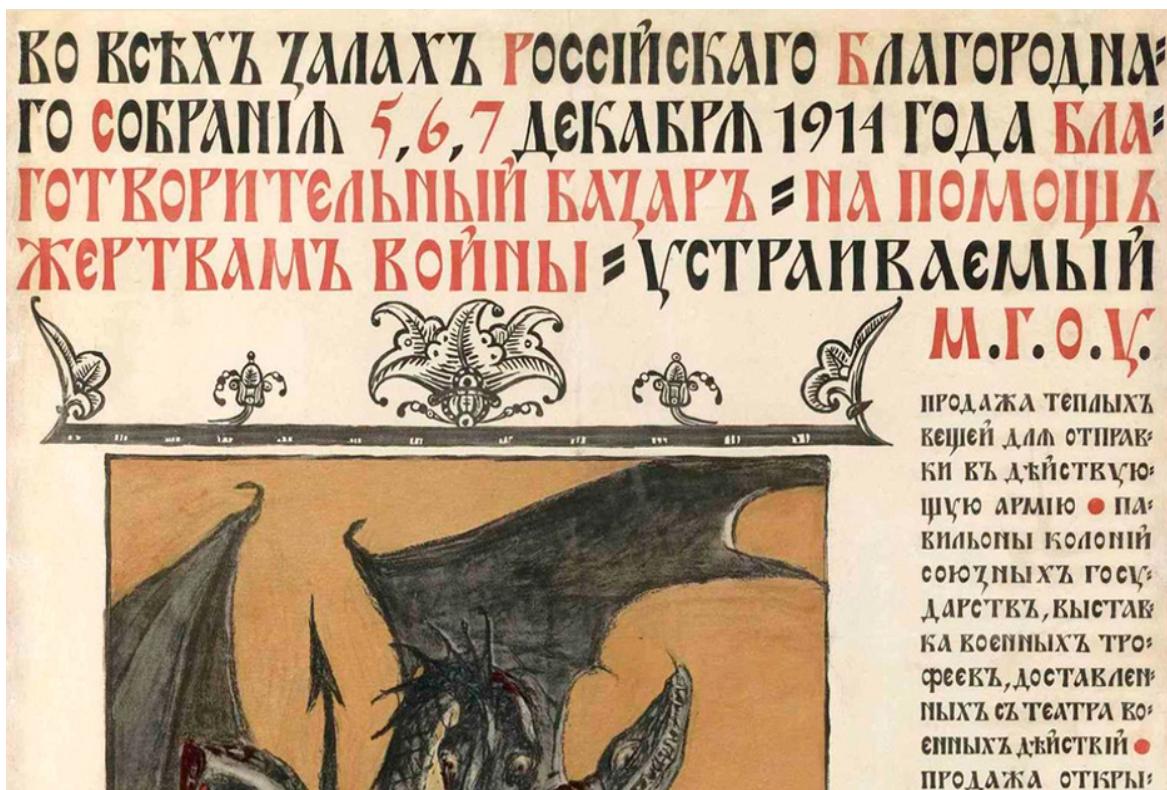

Рис. 12. В. М. Васнецов. Плакат для благотворительного базара
в поддержку жертв войны, 1914 г. (фрагмент)

В настоящее время набирает силу новая волна интереса к русской старине, в том числе к забытой, но всё же не утраченной разностилевой каллиграфии. Пройдёт время – и новые конфигурации кириллических *старшего и младшего уставов, полуустава, вязи и скорописи* станут хорошим поводом для написания новой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Истрин, В. А. Возникновение и развитие письма / В. А. Истрин. – М.: Изд-во URSS, 2014. – 620 с.
2. Костюхина, Л. М. Палеография русских рукописных книг XV – XVII вв. Русский полуустав / Л. М. Костюхина. – М.: Государственный Исторический музей, 1999. – 345 с.
3. Петровский, Д. И. Каллиграфическая история Руси и Западной Европы / Д. И. Петровский. – СПб.: Химиздат, 2016. – 704 с.
4. Сказание о письменах черноризца Храбра в переводе В. Я. Дерягина // Русская классическая школа. – URL: <https://russianclassicalschool.ru> (дата обращения: 06.05.2025). – Текст: электронный.
5. Смирнова, Э. С. Искусство книги в средневековой Руси. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век / Э. С. Смирнова. – М.: Северный паломник, 2011. – 560 с.
6. Степанова, А. Ю. Сказание черноризца Храбра «О письменах» в древнерусской письменности XIV – XVII веков (Основная редакция) / А. Ю. Степанова. – Новосибирск, [б. и.], 1997. – 49 с.
7. Уханова, Е. В. Византийский унциал и славянский устав. Проблемы источников и эволюции / Е. В. Уханова // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике / отв. ред. М. В. Бибиков. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 19-88.
8. Чекунова, А. Е. Русское кириллическое письмо XI – XVIII вв. / А. Е. Чекунова. – М.: РГГУ, 2017. – 288 с.
9. Щепкин, В. Н. Русская палеография / В. Н. Щепкин. – М.: Наука, 1967. – 224 с.
10. Центр исследований древнерусской культуры Зело, сайт. – URL: <https://zelomi.ru/blog/manuscripts> (дата обращения: 06.05.2025). – Текст: электронный.
11. Авторский проект «Скоропись», сайт. – URL: <https://scoropis.ru> (дата обращения: 06.05.2025). – Текст: электронный.

Шереметьева М. А., Савелова Е. В.
К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Шереметьева М. А., Савелова Е. В.
M. A. Sheremetyeva, E. V. Savelova

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ON THE ISSUE OF NATIONAL IDENTITY FORMATION: FOLKLORE IN THE CONTEXT OF MODERN MASS CULTURE

Шереметьева Марина Анатольевна – кандидат культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: Ma_Sher@mail.ru.

Marina A. Sheremetyeva – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Socio-Cultural Activity Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 680045, Khabarovsk territory, Khabarovsk, Krasnorechenskaya Str., 112. E-mail: Ma_Sher@mail.ru.

Савелова Евгения Валерьевна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: savelova_ev@hgiiik.ru.

Evgenia V. Savelova – Doctor of Philosophy, PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045. E-mail: savelova_ev@hgiiik.ru.

Аннотация. В статье поднимается проблема формирования российской идентичности. Рассматривается история вопроса о путях становления наций и национальностей в Европе. Акцент делается на роли исторической памяти и традиционной культуры. Рассматривается роль современной массовой культуры в формировании национальной идентичности. Проводится анализ репрезентации фольклорных сюжетов в современной культуре и искусстве. Особое внимание уделяется анализу компьютерных игр фольклорной и исторической тематики. Фактор формирования основ идентичности в детском возрасте заставляет обратить пристальное внимание на вопросы разработки отечественных компьютерных игр для детей. Было проведено сравнительное исследование формирования идентичности индивида посредством детской игры в период с 2012 по 2018 год и в 2025 году. Выявленная тенденция сдвига игровых предпочтений детей в сторону компьютерных игр приводит к выводу о необходимости разработки игрового продукта, адресованного детской аудитории.

Summary. The article raises the problem of the formation of Russian identity. The article considers the history of the question of the ways of formation of nations and nationalities in Europe. The emphasis is on the role of historical memory and traditional culture. The role of modern mass culture in the formation of national identity is considered. The analysis of the representation of folklore subjects in modern culture and art is carried out. Special attention is paid to the analysis of computer games with folklore and historical themes. The factor of forming the foundations of identity in childhood forces us to pay close attention to the development of domestic computer games for children. A comparative study of the formation of an individual's identity through children's play was conducted in the period from 2012 to 2018 and in 2025. The revealed trend of a shift in children's gaming preferences towards computer games leads to the conclusion that it is necessary to develop a gaming product aimed at a children's audience.

Ключевые слова: национальная культурная идентичность, фольклор, традиционная культура, массовая культура, славянское фэнтези, компьютерные игры.

Key words: national cultural identity, folklore, traditional culture, popular culture, Slavic fantasy, computer games.

УДК 008:316.7

В условиях растущей геополитической напряжённости и ослабления международных институтов Россия сталкивается с настоятельной необходимостью защитить свой суверенитет, автономию и территориальную целостность. Этот императив отражён в официальных заявлениях и яв-

ляется высшим приоритетом для страны. Укрепление единства российского общества и сохранение российской идентичности, культуры и традиционных ценностей на данном этапе провозглашены национальными интересами. Эти цели имеют решающее значение для обеспечения стабильности и безопасности страны перед лицом современных вызовов.

Рассуждая о национальных интересах и вопросах национального самосознания, необходимо определиться с понятием «национальность». Обратимся к работам Мирослава Хроха, посвящённым исследованию национальных движений Европы. Он считает нацию «продуктом долгого и сложного процесса исторического развития в Европе» и определяет её как большую социальную группу, цементируемую «комбинацией нескольких видов объективных отношений (экономических, политических, языковых, культурных, религиозных, географических, исторических) и их субъективным отражением в коллективном сознании», наиболее важными из которых являются «память» об общем прошлом, плотность и интенсивность языковых или культурных связей и концепция равенства всех членов группы, организованных в гражданское общество [19, 122]. В соответствии с этой концепцией М. Хрох выделяет фазы национального движения, первая из которых направлена на исследование языковых, культурных, социальных и исторических черт этнической группы и на закрепление этих фактов в сознании соотечественников [19, 125].

Именно такие процессы происходили в Европе в XVIII – XIX веках. Пробуждению чувства национального достоинства и самосознания европейских народов содействовали войны, развязанные империей Наполеона I. В странах Европы, оказавшихся под властью французских завоевателей, народы которых увидели общую для всех сословий угрозу – их поглощения и ассимиляции новой империей, начало проявляться чувство национального достоинства, одной из форм которого был интерес людей к далёкому прошлому их родины. В XIX веке в Европе начало бурно развиваться такое течение в общественной мысли, как романтический национализм, который затронул большинство областей культуры – от интеллигентской жизни до искусства. Его определяющими характеристиками являлись, во-первых, представление о том, что художники и интеллигенты имеют уникальную миссию – стать выразителями самобытности своей нации, а во-вторых, историческое мышление, выведившее идентичность нации из традиций исконной народной жизни, эпического момента национальной самоидентификации [15, 9]. Наибольший интерес для представителей этого течения представляли те исторические периоды, когда страна находилась на пике могущества, и те личности, которые сыграли выдающуюся роль с точки зрения создания этого могущества. Таким образом, создавался мифологизированный образ прошлого. Как говорит Я. Ассман, «через воспоминание история становится мифом. Это не делает её нереальной, напротив – только так она становится реальностью в смысле нормативной и формирующей силы» [2, 55]. Культурная память, исторические мифы создают нарративное единство и сплочённость сообществ, связывая настоящее со значимыми элементами прошлого, и тем самым служат основанием для складывания, функционирования и ретрансляции идентичности.

Отметим, что исторический аспект романтизма дополнялся лингвистическим. В качестве силы, сплачивающей нацию в единое целое, рассматривалась не только историческая традиция, но и наличие общего языка, что привело к повсеместному составлению словарей «живого» и «народного» языка и переработке на его основе литературной нормы. Одновременно с изучением языка шёл сбор и изучение фольклора (народных преданий, сказок, былин, поговорок и т. д.), зачинателями чего принято считать Якоба и Вильгельма Гrimmов. Велась активная публикация средневековой литературы эпического склада, а в тех странах, где отсутствовал средневековый эпос, создавались стилизации под него (например, «Песнь о Гайавате» и «Калевала»). Особенно мощно романтический национализм проявил себя в странах Восточной и Северной Европы, национальные элиты которых в эпоху Просвещения ориентировались на французские и немецкие образцы, рассматривая национальные традиции как пережитки средневекового варварства. Процессы пробуждения национального самосознания нашли своё яркое выражение в движении славян за независимость, которое сопровождалось возрождением национальных языков и культур славянских народов, поисками общей идентичности и вылилось в идею панславизма. Происходила активизация деятельности славянской интеллигенции и учёных в областях истории, филологии и фольклора.

Огромную работу по сбору и обработке фольклора, созданию словарей родного языка проделали братья Миладиновы, Вук Караджич, Вацлав Залесский, Жегота Паули, Божена Немцова и другие мыслители. Тем самым происходила трансформация фольклора из устной народной культуры в письменную, по определению Э. Геллнера, высокую культуру, «передаваемую не путём неформального общения с непосредственным окружением, а при помощи формального обучения» [6, 7].

В России события Отечественной войны 1812 года также привели к заметному усилению интереса к истории русского народа, его культуре, и в частности к фольклору. Именно во время войны сформировалось представление о русской национальной идентичности и возникла историческая мифология, заложившая основу самовосприятия русского общества того времени. Представители интеллигенции в 20-е годы XIX века обратили внимание на русские народные сказки, песни, пословицы и поговорки, в которых наиболее полно отразилось национальное самосознание русского народа. Литераторы первой трети XIX века, такие как В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и др., поставили перед собой задачу создать «истинно народную» поэзию, которая отражала бы «народный дух» и «древние обычаи». Фольклорные сюжеты и мотивы ложились в основу литературных произведений, преимущественно фантастического или сказочного характера, подвергаясь переработке в той или иной степени, что мы обнаруживаем у В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и др. «Учёные, писатели, поэты, артисты создавали и распространяли произведения в “народном стиле”, способствовали формированию популярной – и главное – единой версии национальной истории и культуры» [8, 152].

Подобные же процессы происходили во многих странах постсоветского пространства и на рубеже XX и XXI веков. Некоторые авторы, отмечая рост интереса к фольклору и этнографии в 1990-х годах в Восточной Европе, связывают это явление с актуальными там задачами построения новых государств-наций, конструирования элементов собственной национальной идентичности. После демократического транзита обновлённым государствам было важно реактуализировать представление о себе самих в Европе и мире, аргументы из области этнонациональной и этнокультурной истории позволяют формировать и переформулировать коллективную память общества. Конструируемость коллективной памяти отмечал М. Хальбвакс, который рассматривает память как коллективное культурное творение, развивающееся под влиянием семьи, религии и социальной группы через структуры языка и традиций в соответствии с господствующими идеями данного общества [17].

Отметим, что в первые десятилетия советской власти русский национализм как колониальный, подавляющий подлежал искоренению, однако уже в период Великой Отечественной войны его мобилизующий объединяющий потенциал оказался востребован, вследствие чего появились обращения к народному искусству в разных формах: фольклористики, литературной сказки, эпической героики, детского сказочного кинематографа и т. д. В советское время «народное» как основа понятия «национальное» использовалось и контролировалось, производилось с помощью государственной политики и институтов, тексты былин превращались в «новинки», подвергаясь редактированию профессиональными литераторами, а некоторые их исполнители стали членами Союза писателей [7, 8]. Складывались «этностереотипы отечественной культуры» [9, 91], происходило, как пишет Э. Хобсбаум, «изобретение традиций», связь которых с историческим прошлым «по большей части фиктивная» [18, 48]. Начиная с 1960-х годов поднимается интерес к народной культуре «снизу» как реакция на засилье технократии и авторитаризма, по словам Р. В. Кононенко, «движение за возрождение русского фольклора представляло “противогосударственную фронду”» [8, 155], а в 1980-е годы в основном было движимо эстетическими интересами. В нулевые годы XXI века в современной России начались процессы переоценки возможности самостоятельного развития в глобальном мире. Ответной реакцией на противодействие западных стран российской политике явилась консолидация основной части населения, выразившаяся в спонтанных проявлениях патриотизма и обращении к образцам собственной культуры [3, 196]. Под влиянием романтических интеллектуальных течений, а также на фоне изменений в повседневной жизни и расширения культурного выбора людей возрождалось фольклорное движение. Многие участники движения склонялись к идеологии «возврата к корням» и «оживления традиций». Фольклор, как правило, воспринимается как явление контркультуры с альтернативными

массовому потреблению ценностями, однако в современном обществе, как отмечает Р. В. Кононенко, «процессы профессионализации и коммерциализации не позволяют аутентичному фольклору занять более уверенные позиции на рынке вкусов аудитории» [8, 163]. В то же время, отмечая динамичность фольклора, его непрерывную изменчивость, он признаёт возможность успешного развития индустрии народной культуры, приобретающей черты массовой культуры благодаря механизмам маркетизации. При этом она играет роль национального символа, а бизнес в сфере культуры, стремясь привлечь массового потребителя, делает этот символ частью коммодифицированной медийной стратегии [8].

Соотношение народной и популярной (массовой) культуры исследовал основатель бирмингемской школы Стюарт Холл, считая современной формой традиционной культуры транслируемую и навязываемую массмедиа поп-культуру. Эту позицию отчасти разделяет К. Королев, который рассматривает массовую культуру в качестве идеологической преемницы традиционной культуры. Он определяет массовую культуру как «совокупность процессов производства и потребления символической (ценностной) продукции ... наделяющую нематериальные продукты, в том числе художественные приёмы, изобретённые и освоенные искусством предыдущих поколений, товарными свойствами;... это совокупность социальных идеологий, гуманитарных технологий и культурных ценностей, воспринятых и тиражируемых коллективным знанием в качестве социальных стереотипов, моделей для воспроизведения “конвенциональных значений”. При таком понимании массовая культура проявляет себя как “гибкий механизм определения, какие ценности и в какой степени действительно распространены в обществе”» [9, 19]. По его мнению, именно она обеспечивает конструирование национальной идентичности. Понимание культуры как общественного производства, связанного с языком и символизацией, разрабатывалось Ст. Холлом, который показывал, как индивиды, вступая в символическую интеграцию со своей эпохой, изобирают свои собственные идентичности. Всякая культурная идентичность для Ст. Холла это вопрос не столько бытия, сколько становления. Он подчёркивает, что, хотя у культурных идентичностей есть история, они не есть нечто ставшее, вне рамок места, времени и культуры. Они не зафиксированы в каком-то эссенциализированном прошлом, но подвержены постоянной игре истории, культуры, власти. Отсюда и возможность стать другим, открытым внешним влияниям, новым общественным движением и самим себе, поскольку мы, по его словам, «невероятно кодируемые кодирующие агенты» [1]. Развивая взгляды Ст. Холла на культуру, Дж. Стори заявляет, что «культура конструирует мир, который, как считается, она лишь описывает» [25, 84]. На это положение Дж. Стори опирается К. Королёв, рассуждая о конструировании национальной идентичности. В то же время К. Королёв подчёркивает такой важный, на наш взгляд, фактор, как взаимное влияние массовой культуры и её потребителя, обусловленное коммерческим характером культуры; он считает историю развития массовой культуры историей тиражирования художественных приёмов как ответа на рецепцию этих приёмов массовым потребителем.

К. Королёв предлагает изучать проявления культурного национализма в контексте хронологических сюжетно-тематических синтагм культуры, для которых он предлагает определение «метасюжет» [9, 60]. Под «метасюжетом культуры» он понимает «комплекс артикулируемых литературно/кинематографически/музыкально и в прочих формах сюжетов того или иного жанрово-тематического направления, объединённых аксиологической семантикой. То есть это обобщённая форма социальной коммуникации, социально-идеологический контекст, в рамках которого формулируются, описываются, артикулируются, принимаются и развиваются некоторые ценностные, мировоззренческие установки, характерные для определённой социальной группы или страты» [9, 62].

Националистический метасюжет, складывающийся в России с середины XVIII века, К. Королёв обозначает как славянский, объясняя такой выбор прилагательного панславизмом данного метасюжета и сложившейся практикой словоупотребления. «...Культурное конструирование “русскости” фактически с самого начала сопровождалось и сопровождается – в диахронии и синхронии – подчёркиванием “славянского элемента” этого представления, будь то в политическом, медийном или художественном дискурсе», – заявляет К. Королёв [9, 5]. Когда к концу 1990-х была осознана и высказана общественно-политическая необходимость обретения объединяющей наци-

ональной идеи, предполагающей возврат «к корням», в стране, по наблюдениям К. Королёва, начались бурный рост пласта беллетристики, адаптирующего к русскому культурно-историческому опыту направление фэнтези, и рождение жанра «славянское фэнтези». Отметим, что жанрово-тематическое литературное направление фэнтези появилось на Западе ещё в конце 1920-х годов и подразумевало, по сути, волшебные сказки для взрослых, популярность которых обусловлена устойчивым спросом у читательской аудитории на тексты о магии и чудесах. К. Королёв, подчёркивая масс-культурный статус фэнтези, отмечает его «чрезвычайную условность», «предельную фиктивность» и – в силу этого – идеальность «в качестве инструментов творческого конструирования воображаемого сообщества и его не менее воображаемого славного прошлого» [9, 216]. Для разбора и классификации механизмов такого конструирования он предлагает использовать три модели интерпретации славянского метасюжета в жанре фэнтези: героико-эпическую, «родноверскую» (неязыческую) и деконструкционистскую. Героическое славянское фэнтези, «копирающееся на национальные стереотипы, от поведенческих до идеологических, осознанно использующее этнографическую славянскую фактуру» [9, 223], модифицирует модель «супермена, победителя вселенского зла» и помещает его «в условно-псевдославянские “декорации”» [9, 221]. «Родноверская» формула предполагает воссоздание сцен условной Древней Руси с необходимыми формальными признаками типа родоплеменного общества и культа славянских богов, причём в этих произведениях главное не сюжет, а идеология, реконструкция дохристианского, языческого мировоззрения [9, 266]. Третья формула славянского фэнтези представляет карнавализацию, потешную деконструкцию серьёзности и пафоса двух других в формах пародии, бурлеска и «романов-анекдотов». Наиболее показателен в этом отношении «лубочный» цикл М. Г. Успенского о богатыре Жихаре, действующем в мире «фольклорной» Руси, представление о которой сложилось благодаря исторической беллетристике и советскому сказочному кинематографу» [9, 270].

Отметим, что появление локализованных версий масс-культурных жанров является ярким проявлением коммерческого характера массовой культуры, реакцией рынка на ценностный спрос конкретной локальной аудитории, формирующий предложение, и характерно не только для литературы, но и для других отраслей массовой культуры. Подобные процессы отразились и на сфере кинематографа. Так, отечественная студия анимационного кино «Мельница» добилась успеха благодаря обращению к фольклору и современному его прочтению: полнометражные мультфильмы по мотивам былин о богатырях Алёше Поповиче, Добрыне Никитиче и Илье Муромце, превратившиеся во франшизу, и следующая франшиза «Иван Царевич и Серый Волк» вывели студию на первые позиции в этой отрасли. В игровом кино можно вспомнить франшизу «Последний богатырь» и такие успешные проекты в жанре славянского фэнтези, как «Легенда о Коловрате», «Конёк-Горбунок» и «По щучьему велению». Не будем также забывать, что в конце XX века появилось понятие «цифровая культура», одним из наиболее характерных феноменов которой являются компьютерные игры (или видеоигры), рассматриваемые сегодня в качестве нового, активно развивающегося синтетического вида современного искусства. По силе психологического и эмоционального воздействия видеоигры не уступают кинематографу, литературе и музыке и, несомненно, влияют на формирование мировоззрения и самосознания. В видеоиграх присутствует «глубинная социокультурная функция: закладываются собственные смысловые сюжеты, которые зачастую транслируют, презентируют и прививают ценности страны-разработчика … в условиях геополитического противостояния продукты рынка компьютерных игр становятся одним из эффективных способов трансляции ценностей, который фактически не является контролируемым» [10, 38]. На Западе они уже давно используются как инструмент идеологических манипуляций. Как пишут А. Ю. Микитинец и Н. С. Норманский, «некоторые популярные игры транслируют потребителю образы и идеи, которые входят в явное противоречие с традиционными ценностями россиян. К таким идеям можно отнести пропаганду религиозной нетерпимости (“Far Cry 5”), радикальных ответвлений феминизма (“The Last of Us Part II”), разрушения института традиционной семьи (“Life Is Strange”)» [10, 40]. В 2000-х, в период обострения отношений России и Запада, появилось большое количество более или менее популярных игр, в которых россияне выставлены в качестве врагов. «На противостоянии с россиянами-антагонистами построены целые сюжеты серий игр жанра “шутер”, таких как “Call of Duty: Modern Warfare”, “Tom Clancy’s”, “SOCOM”, “Battlefield: Bad

Company”, “Sniper Elite” и т. д. Отдельного упоминания “достойна” игра-стратегия “Company of Heroes 2”, которая вызвала негативную реакцию в России из-за своей сюжетной линии, дискредитирующей советскую армию в период событий Великой Отечественной войны» [10, 40]. Как и в годы холодной войны, западная пропаганда формирует образ врага, но только уже не с помощью книг и фильмов, а с помощью видеоигр. Этот пример является ярким подтверждением взглядов представителей бирмингемской школы на культуру как субститут идеологии, регулирующей общественное сознание. Поиск врага как повод к объединению рассматривается Ст. Холлом в числе идеологических процессов использования массмедиа для поддержания порядка [22].

Осознание силы влияния на умы массовой культуры и компьютерных игр как одной из её ярких форм появилось и в нашей стране на разных уровнях. Разработчики начали особенно интересоваться национальной тематикой: славянской и русской культурой, историей России. Василий Овчинников, генеральный директор объединения видеоигровых разработчиков в России, заявляет: «Видеогры сегодня – это значимая часть культуры, которая во многом её и формирует. Возможности рассказывать истории через интерактивное взаимодействие уже рождают настоящие шедевры. Более того, большая часть геймеров знакомится с культурами других стран через игры. В России огромное и разнообразное культурное наследие, которое находит отражение в видеоигровых проектах. Например, Atomic Heart по уровню экспорта российской культуры и эстетики уже стоит в одном ряду с фильмом “Москва слезам не верит”» [12]. Эти слова В. Овчинникова являются подтверждением позиции К. Королёва о взаимном влиянии глобальной массовой культуры и её локальных национальных форм. Различные культурные коды при пересечении порождают новые символические структуры, которые развиваются и распространяются в общекультурной «ризоме» [9]. В качестве примера взаимного обмена глобальной культуры и нашей народной культуры можно привести историю распространения в культуре западных стран образа Бабы-яги, которая сперва получила известность благодаря публикации сказок с иллюстрациями Билибина, осуществлённой эмигрантами в 1920-е годы, во второй половине XX века начала появляться в качестве персонажа в детской фэнтезийной литературе, в 1979 году была введена в качестве персонажа в культовую серию ролевых настольных игр Dungeon and Dragons, где остаётся одним из персонажей бестиария, в наши дни она является популярным персонажем видеоигр [4].

Нужно отметить, что с 2022 года государство выделяет средства на создание отечественных игр, направленных на укрепление гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей среди молодёжи с помощью Института развития интернета (ИРИ). К примеру, в октябре 2022 года ИРИ одобрил гранты на 14 проектов по разработке видеоигр в рамках конкурса на создание национального контента в игровой среде. В мае 2024 года Президент России В. В. Путин подписал указ, в котором включил создание механизмов контроля за рынком компьютерных игр в «Основы государственной политики России в области исторического просвещения» [11]. Принимаемые государством меры показывают, что видеоигры в нашей стране перестали восприниматься высшим политическим руководством исключительно как сфера развлечений и перешли в область большой политики. Общий качественный прорыв в видеоигровой индустрии существенно расширил глобальную аудиторию видеоигр и их рынок. В мире сегодня насчитывается около 3,3 млрд геймеров, а объём этого рынка достиг 282 млрд долларов. В нашей стране активная геймерская аудитория составляет не менее половины населения, а на игры россияне сейчас тратят больше, чем на фильмы, книги и музыку. В 2023 году рынок возобновил рост, увеличившись на 4,7 % по сравнению с 2022 годом, и достиг 176 млрд рублей [12]. Отметим, что это почти в пять раз больше сборов российского кинематографа, который за 2023 год собрал 27,1 млрд рублей. Важно подчеркнуть, что именно сейчас с уходом крупных международных компаний с отечественного рынка перед российскими разработчиками открывается окно возможностей для создания качественных отечественных игр с интересным сюжетом и захватывающим геймплеем. Необходимо использовать сложившуюся выгодную ситуацию. Новые продукты будут перетягивать на себя внимание отечественных пользователей с зарубежных видеоигр.

Многие аналитики отмечают тренд в современной российской игровой индустрии на интерес к истории, культурному коду и идентичности России – на славянский, советский и российский

сеттинг, на старорусскую тематику в разных проявлениях. Представляется интересным познакомиться с ассортиментом предлагаемых разработчиками игр, отражающих отечественную тематику и культурное наследие. В рамках данного исследования наибольший интерес вызывают игры, разработчики которых опирались на славянскую мифологию и фольклор. При внимательном рассмотрении можно насчитать более четырёх десятков игр в славянском сеттинге, вышедших за период с 1992 года, когда появилась первая подобная игра «Ворона, или Как Иван-Дурак за кладом ходил» отечественной компании ONP Software. Это была довольно примитивная игра в жанре аркада, которая, тем не менее, вызвала тёплые чувства у пользователей тем, что позволяла встретиться со знакомыми и любимыми с детства персонажами народных сказок: Иван-дурак, Емеля, Баба-яга, Змей Горыныч, Кот Учёный и др. Отметим, что в этом тематическом направлении лидируют небольшие отечественные инди-студии. Нужно дать пояснение, что инди-игры (*indie video game*) – одно из направлений в развитии современных компьютерных игр. Слово *indie* в названии представляет собой сокращение от *independent* (независимый), такие игры в первую очередь осознаются как оппозиция мейнстриму, стандартам массовой культуры. Разработчиками инди-игр, как правило, являются небольшие компании (возможно даже авторы-одиночки), которые финансово независимы от издателей и, как следствие, независимы творчески от сложившихся штампов игровой индустрии, что позволяет разработчикам самовыражаться, рисковать, реализовывать оригинальные художественные замыслы, создавать игру своей мечты. Как говорит разработчик игры «Песнь копья» Пётр Костенко, «сегодняшний всплеск обусловлен тем, что с уходом многих студий инди-индустрия начала перестраиваться под текущую конъюнктуру. И перестраивают её по большей части новички, которые открыты к экспериментам, в том числе и в сеттинге» [5].

Однако при ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что «славянскость» таких игр зачастую ограничивается созданием некой атмосферы русских сказок: характерный пейзаж с берёзками, своеобразная архитектура, наряды, музыкальное сопровождение (гусли с балалайками), имена персонажей и бестиарий (разнообразная лесная и болотная нечисть на основе славянской мифологии). Такая картина соответствует характеристике «славянского фэнтези», предложенной К. Королёвым, заключающейся в том, что наличие элементов славянского метасюжета, как правило, оказывается чисто художественным приёмом, используемым «без обращения к первоисточникам, а опосредованно, через сформированные массовой культурой клише» [9, 173]. Однако есть и такие игры, авторы-разработчики которых серьёзно подошли к изучению отечественного фольклора, мифологии, истории, используя эти знания при разработке как сюжета игры, так и её языка, визуальной и звуковой составляющих. К их числу можно отнести «Аркону» 1998 года, «Yaga» 2019 года, «Чёрную книгу» 2021 года, «Slavania» 2024 года. Некоторые игры построены на сюжетах конкретных фольклорных произведений. Среди таких можно упомянуть три игры о русских богатырях Алёше Поповиче, Добрыне Никитиче и Илье Муромце студии PIPE studio, являющиеся, по сути, переложением мультфильмов отечественной студии «Мельница», которая как раз опиралась на знакомые многим русские былины. Стоит упомянуть также игры 2025 года «Лихо одноглазое» студии Morteshka и «Василиса и Баба Яга» студии Baba Yaga Games, в основе сюжета которых лежат известные народные сказки в пересказе Афанасьева.

Проанализировав сюжеты и перечни персонажей таких игр, мы обнаруживаем параллель с моделями интерпретации славянского метасюжета, которые выделял К. Королёв: игры, где действуют древние языческие боги (такие как Велес, Сварог, Перун и др.), т. е. неоязыческая модель (или родноверская), и две группы игр, которые строятся на противостоянии героя (или героев) представителям тёмных сил. Персонажами второй группы игр являются герои русских сказок, былин, быличек, но различие заключается в жанре: героико-эпический, изображающий борьбу со вселенским злом, и юмористический, отражающий деконструкционистскую модель.

Заметим, что в число наиболее популярных персонажей у разработчиков входят упомянутые богатыри как воплощение сил добра и, с другой стороны, Баба-яга, Леший, Кошеч, Змей Горыныч, русалки, кикиморы и прочие представители нечистой силы. Отметим, что Баба-яга, самый популярный персонаж игр в славянском стиле, не всегда рассматривается в негативном аспекте. Причём такую неоднозначность можно наблюдать не только в видеоиграх, но и в кино: сравним, к

примеру, фэнтези-хоррор 2020 года «Яга. Кошмары тёмного леса» и сказочное фэнтези 2023 года «Баба Яга спасает мир». Популярность и неоднозначность этого фольклорного персонажа заставляет уделить ему больше внимания. Образ Бабы-яги характерен для фольклорного наследия всех восточных славян, что является подтверждением связи этого персонажа с древней славянской мифологией. В. Я. Пропп, который глубоко анализировал исторические корни волшебной сказки, отмечая сложность этого персонажа для анализа, обращал внимание на такую особенность образа, как отсутствие единого типажа яги, и выделял три основные формы: яга-дарительница, от которой герой или героиня получает волшебные дары; яга-похитительница, ворующая детей; и яга-воительница, которая сражается с героем. В своей работе «Исторические корни волшебной сказки» В. Я. Пропп убедительно показал связь яги с загробным миром и доказал, что она охраняет вход в царство смерти, а избушка является сторожевой заставой. Образ яги восходит к тотемному предку по женской линии, а сам сюжет В. Я. Пропп связывает с обрядом инициации, который представлялся древнему человеку как умирание и новое рождение [13].

Инициация (посвящение) в традиционной культуре играла важную роль с точки зрения воздействия на идентичность, синхронизации личности с социальным контекстом. По мнению М. Элиаде, «посвящение кладет конец “естественному человеку” и вводит неофита в культуру». Он также отмечает, что «темы посвящения живы в подсознании современного человека» [23, 13]. Я. В. Чеснов, рассматривающий народную культуру как характеризующуюся тесной взаимосвязью природы и человека, выражает сожаление, что в постиндустриальной культуре эти обряды в значительной мере исчезли, усилив в части людей эндогенные факторы, с которыми справиться человеку в одиночку не так просто [20]. Очевидно, что читая сказку или смотря кинофильм, или играя в игру с подобным сюжетом, идентифицируя себя с персонажем, человек получает возможность символически пройти такое испытание, что очень значимо для процесса становления самости.

Дж. Стори, развивая взгляды Ст. Холла на идентичность как становящееся, обращает внимание на место памяти в структуре идентичности. Дж. Стори подчёркивает, что «идентичности имеют сложную структуру, подвержены изменениям и всегда находятся в процессе становления; они скорее форма “производства”, чем “потребления” неизменного, постоянного наследия. ... Образование и постоянное преобразование наших идентичностей всегда является компромиссом между памятью и мечтой – между памятью, посредством которой мы стремимся найти своё место в уже известном прошлом, и мечтой, которая ведёт нас вперёд, минуя настоящее, в неведомое будущее», и приходит к выводу, что «значительная часть того, чем мы являемся, связана с прошлым, т. е. наше самоощущение, самовосприятие, по-видимому, “коренится” в наших истоках. Факты нашей биографии подкрепляются главным образом памятью. Память является самой сутью идентичности: она устанавливает связь между настоящим Я (кем мы являемся) и Я прошлым (кем мы когда-то были)» [16, 34].

Данное утверждение перекликается с утверждением К. Мангейма о важности ранних впечатлений для формирования представлений о мире. Он утверждает: «Все последующие впечатления, как правило, получают своё значение из этого изначального набора... каждый конкретный опыт обретает своё особое лицо и форму благодаря связи с этим первичным слоем опыта, из которого все остальные черпают своё значение» [26, 177], – подчёркивая тем самым ценность впечатлений детского возраста с точки зрения закладывания фундамента или ядра идентичности.

Формирование картины мира осуществляется через разные информационные каналы, среди которых значительное место занимает система фольклора. В первичной инкультурации главное действие оказывает блок детского фольклора. Исследование волшебной сказки В. Я. Проппа показало, что в ней всегда содержится определённый набор действий. Действия одинаковы для разных сказок вне зависимости от персонажей и ситуации, что позволило исследователю не только утверждать, что сказки несут в себе закодированную информацию о важнейших элементах традиций (например, инициации), но и выделить важнейшие символические блоки, входящие в содержание культуры. Указанные символы, по сути, являются этнокультурными стереотипами, что показывает важность сказок для инкультурации [13, 14]. Однако современные дети не всегда любят, к сожалению, слушать сказки, а также и не каждый современный взрослый вспомнит и сможет

рассказать народную сказку по памяти, выдержав все особенности структуры, стиля и образного мира устной народной традиции.

Другой важной формой передачи информации и основным занятием детей является игра, через которую происходит приобщение ребёнка к миру взрослых, инкультурация и идентификация. В ходе проводившегося нами в период с 2012 по 2018 год исследования игровых предпочтений учащихся младших классов школ г. Хабаровска было выявлено: в 2000-е годы произошёл резкий слом игровых традиций, что проявилось в снижении интереса детей к подвижным играм и решительном предпочтении, которое современные дети отдают видеоиграм (их дети назвали в числе наиболее любимых 383 раза, что соответствует 30 % от всех упоминаний), 14 % ребят назвали в качестве любимых только компьютерные игры [21]. В 2025 году было проведено повторное исследование, в котором участвовало 56 учащихся 4-х классов средней школы № 85 г. Хабаровска. В ходе проведённого исследования мы увидели, что дети назвали различные компьютерные игры в числе наиболее любимых 128 раз, что составляет 40 % от всех упоминаний, и 36 % детей назвали только компьютерные игры. Безусловно, количество опрошенных детей меньше, чем в предыдущем исследовании, однако тенденция очевидна. По сути, само слово «игра» у современных детей ассоциируется в первую очередь именно с компьютерной игрой, а уже затем приходит мысль, что есть и другие разновидности игр. Отметим также, что дети стали гораздо меньше читать и смотреть кино. Компьютерная игра стала не только формой досуга, но и неотъемлемой частью жизни современного ребёнка. В ходе исследования учителя начальных классов отмечали, что каждую свободную минуту дети стремятся посвятить играм на смартфоне, а бывают и такие случаи, когда ребёнок отпрашивается выйти с урока, якобы по естественной нужде, а сам в это время играет на смартфоне. Игнорировать такое неоспоримое увлечение детей компьютерными играми не имеет смысла. Нужно принять этот факт и вытекающее отсюда следствие, что компьютерные игры являются одним из значимых факторов, влияющих на формирование у ребёнка взглядов на мир, на процессы инкультурации и идентификации. Как считают А. Ю. Микитинец и Н. С. Норманский, именно школьников нужно рассматривать как наиболее уязвимую группу, «которая в силу объективных возрастных показателей и возможного отсутствия необходимого жизненного опыта может быть сильнее всего подвержена влиянию (в том числе и негативному) зарубежной пропаганды» [10, 38].

В связи со сказанным представляется целесообразным осуществить анализ компьютерных игр фольклорной тематики, названных ранее, с точки зрения доступности и приемлемости для детей младшего возраста. Обращает на себя внимание, что основной массив игр рассчитан на взрослых пользователей, только 20 игр имеют возрастные ограничения до 6-12 лет. Среди указанных игр большинство не имеет ничего общего с отечественным фольклором, кроме антуража. Однако некоторые игры заслуживают внимания, например, игра Slavania от небольшой кампании FrostLeaf Games. Это игра, в которой создано сказочное пространство, открытое к исследованиям, с эстетикой древних славянских сказок, где присутствуют основные каноничные персонажи, такие как Баба-яга и Леший, а также есть некоторые классические артефакты типа мёртвой воды. Как утверждают сами разработчики: «Это переосмысление наших впечатлений от старых славянских сказок, советских мультфильмов и книг по мотивам этих сказок. Те ощущения и символы, которые мы считываем на подкорке, мы старались заложить в нашу игру. На проекте мы не придерживаемся строгих научных данных по древнеславянским реалиям, нам скорее важно передать дух и образ, общее настроение» [24]. Отметим, что, хотя игра и не отличается аутентичностью, однако представляется позитивным сам факт наличия в игре фольклорных персонажей и элементов народной культуры. Другая игра, на которую стоит обратить внимание, – «Песнь копья». По словам авторов, они создали мир, вдохновлённый народными сказками и мифами, не претендующий на историчность или академическую фольклористику, со свежим взглядом на знакомые сказки и долей юмора. Представляется важным, что по сюжету игрок в роли командира отряда богатырей спасает родную землю от нечистой силы. Особое внимание хочется обратить на игру «Василиса и Баба Яга» студии Baba Yaga Games. Разработчики игры довольно точно следовали первоисточнику – народной сказке «Василиса Прекрасная» в пересказе А. Н. Афанасьева. Они уделили много вни-

мания культурному игровому «наполнению», изучали при работе труды учёных-фольклористов, филологов, а также привлекали певцов и актёров, специализирующихся на народном искусстве центральных и южных областей России. Сюжет игры разворачивается вокруг похода Василисы по поручению мачехи к Бабе-яге за огнём. В пути игрок вместе с героиней преодолевает препятствия, отделяющие мир живых от мира мёртвых, выполняет задания Бабы-яги, чтобы получить от неё дар, а помогает героине волшебная куколка, полученная от матери как предсмертное благословение. Надо отметить несколько сюжетных линий и важных смысловых пластов произведения. Первая сюжетная линия связана с отправлением Василисы к Бабе-яге и получением у неё огня: по факту Василиса выполняет поручение злой мачехи, а по сути она проходит процесс инициации, как показал В. Я. Пропп. Вторая сюжетная линия связана с куколкой – волшебной помощницей героини, которую ей, умирая, вручила мать: по мнению В. Я. Проппа, такой помощник является отражением более поздней традиции – культа предков, куколка представляет собой умершего, её нужно кормить, и тогда умерший, инкарнированный в этой куколке, будет оказывать помощь [13]. Однако отметим и тот факт, что в данной сказке куколка является материнским «благословением», что является отражением более поздней, христианской нормы – почитания родителей. Почтительная дочь получает благословение – надёжную поддержку и высшую духовную защиту от зла, «благословенная дочь» оказывается неуязвимой для Бабы-яги. Обратим внимание, что значение материнского благословения подчёркивает в своём культовом цикле о Гарри Поттере Дж. Роулинг, что подтверждает востребованность у современного читателя произведений, раскрывающих ценность семейных уз и особенно материнской любви. Как видим, в игре «Василиса и Баба Яга», созданной на основе народной сказки, не только создаётся атмосфера народной сказки, но и отражаются традиционные культурные ценности, что позволяет нам рекомендовать эту игру для детей младшего школьного возраста.

Подводя итоги, отметим, что на рубеже XX и XXI веков мы наблюдаем в России очередной всплеск интереса к отечественной истории, народной культуре и поиску «культурных корней», выразившийся в расцвете фольклоризма и появлении культурного жанра славянского фэнтези. С точки зрения задачи сохранения российской идентичности, культуры и традиционных ценностей большое значение приобретает роль инкультурации ребёнка через видеоигры как наиболее популярную у этой возрастной группы отрасль массовой культуры. В то же время отечественная индустрия видеоигр находится в состоянии неопределенности и поливариативности её дальнейшего развития, или, по словам А. Ю. Микитинца и Н. С. Норманского, в «точке бифуркации». Разрабатываются различные меры поддержки индустрии видеоигр на государственном уровне. При этом важно не только, чтобы создавался собственный игровой продукт, а какие образы и смыслы он будет транслировать. Однако пока создано мало игр в фольклорном жанре для детской аудитории, которые можно было бы квалифицировать как формирующие национально-культурную идентичность. Поскольку мы не можем повернуть время вспять и убрать из жизни ребёнка компьютерные игры, стоит обратить внимание на разработку игр, нацеленных на формирование у ребёнка ценностного базиса. Грамотно выстроенная игровая история и запоминающиеся образы, которые будут интуитивно понятны юному геймеру, должны создавать возможность выбора и раскрывать преимущество определённых позитивных ценностей. Безусловно, игра по-своему адаптирует фольклорный материал, но, как отмечает К. Мангейм, «наше общество, в котором поколение сменияет поколение, в первую очередь характеризуется тем, что культурное творчество и накопление культуры не осуществляются одними и теми же людьми... наша культура развивается благодаря людям, которые по-новому знакомятся с накопленным наследием» [26, 171]. Именно так, через бережное и вдумчивое переосмысление опыта предыдущих поколений, происходит освоение и присвоение национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азизов, З. Стюарт Холл и локализация культуры / З. Азизов // Художественный журнал Moscow Art Magazine. – 2010. – № 77-78. – URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/28/article/484> (дата обращения: 29.07.2025). – Текст: электронный.

2. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 386 с.
3. Астафьевая, О. Н. Культурная политика и национальная культура: перспективы стратегического вектора современной России / О. Н. Астафьевая, О. Г. Аванесова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 193-201.
4. Быханова, М. А. Образ Бабы-яги в западных видеоиграх: от старушки ведьмы до безумной учёной / М. А. Быханова // АРТИКУЛЬТ. – 2024. – № 53. – С. 64-80.
5. «В наших интересах выйти везде» – интервью с разработчиками «Песни копья» // ООО «Дзен Платформа», 2015-2025. – URL: https://dzen.ru/a/ZmqjKHTj_UtD4g_L (дата обращения: 29.07.2025). – Текст: электронный.
6. Геллер, Э. Нации и национализм / Э. Геллер; пер. с англ.; ред. и послесл. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
7. Кононенко, Р. В. Меняющаяся роль культурного наследия: культурная биография одной русской народной песни / Р. В. Кононенко // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2021. – № 2. – С. 74-83.
8. Кононенко, Р. В. Фольклор как коллективная идентичность и wow-factor: социокультурный анализ / Р. В. Кононенко // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 152-165.
9. Королев, К. Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре: славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве / К. Королев. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 376 с.
10. Микитинец, А. Ю. Трансформация игровой культуры в России: аксиологический аспект / А. Ю. Микитинец, Н. С. Норманский // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № VIII (64). – С. 37-42.
11. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента Российской Федерации от 08 мая 2024 г. № 314 / Администрация Президента России, 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 29.07.2025). – Текст: электронный.
12. Объём рынка видеоигр в России достигнет ₽187 млрд в 2024 году // ООО «БИЗНЕСПРЕСС», АО «РОСБИЗНЕСКОНСАЛТИНГ», 1995–2025. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/66f278579a79473fcf76b842?from=copy> (дата обращения: 29.07.2025). – Текст: электронный.
13. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Иллюминатор, 2023. – 528 с.
14. Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Academіa, 1928. – 152 с.
15. Смирнов, В. Н. Влияние немецкого «романтического национализма» на русскую философию XIX века: дис. ... канд. филос. наук: 5.7.2 / Смирнов Владимир Николаевич. – СПб., 2021. – 358 с.
16. Стори, Дж. Память о себе: «истоки» и «пути» идентичности / Дж. Стори // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 2. – С. 34-39.
17. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
18. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47-62.
19. Хрох, М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Андерсон, Б. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Баузэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. – М.: Практис, 2002. – С. 121-145.
20. Чеснов, Я. В. Мысле-образы Родины / Я. В. Чеснов // Институт Философии Российской Академии Наук. – URL: <https://iphras.ru/page24302231.htm> (дата обращения: 29.07.2025). – Текст: электронный.
21. Шереметьева, М. А. Трансформация детской игры в контексте формирования Российской социокультурной идентичности: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Шереметьева Марина Анатольевна. – Хабаровск, 2020. – 189 с.
22. Шушкова, М. Стюарт Холл о роли идеологии в медиакультуре, в массовой коммуникации / М. Шушкова // Бирмингемская школа. – URL: <https://birmingemsschool.tilda.ws/> (дата обращения: 29.07.2025). – Текст: электронный.
23. Элиаде, М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / М. Элиаде; пер. с фр. Г. А. Гельфанд; науч. ред. А. Б. Никитин. – М.-СПб.: «Университетская книга», 1999. – 356 с.
24. Slavania – в мире славянских сказок // RENDER.RU. – URL: <https://render.ru/ru/Slavania/post/23516> (дата обращения: 29.07.2025). – Текст: электронный.
25. Storey, J. Cultural theory and popular culture / J. Storey // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/john-storey-cultural-theory-and-popular> (дата обращения: 29.07.2025). – Текст: электронный.
26. Mannheim, K. Essays on the Sociology of Knowledge / K. Mannheim. – London: Routledge & K. Paul. – 1952. – 348 p. – URL: <https://archive.org/details/essaysonsociolog00mann/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 29.07.2025). – Текст: электронный.

Шушарина Г. А.
G. A. Shusharina

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ ФИТОНИМОВ В ПОЭЗИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ

CULTURAL MEANINGS OF PHYTONYMS IN THE POETRY OF FAR EASTERN AUTHORS

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Assistant Professor, Head of Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются культурные смыслы фитонимов (названий растений) в поэзии. Актуальность исследования обусловлена дискурсивным переосмысливанием поэзии, а также недостаточной изученностью лирики дальневосточных авторов. Материалом исследования послужили стихотворения П. Комарова, С. Смолякова, А. Кухтиной, Л. Скрипченко и др. В процессе анализа поэтических текстов были выделены такие группы фитонимов, как растительные массы, деревья и кустарники, цветковые растения, травянистые растения и ягоды, строение растений. Использование названий растений в дальневосточной поэзии в целом соответствует фольклорной и литературной традиции России. Основными культурными смыслами, заключёнными в фитонимах в дальневосточной лирике, являются национальные символы России, любовь к малой родине, уникальность природного ландшафта дальневосточного региона, чувства и переживания человека.

Summary. The article examines the cultural meanings of phytonyms (plant names) in poetry. The relevance of the study is due to the discursive reinterpretation of poetry, as well as the insufficient study of the lyrics of Far Eastern authors. The study is based on the poems of P. Komarov, S. Smolyakov, A. Kukhtina, L. Skripchenko, and others. During the analysis of the poetic texts, the following groups of phytonyms were identified: plant masses, trees and shrubs, flowering plants, herbaceous plants and berries, and plant structure. The use of plant names in Far Eastern poetry generally corresponds to the folklore and literary tradition of Russia. The main cultural meanings embodied in phytonyms in Far Eastern poetry include the national symbols of Russia, love for one's homeland, uniqueness of the natural landscape of the Far Eastern region, and human emotions and experiences.

Ключевые слова: поэтический дискурс, культурный смысл, природа, фитоним, Дальний Восток России.

Key words: poetic discourse, cultural meaning, nature, phytonym, Russian Far East.

УДК 82-1

Интерес исследователей к поэзии не ослабевает. В настоящее время происходит её дискурсивное осмысливание, с позиций которого «поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [6, 326].

В творчестве поэтов фитонимы играют важную смысловую роль, часто становясь носителем сложных ассоциаций, связанных с мифологией, религией, фольклором, историческим контекстом. Например, цветы в поэтических произведениях символизируют различные состояния души человека (роза – символ любви и страсти в сонетах У. Шекспира, стихотворениях А. Блока). В поэтическом дискурсе деревья часто выступают как архетипические символы (дуб в поэзии А. С. Пушкина – символ силы, долголетия и мудрости, берёза в поэзии С. Есенина – национальный символ России, ива – символ грусти и утраты у А. Ахматовой).

Культурные смыслы фитонимов в поэзии дальневосточных авторов изучены мало. Так, отдельным вопросам содержания и поэтики пейзажной и природоведческой лирики в творчестве П. Комарова, одного из известных дальневосточных авторов, посвящены работы О. Н. Александровой-Осокиной [1]. Сказанное определяет актуальность и новизну настоящего исследования.

Ранее мы уже исследовали природные образы на примере нанайского фольклора [15]. Цель настоящего исследования – выявление культурных смыслов фитонимической лексики в поэзии дальневосточных авторов.

Материалом исследования послужили стихотворения дальневосточных поэтов, в частности П. Комарова, С. Смолякова, А. Кухтиной, Л. Скрипченко и др.

В работе мы придерживаемся классического определения фитонимической лексики, которая включает в свой состав «родовые и видовые номинации деревьев, кустарников, трав, цветов, ягодных, овощных и плодовых культур и т. д. Единицей данной системы номинаций является фитоним – наименование собственных, индивидуальных растений» [5, 11-12].

Возможное наличие у фитонимов определённых культурных смыслов объясняется сложившимся веками отношением человека к растениям, которое выражалось не только в том, что растения активно использовались в быту как лекарство и пища, но и в том, что человек наделял их определённым смыслом, «мистическими свойствами», применяя их как обереги. Всё это обусловило, по выражению российских исследователей К. О. Папоян, С. А. Кошарной, «мифологизацию растений и – как следствие – их наименований» [12]. Семантизация растений связана с индивидуальным и коллективным опытом человека, его личностным отношением к растению, которые воплощаются в эмоциях, ассоциациях.

Использование фитонимов в литературных произведениях как носителей культурных смыслов отмечено в разные литературные эпохи, об этом, в частности, пишет российский исследователь С. Г. Горбовская: «В средних веках речь идёт о флороаллегории и флоросимволеатрибуте; в эпоху Возрождения делаются попытки преодоления средневековой аллегории, чувствуется желание повнимательнее приглядеться к живой природе; в классицизме основную роль играет флорообраз-троп, нередко тяготеющий к словесному штампу, клише, устойчивой риторической фигуре...» [4]. В настоящее время культурный смысл является «единством чувственно-воспринимаемых и сверхчувственных элементов, проявляется в одновременном наличии у вещей утилитарной и символической функции», суть которой в представлении информационного, эмоционального, экспрессивного содержания [11, 20].

В процессе анализа стихотворений были выделены следующие группы фитонимов, которые встретились в текстах:

1. Растительные массивы (бор, лес, тайга).
2. Деревья и кустарники (берёза, ива, кедр, рябина, сосна, тополь, черёмуха, ясень, бересклет, лимонник, лесной виноград, рододендрон).
3. Цветковые растения (vasилёк, лотос, ромашка).
4. Травянистые растения и ягоды (трава, женьшень, брусника, голубика, клюква, смородина).
5. Строение растений (ветка, листва, листья, ягода).

Наш анализ показал, что основным культурным смыслом, который заключён в стихотворениях дальневосточных поэтов, является демонстрация уникальности дальневосточной природы, которая презентирована названиями деревьев, кустарников и цветов, типичных для природы данной местности, например:

*Цветут рододенроны в мае на склонах,
Все сопки укутав в сиреневый свет.
И только у нас в уголках потаённых
Так чисто и нежно цветёт бересклет (А. Кухтина) [8].*

Так, кустарники рододендрон и бересклет растут в лесах Дальнего Востока, в частности Хабаровского края. На территории Дальнего Востока рододендрон называют багульником, именно такое название часто встречается в анализируемых текстах:

*Каплю смолы, ветку сосны,
В царстве багульника вечные сны* (О. Тенякова) [8].

*А весной в багульных лапах
Каждый. Взгляд не оторвёшь.
Завораживает запах,
Словно под хмельком идёшь* (Н. Лозовик) [8].

Среди других фитонимов, упомянутых в поэзии авторов, фиксируются такие представители дальневосточной фауны, как сосна, ель, женьшень, лимонник.

«В русской поэзии образам деревьев принадлежит исключительно важная роль, что обусловлено и природными факторами, и фольклорно-обрядовыми традициями, и многовековым земледельческим укладом жизни» [16]. В поэзии встречаются такие частотные фитонимы, как берёза, черёмуха, кедр. Отметим, что семантическое поле данных наименований совпадает с рамками фольклорно-литературной традиции. Берёза и черёмуха, во-первых, традиционно символизируют родину, родную природу, неотъемлемую часть русского пейзажа:

Край родной с берёзовою проседью... (Л. Булатов) [13].

*И любая берёзка знакома нам.
Только крикнешь – на все голоса
Птичьим щебетом, свистом и гомоном
В том же миг отзовутся леса* (П. Комаров) [10].

Берёза – национальный символ России, упоминание её в стихотворениях дальневосточных поэтов как воспоминание о малой родине, демонстрирует единство страны в природном ландшафте:

*Когда к концу придёт моя дорога,
К берёзе белой тихо прикоснусь...
У своего родимого порога
Селу родному низко поклонюсь* (Л. Скрипченко) [14].

*Мой край
Край берёз, тополей и ромашек,
И в душе – твой берёзовый свет.
Нет дороже, заветнее, краше,
Он любовью мою воспет* (Н. Суркова) [14].

Во-вторых, берёза и черёмуха – символ печали:

*Где танец берёз, где мудрый покой,
Где pena черёмух над быстрой рекой...* (О. Тенякова) [8].

Красота черёмухи недолговечна, поэтому она становится символом проходящего, мимолётности счастья, поскольку её белые цветы быстро осыпаются:

*Над Амуром черёмуха плакала,
Что опал её цвет по весне...* (Л. Булатов) [13].

*Так бывает, что горестно плачется
У черёмухи памятной той,
Что лишь в наших сердцах
только значится (Л. Булатов) [13].*

Семантизация кедра также соответствует фольклорной традиции, в стихотворениях дальневосточных поэтов кедр – символ мудрости. Кедр – долголетнее растение, поэтому в литературе и фольклоре его образ несёт в себе смысл мудрости предков и связи поколений. Кроме того, кедр – одно из самых величественных деревьев дальневосточной тайги, что ассоциируется с вечностью, мощью и бессмертием. На регулярность топики «кедр в статусе Мирового дерева» в художественных произведениях указывает, в частности, Т. А. Богумил [2]. Коренные народы Дальнего Востока России почитали кедр за то, что он давал пищу и кровь, а значит, защиту в необъятной и суровой тайге.

*Лишь ветер спорил с кедром мудрым,
Главу его достать он еле мог (О. Суслова) [14].*

Приведённые выше примеры включения фитонимов в дальневосточную лирику фиксируют такой стилистический приём, как олицетворение, т. е. растения, будучи неодушевлёнными предметами, наделяются человеческими качествами. Деревья в своих родовых названиях, относящиеся к женскому роду, традиционно воплощают различные женские образы в поэзии. Так, черёмуха – невеста (*Как черёмухе цветь подвенечную (Л. Булатов)*) [13]. Подобное отмечается и у ивы. Русский фольклор всегда подчёркивал женское начало у этого дерева.

*Как будто в каждую влюблён, Амуру ивушки-подруги
Шлют низкий девичий поклон (Л. Булатов) [13].*

Большое внимание поэты уделяют лотосу, называя его «сказочным цветком», что соответствует древней традиции, согласно которой лотос почитался во многих культурах как уникальное творение природы, возникающее чистым и ярким из мутной воды, поэтому лотос стал символом нового этапа, который несёт в себе радость и счастье, символом чистоты:

*Лотос, цветок мечты,
Лотос, дитя зари,
Новую песню ты
Мне подари!
И с восходом солнца нежные цветы
Озарил румянец редкой чистоты...
Чуть качает ветер лотос над водой,
Дивное творенье старины седой.
И с восходом солнца нежные цветы
Озарил румянец редкой чистоты...
Чуть качает ветер лотос над водой,
Дивное творенье старины седой.
Затаив дыханье рядом постою,
Расскажу цветку я про мечту свою,
Розовое чудо, древний дар Земли...
Я хочу, чтоб всюду лотосы цвели! (Л. Скрипченко) [14].*

*Лето. Солнце. Тепло. И на чистых озёрах
Распускается лотос – увидеть спешу! (Е. Аркадина-Ковалёва) [8].*

Тайга – неотъемлемая часть дальневосточного ландшафта. В поэтических литературных произведениях тайга не просто географическое понятие. Её образ является значимым для России, он наполнен глубоким смыслом. Во-первых, в дальневосточной поэзии тайга несёт смысл вечности:

И тайги вековечный покой... (П. Комаров).

Кроме того, тайга – пространство, представляющее опасность, это враждебная и величественная стихия, подчиняющаяся своим законам:

*Азиатской волной Амура,
Криком зверя во мгле ночной,
Потайною тропой маньчжура
Ты пугал меня, край лесной (П. Комаров) [10].*

*Стоят средь привольных лугов
И суровой тайги (Л. Игловикова) [9].*

*Наши земли раскинулись здесь,
На амурских, седых берегах.
Где желтеет тальник от жары,
А зима утопает в снегах.
Неприветливо встретил нас край,
Комарами и дикой тайгой (В. Суслов) [9].*

Мой край – снега и глухолесье (К. Выборов) [9].

Тайга и лес указывают на огромные просторы Дальнего Востока России:

*Леса распахнёт, пусть работают руки,
Откроет бескрайний амурский простор (А. Кухтина Бруштунова) [8].*

Где море девственной тайги (В. Захаров).

*Круглый год широкая, как море,
Над Амуром плещется тайга (Н. Рябов) [9].*

Ещё один смысл, который заложен в анализируемом фитониме, «тайга – кладовая», указывает на семантизацию тайги как источника неисчерпаемых богатств:

*Кто сосчитает зверя
В наших дремучих лесах? (А. Самар) [2].*

*Как мы говорили: «Ой, много добра
Схоронено в тайне опавших дубрав!» (П. Комаров) [7, 33].*

В дальневосточной поэзии отмечается антропоморфизм тайги, представленный женскими чертами:

Робкая, дикая, гордая женщина –

Сколько, тайга, тебе вёсен обещано? (М. Дечули) [8].

Таким образом, фитонимы несут в себе глубокие культурные смыслы, отражающие индивидуальный и коллективный опыт человека, мировоззрение народов, их традиции и ценности. Использование названий растений в дальневосточной поэзии в целом соответствует фольклорной и литературной традиции России. Основными культурными смыслами, заключёнными в фитонимах, являются национальные символы России, любовь к малой родине, уникальность природного ландшафта дальневосточного региона, чувства и переживания человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова-Осокина, О. Н. Тема «человек и природа» в поэзии Петра Комарова / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 96-109.
2. Стихи дальневосточных поэтов, павших на войне // Аргументы времени, военно-патриотическое издание. – URL: <https://svgbdvr.ru/tvorchestvo/stikhi-dalnevostochnykh-poetov-pavshikh-na-voine> (дата обращения: 06.05.2025). – Текст: электронный.
3. Богумил, Т. А. Кедр как дендрообраз сибирского текста / Т. А. Богумил // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 24. – № 4. – С. 233-248.
4. Горбовская, С. Г. Фитоним как литературно-художественный образ (от флоротропа к субъективно ассоциативному флорообразу) / С. Г. Горбовская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 9. – С. 309-311.
5. Дьяченко, Ю. А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е. И. Носова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дьяченко Юлия Александровна. – Курск, 2010. – 18 с.
6. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
7. Комаров, П. С. Избранное: Стихотворения, поэмы / П. С. Комаров. – М.: Сов. Россия, 1982. – 448 с.
8. Хабаровский край – стихи о родном крае // Любимая Родина. – URL: <https://ljubimaja-rodina.ru/stikhi/243-khabarovskij-kraj-stikhi.html> (дата обращения: 06.05.2025). – Текст: электронный.
9. Стихи // МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека Амурского муниципального района имени К. Р. Выборова». – URL: <https://www.mcbamk.ru/2020/09/29/stihi> (дата обращения: 06.05.2025). – Текст: электронный.
10. Стихи о Хабаровском крае // МУК «Городская Централизованная Библиотека». – URL: <https://www.kmslib.ru/stihi-o-habarovskom-krae> (дата обращения: 06.05.2025). – Текст: электронный.
11. Одношовина, Ю. В. Культурные смыслы мира вещей: история и современность: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Одношовина Юлия Владимировна. – Челябинск, 2007. – 27 с.
12. Папоян, К. О. Фитонимические образы в поэтической картине мира М. И. Цветаевой / К. О. Папоян, С. А. Кошарная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 7. – С. 143-146.
13. Стихи Л. Булатова // АСТ-пресс. – URL: <https://tribckhv.kco27.ru/wp-content/uploads/2023/08/1-Булатов-Стихи.pdf> (дата обращения: 06.05.2025). – Текст: электронный.
14. Подарок Хабаровскому краю // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2018/03/28/3540> (дата обращения: 06.05.2025). – Текст: электронный.
15. Шушарина, Г. А. Миромоделирующие природные образы в нанайском фольклоре / Г. А. Шушарина // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 4 (120). – С. 220-225.
16. Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 1990. – 303 с.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

Наливайко Т. Е., Болотская Я. А.
T. E. Nalyvayko, Ya. A. Bolotskaya

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ В СФЕРЕ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ

ANALYSIS OF THE CONTENT OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF BACHELORS IN THE SPHERE OF ARCHITECTURAL ENVIRONMENT TRAINING

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой «Педагогика, психология и социальная работа» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(4217)528-425. E-mail: tenal@knastu.ru.

Tatyana E. Nalivaiko – Doctor in Pedagogy, Professor, Head of Pedagogy, Psychology and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013; tel. 8(4217)528-425. E-mail: tenal@knastu.ru.

Болотская Яна Александровна – старший преподаватель кафедры «Дизайн архитектурной среды» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: bolotskayayana@mail.ru.

Yana A. Bolotskaya – Senior Lecturer, Design of the Architectural Environment Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: bolotskayayana@mail.ru.

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного анализа содержания профессиональных компетенций бакалавров по направлению подготовки 07.03.03 «Дизайн архитектурной среды». Исследование проводилось на основе сравнительного изучения основных профессиональных образовательных программ трёх вузов: Комсомольского-на-Амуре государственного университета (КнАГУ), Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) и Института бизнеса и дизайна. Целями работы являлись выявление зависимости декларируемых компетенций от конкретных знаний, умений и навыков, формируемых учебными планами, а также определение специфики подготовки в каждом учебном заведении. Методология исследования включала сравнительно-сопоставительный анализ, контент-анализ рабочих программ дисциплин и практик, а также метод табличной визуализации данных. Результаты показали, что, несмотря на единое ядро требований Федерального государственного образовательного стандарта, каждый вуз формирует уникальный профиль подготовки. Выявлена значительная вариативность в содержательном наполнении идентичных компетенций: градостроительно-аналитический уклон в КнАГУ, инженерно-технологический – в ДВФУ и практико-ориентированный коммерческий – в Институте бизнеса и дизайна. Показано, что компетенция является интегративной единицей, содержание которой напрямую зависит от образовательного контекста и ресурсов вуза.

Summary. The article presents the results of a comprehensive analysis of the content of professional competencies of bachelors in the direction of training 07.03.03 «Design of Architectural Environment». The study was conducted on the basis of a comparative study of the main professional educational programs of three universities: Komsomolsk-na-Amure State University, Far Eastern Federal University and the Institute of Business and Design. The aim of the work was to identify the dependence of the declared competencies on specific knowledge, abilities and skills formed by the curricula, as well as to determine the specifics of training in each educational institution. The methodology of the study included comparative analysis, content analysis of work programs of disciplines and practices, as well as a method of tabular data visualization. The results showed that, despite the uniform core of the Federal State Educational Standard requirements, each university forms a unique training profile. Significant variability in the content of identical competencies was revealed: urban planning and analytical focus at KnASU, engineering and technology at FEFU, and practice-oriented commercial focus at the Institute of Business and Design. It was shown that competence is an integrative unit, the content of which directly depends on the educational context and resources of the university.

Ключевые слова: профессиональные компетенции; дизайн архитектурной среды; бакалавриат; учебный план; знания, умения, навыки; сравнительный анализ; высшее образование; проектная деятельность.

Key words: professional competencies; architectural environment design; bachelor's degree; curriculum; knowledge, abilities, skills; comparative analysis; higher education; project activities.

УДК 72:378.147

Современные вызовы градостроительной политики, связанные с необходимостью создания комфортной, безопасной и эстетически выразительной среды обитания, актуализируют проблему качества подготовки кадров для архитектурно-строительной отрасли [9, 77]. Ключевым элементом обеспечения этого качества выступает формирование у выпускников вузов конкретного набора профессиональных компетенций (ПК), отвечающих требованиям профессиональных стандартов и динамично развивающегося рынка труда [13, 135].

В связи с этим анализ содержания профессиональных компетенций бакалавров по направлению подготовки «Дизайн архитектурной среды» представляет собой значительный научный и практический интерес. Данное направление, находящееся на стыке архитектуры, дизайна и урбанистики, требует от специалиста универсальных знаний, умений и навыков, позволяющих комплексно подходить к проектированию предметно-пространственной среды [6, 56].

Содержание ПК регламентируется федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования (ФГОС ВО), который задаёт общие рамки выпуска специалиста [18]. Однако конкретное наполнение этих компетенций, их операционализация через знания, умения и навыки (ЗУН) и их зависимость от содержания учебных планов реализуются на уровне отдельных вузов, что обуславливает вариативность в подготовке.

Целями данного исследования являются проведение сравнительного анализа содержания профессиональных компетенций бакалавров на примере конкретных образовательных программ ведущих вузов, выявление их зависимости от структуры знаний и умений, формируемых учебными дисциплинами, и определение степени соответствия актуальным запросам практики.

Теоретической основой работы послужили исследования в области педагогики высшей школы и компетентностного подхода [7, 8], а также труды, посвящённые непосредственно методологии проектного образования в сфере архитектуры и дизайна [14, 74].

Методической основой исследования выступил системный подход, позволивший рассмотреть профессиональные компетенции как сложный конструкт, формируемый под влиянием содержания образовательных программ. Для достижения поставленной цели был применён комплекс взаимодополняющих методов.

Центральное место занял сравнительно-сопоставительный анализ, который был применён для детального изучения федерального государственного образовательного стандарта по направлению 07.03.03 «Дизайн архитектурной среды» [18] и основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) трёх вузов: Комсомольского-на-Амуре государственного университета (КнАГУ) [17], Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) [15] и Института бизнеса и дизайна (B&D) [16]. В рамках анализа проводилось сопоставление формулировок, прописанных в стандарте и учебных планах профессиональных компетенций (ПК), их структуры и иерархии.

Для декомпозиции и операционализации компетенций был использован анализ рабочих программ дисциплин (модулей) и практик, позволивший выявить конкретные знания, умения и навыки, направленные на формирование каждой ПК [8, 145]. Это позволило установить, как декларируемые компетенции реализуются на уровне содержания учебных предметов.

Проведённое исследование нацелено на комплексный анализ содержания профессиональных компетенций бакалавров по направлению 07.03.03 «Дизайн архитектурной среды» на основе сравнительного изучения образовательных программ трёх вузов: КнАГУ, ДВФУ и Института бизнеса и дизайна. Анализ позволил выявить как единое ядро обязательных компетенций, заданное федеральным государственным образовательным стандартом [18], так и существенную вариативность в их содержательном наполнении, структуре и иерархии, обусловленную спецификой каждого учебного заведения.

Первым этапом анализа стало сопоставление формулировок общих и профессиональных компетенций, закреплённых в основных профессиональных образовательных программах вузов. Установлено, что все университеты реализуют требования ФГОС, включая в программы компетенции, связанные с проектной, исследовательской, организационно-управленческой и коммуникативной деятельностью. Однако акценты в их интерпретации значительно различаются. Так, в КнАГУ наблюдается выраженный научно-исследовательский и градостроительный уклон. Компетенции, связанные с проведением предпроектного анализа (аналог ПК-1 по ФГОС), подкрепляются глубоким блоком дисциплин, направленных на изучение социологических методов исследования среды, основ градостроительного анализа и экологии урбанизированных территорий. Это формирует у выпускника способность выявлять и анализировать сложные системные проблемы среды, что соответствует подходу, описанному в работах В. Л. Глазычева [6, 78]. В ДВФУ, обладающем инженерно-техническим потенциалом, ключевой акцент сделан на интеграцию художественного замысла с технологическими аспектами реализации. Профессиональные компетенции здесь увязаны со знаниями в области строительных конструкций, современных отделочных материалов и инженерного обеспечения зданий. Это отражается в содержании компетенций, направленных на разработку всех разделов проектной документации и осуществление авторского надзора (аналоги ПК-2, ПК-6 по ФГОС), что готовит специалистов, способных к диалогу с инженерами и конструкторами [11, 93]. В отличие от них, Институт бизнеса и дизайна демонстрирует выраженную практико-ориентированную и коммерческую модель подготовки. Его уникальный профиль «Дизайн среды» ориентирован на формирование компетенций в области проектирования интерьеров, выставочных пространств и элементов городского благоустройства. В содержании ПК доминируют компетенции, связанные с визуализацией, макетированием, презентацией проекта заказчику и управлением проектом на всех стадиях его реализации. Это формирует у выпускника навыки, востребованные в условиях рыночной экономики и частного предпринимательства. Сравнительный анализ профилей подготовки и акцентов в формировании профессиональных компетенций приведён в табл. 1.

Вторым, ключевым, этапом исследования стала операционализация декларируемых компетенций через анализ их зависимости от конкретных знаний, умений и навыков, формируемых учебными планами. Для этого был применён анализ рабочих программ дисциплин и практик. Результаты наглядно показали, что одна и та же обобщённая компетенция обеспечивается принципиально разными наборами ЗУН в зависимости от профиля вуза. Компетенция является интегративной единицей, синтезирующей в себе полученные знания и умения, и её содержание напрямую зависит от образовательного контекста [12, 34].

Во всех учебных планах присутствует значительный блок дисциплин, направленных на формирование профессиональных навыков в области владения программным обеспечением (AutoCAD, Revit, ArchiCAD, 3ds Max, Adobe Photoshop). Это отражает объективную потребность отрасли в специалистах, владеющих инструментами информационного моделирования зданий (BIM) и фотoreалистичной визуализации [5, 85]. Зависимость содержания конкретной компетенции от набора ЗУН в различных вузах приведена в табл. 2.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что единое ядро требований ФГОС ВО [18] служит рамочным ориентиром, в пределах которого каждый вуз формирует уникальный профиль подготовки. Содержание профессиональных компетенций не является статичным и в прямой зависимости от специализации образовательной программы наполняется конкретными знаниями, умениями и навыками. Это приводит к тому, что выпускники разных вузов, формально обладая одинаковым набором компетенций, оказываются подготовлены к решению различных задач в широком спектре профессиональной деятельности в сфере архитектурной среды.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют выйти на новый уровень осмысливания процессов формирования профессиональных компетенций в современном архитектурно-дизайнерском образовании. Проведённый сравнительный анализ выявил не просто формальное соответствие образовательных программ требованиям ФГОС ВО [18], но и глубокую, осознанную их адаптацию к конкретным академическим, региональным и рыночным контекстам. Это свиде-

тельствует о переходе от унифицированной модели подготовки к гибкой, полисубъектной системе, где каждый вуз формирует уникальный образовательный продукт, оставаясь в рамках единого нормативного поля [1, 203].

Таблица 1

Сравнительный анализ профилей подготовки и акцентов в формировании профессиональных компетенций

Критерий анализа	КнАГУ	ДВФУ	B&D
Образовательный профиль	Научно-исследовательский и градостроительный. Системный подход к проектированию среды	Инженерно-технологический и проектный. Баланс художественного и технического	Практико-ориентированный и коммерческий. Дизайн интерьеров и коммерческих пространств
Ключевой акцент в ПК	Способность к комплексному предпроектному анализу, градостроительное мышление, разработка концепций	Разработка полного комплекса проектной документации, интеграция инженерных решений, авторский надзор	Визуализация и презентация проекта, управление проектом, работа с заказчиком, реализация дизайн-решений
Ядро знаний	Нормы территориального планирования, экология урбанизированных территорий, социология города, градостроительные регламенты	Строительные конструкции и материалы, инженерные системы зданий (ОВиВ, электроснабжение), технология работ	Современные отделочные материалы, история стилей в интерьере, основы менеджмента и маркетинга в дизайне
Преобладающие умения	Анализ градостроительной ситуации, работа с картографическим материалом, формирование градостроительных заданий	Выполнение конструктивных чертежей, расчёт технико-экономических показателей, составление спецификаций	Разработка колористических решений, составление смет, подготовка коммерческих предложений, ведение переговоров
Ключевые навыки	Навык системного исследования среды, моделирование градостроительных сценариев	Навык работы в BIM-среде, чтение и составление инженерных чертежей	Навык фотoreалистичной 3D-визуализации, создания презентационных макетов, ведения проекта
Тип выпускника	Архитектор-градостроитель, исследователь среды, специалист по разработке концепций	Архитектор-проектировщик, специалист по рабочей документации, главный архитектор проекта	Дизайнер интерьеров, руководитель дизайн-студии, арт-директор, декоратор

Главным предметом для обсуждения является выявленная значительная вариативность в содержательном наполнении идентичных компетенций. Как показал анализ, компетенция ПК-2 («Способность участвовать в разработке проектной документации») в разных вузах обеспечивается принципиально различными наборами знаний, умений и навыков. В КнАГУ она нацелена на градостроительную документацию, в ДВФУ – на конструкторско-техническую, а в B&D – на интерьерную и спецификационную. Это полностью согласуется с позицией И. А. Зимней, которая определяет компетенцию как «интегративное единство знаний, умений, навыков и опыта деятельности», содержание которого зависит от конкретных целей и условий образовательной системы [7, 12]. Данный факт имеет двоякое значение. С одной стороны, он положителен, т. к. позволяет готовить специалистов разного профиля для насыщения различных сегментов рынка труда – от градостроительного планирования до частного дизайна интерьеров. С другой стороны, это создаёт вы-

зов для унификации профессиональных требований и процедур независимой оценки качества подготовки выпускников.

Таблица 2

Зависимость содержания конкретной компетенции (ПК-2) от набора ЗУН в различных вузах

Компонент компетенции	КнАГУ	ДВФУ	B&D
Знания	Знание нормативов территориального планирования. Знание методов картографического анализа	Знание основ конструирования, свойств строительных материалов. Знание правил оформления рабочей документации по ГОСТ	Знание ассортимента и свойств современных отделочных материалов, мебели, оборудования. Знание основ ценообразования и сметного дела
Умения	Умение составлять схемы планировочной организации участка. Умение формировать градостроительные планы земельных участков	Умение разрабатывать чертежи конструктивных решений, архитектурно-строительные чертежи. Умение составлять спецификации изделий и материалов	Умение разрабатывать комплекты чертежей для подрядчиков. Умение подбирать и специфицировать материалы и оборудование
Навыки	Навык работы с геоинформационными системами. Навык подготовки схем в программах типа AutoCAD	Навык объёмного проектирования и получения чертежей в BIM-программах. Навык проверки проектных решений на соответствие техническим регламентам	Навык создания рабочих чертежей в AutoCAD. Навык составления таблиц и ведомостей (ведомость отделки помещений, ведомость дверных блоков)

Унаследованный от советской системы отраслевой принцип подготовки, описанный В. Л. Глазычевым как связь образования с конкретными типами проектных институтов [6, 112], трансформировался, но не исчез. КнАГУ, обладая компетенциями в области градостроительства и урбанистики, закономерно развивает в своих выпускниках компетенции системного анализа и стратегического мышления. ДВФУ, интегрируя инженерные и технические факультеты, делает ставку на формирование компетенций, связанных с технологической реализуемостью проектов. Частный B&D, действуя в логике рыночного спроса, целенаправленно формирует компетенции предпринимательского типа: управление проектом, коммуникация с заказчиком, коммерческая презентация. Это подтверждает тезис о том, что декларируемый компетентностный подход на практике не отменяет [2, 17], а переформатирует значение научно-педагогической школы, которая теперь определяет не столько набор читаемых дисциплин, сколько акценты в формировании ЗУН для конкретных ПК.

Анализ показал, что вузы адекватно реагируют на глобальный тренд цифровизации, включая в свои программы интенсивное обучение работе в CAD и BIM-средах. Однако здесь также наблюдается вариативность. Если в ДВФУ и B&D делается акцент на прикладное владение программными комплексами для решения конкретных проектных задач, то в КнАГУ цифровые инструменты интегрированы в исследовательский и аналитический блок, что соответствует более широкому пониманию цифровой трансформации в проектной деятельности [13, 135]. Кроме того, наблюдается повсеместное, но пока ещё фрагментарное включение в учебные планы элементов «зелёной» и социально ответственной архитектуры (устойчивое развитие, безбарьерная среда). Это отражает общемировую тенденцию, однако, как отмечено в работе [3, 26], зачастую эти знания носят декларативный характер и не всегда подкрепляются проектными заданиями [4, 223],

требующими их глубокой интеграции. Таким образом, можно констатировать, что реакция на технологические вызовы является более быстрой и эффективной, чем на социально-экологические.

Как показывают исследования, именно работодатели часто выступают катализатором изменения содержания компетенций [10, 293]. Для дальнейшего повышения качества подготовки представляется необходимым развитие более детализированных профессиональных стандартов, учитывающих специализацию внутри направления.

Проведённое исследование позволило провести комплексный анализ содержания профессиональных компетенций бакалавров по направлению подготовки «Дизайн архитектурной среды» на основе сравнительного изучения образовательных программ ведущих вузов. Результаты исследования демонстрируют, что единое ядро требований, заданное федеральным государственным образовательным стандартом, служит рамочным ориентиром, внутри которого каждое учебное заведение формирует уникальный профиль подготовки, обусловленный спецификой его научно-педагогической школы, ресурсной базы и регионального контекста.

Установлено, что содержание и акценты в формировании профессиональных компетенций варьируются от вуза к вузу. КнАГУ демонстрирует выраженный градостроительный и исследовательский уклон, формируя у выпускников компетенции системного анализа и стратегического планирования. ДВФУ, опираясь на инженерный компонент, делает акцент на интеграции художественного замысла с технологической реализуемостью проекта, готовя специалистов, способных к разработке комплексной проектной документации. Институт бизнеса и дизайна ориентирован на практико-ориентированную и коммерческую модель, формирование у студентов компетенции в области дизайна интерьеров, управления проектами и работы с заказчиком.

Ключевым выводом работы является подтверждение тезиса о прямой зависимости декларируемых компетенций от конкретного набора знаний, умений и навыков, закладываемых учебным планом. Одна и та же формулировка ПК наполняется различным содержанием через дисциплины, практики и оценочные средства, что в итоге готовит выпускников к решению различных задач в широком спектре профессиональной деятельности. Это подчёркивает интегративный характер компетенций как синтеза теоретической подготовки, практических навыков и личностных качеств.

Все анализируемые университеты реагируют на ключевые отраслевые тренды, такие как цифровая трансформация и устойчивое развитие, активно включая в учебные процессы освоение BIM-технологий, основ экодевелопмента и социальной ответственности. Однако глубина и форма интеграции этих тем также зависят от специализации вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева, Р. Р. Профессиональная компетентность будущего педагога профессионального обучения / Р. Р. Алиева, Ю. А. Пейзувова // Профессиональная подготовка специалистов в высших заведениях: проблемы и перспективы: сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2016. – С. 200-206.
2. Алипханова, Ф. Н. Структура и содержание общекультурной компетентности педагога профессионального обучения / Ф. Н. Алипханова, Р. Р. Алиева // Профессиональная подготовка специалистов в высших заведениях: проблемы и перспективы: сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2016. – С. 12-20.
3. Бурлакова, Н. В. Ключевые компетенции как новая парадигма результата образования / Н. В. Бурлакова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 3-2. – С. 25-27.
4. Булуева, Ш. И. Анализ содержания профессиональных компетенций специалистов в сфере экономики / Ш. И. Булуева, З. У. Завзанова, А. О. Джабраилова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 3 (76). – С. 222-223.
5. Гиннэ, С. В. О формировании профессиональных компетенций будущего бакалавра / С. В. Гиннэ // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 5 (47). – С. 84-86.
6. Глазычев, В. Л. Урбанистика / В. Л. Глазычев. – М.: Европа, 2008. – 219 с.

7. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Эксперимент и инновации в школе. – 2009. – № 2. – С. 7-14.
8. Краевский, В. В. Методология педагогики: новый этап: учеб. пособие для студ. вузов / В. В. Краевский, Е. В. Бережнова. – М.: Академия, 2008. – 400 с.
9. Крашенинников, А. В. Градостроительное развитие жилой застройки: исследование опыта западных стран / А. В. Крашенинников. – М.: Архитектура-С, 2005. – 112 с.
10. Наливайко, Т. Е. Искусственный интеллект в высшем образовании: анализ повышения мотивации студентов и эффективности усвоения профессиональных компетенций / Т. Е. Наливайко, В. В. Иванов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № VIII (80). – С. 74-77.
11. Синкина, Е. А. Формирование профессиональных компетенций бакалавров в рамках реализации сетевого взаимодействия: теория и практика: моногр. / Е. А. Синкина, О. В. Таракюк, А. М. Ханов. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2017. – 146 с.
12. Степаненко, Е. Е. Экология урбанизированных территорий: учеб. пособие / Е. Е. Степаненко, А. А. Коровин, С. В. Окрут. – Ставрополь: Ставропольский государственный аграрный университет (СтГАУ), 2022. – 44 с.
13. Ханов, А. М. Формирование профессиональных компетенций бакалавров технических вузов в условиях сетевого взаимодействия / А. М. Ханов, О. В. Таракюк, Е. А. Синкина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – С. 132-140.
14. Шимко, В. Т. Архитектурно-дизайнерское проектирование. Основы теории (средовой подход) / В. Т. Шимко. – М.: Архитектура-С, 2009. – 408 с.
15. Дальневосточный федеральный университет. Основная профессиональная образовательная программа высшего образования (ОПОП ВО) бакалавриата по направлению 07.03.03 «Дизайн архитектурной среды» // Дальневосточный федеральный университет, сайт. – URL: <https://www.dvfu.ru/admission/program-bs/b/07-03-03-dizayn-arkhitekturnoy-sredy.php> (дата обращения: 30.08.2025). – Текст: электронный.
16. Институт бизнеса и дизайна. Образовательная программа «Дизайн среды» (бакалавриат) // Институт бизнеса и дизайна, сайт. – URL: <https://obe.ru/programs/arkhitekturnaya-sreda/> (дата обращения: 30.08.2025). – Текст: электронный.
17. Комсомольский-на-Амуре государственный университет. Основная образовательная программа 07.03.03 «Дизайн архитектурной среды» // Комсомольский-на-Амуре государственный университет, сайт. – URL: <https://knastu.ru/sveden/education/07.04.03> (дата обращения: 30.08.2025). – Текст: электронный.
18. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 07.03.03 Дизайн архитектурной среды: утв. Приказом Минобрнауки России от 12.08.2020 № 970 // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360210/ (дата обращения: 30.08.2025). – Текст: электронный.

Трубич О. А.
O. A. Trubich

**АНТРОПОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА
(1899 – 1909 гг.): ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

THE ANTHROPOLOGY OF STUDENTS' DAYLYLIVES OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES (1899-1909): HISTORICAL ASPECT

Трубич Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Департамента образовательных технологий в русской и зарубежной филологии Дальневосточного государственного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: trubich@mail.ru.

Olga A. Trubich – PhD in History, Senior Lecturer, Department of Educational Technologies in Russian and Foreign Philology, Far Eastern State Federal University (Russia, Vladivostok). E-mail: trubich@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается повседневная жизнь студенчества в контексте становления и развития первого вуза на Дальнем Востоке России. В фокусе внимания находятся проблемы обеспечения материальных нужд и потребностей учащихся Восточного института. Отмечается, что изучение повседневности даёт возможность раскрыть и проанализировать работу управлеченческих структур, которые с учётом положения в административной иерархии принимали те или иные меры, направленные на улучшение жизни и быта студенчества. Используя широкий спектр архивных источников, автор последовательно раскрывает важность усилий руководства Восточного института в деле обеспечения студентов всем необходимым для проживания и обучения (форменная одежда, обувь, организация режима питания, особенности закупки продуктов для институтской кухни и др.). Особо указывается на нехватку финансов. Подводя итоги, автор подчёркивает, что территориальная удалённость, нехватка денежных средств, зависимость от благотворителей во многом определяли условия повседневной жизни учащихся.

Summary. The article examines the daily life of students in the context of the formation and development of the first higher education institution in the Russian Far East. The problems of providing material needs of the students of the Oriental Institute are in the focus of attention. It is noted that studying of everyday life makes it possible to uncover and analyze the work of management structures that, taking into account their position in the administrative hierarchy, took various measures aimed at improving the life and well-being of students. Using a wide range of archival sources, the author consistently reveals the importance of the efforts of the leadership of the Oriental Institute in providing students with everything necessary for living and studying (uniforms, shoes, organization of the diet, the specifics of purchasing food for the institute's kitchen, etc.). Summing up, the author emphasizes that the territorial remoteness, lack of funds, and dependence on benefactors largely determined the conditions of students' daily lives.

Ключевые слова: Восточный институт во Владивостоке, история повседневности студенчества, режим, казённокоштные студенты, своекоштные студенты, пищевой рацион, форменная одежда.

Key words: the Oriental Institute in Vladivostok, the history of students' daily lives, students' daily routine, state-funded students, self-costing students, food intake, uniforms.

УДК 93/94

История Восточного института неоднократно становилась объектом научных исследований. Особый интерес авторы проявляли к вопросам становления и развития Восточного института как первого высшего учебного заведения на территории дальневосточной окраины Российской империи, раскрывая особенности подготовки востоковедов-переводчиков. Отдельные научные работы посвящались деятельности ведущих учёных, профессоров-востоковедов, которые внесли значимый вклад в формирование лингвострановедческого образования Дальневосточного региона [1; 2; 14; 15; 16; 17]. Тем не менее в отечественной историографии новейшего периода отсутствует

специальное исследование, раскрывающее антропологию повседневности дальневосточного вуза в указанный период.

Перемены на рубеже XIX – XX вв., происходившие в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), способствовали усилению внимания властей Российской империи к дальневосточной окраине. Одновременно торгово-экономические успехи, развивавшиеся добрососедские отношения с сопредельными государствами АТР оказались в зависимости от наличия специалистов, владевших китайским, корейским и японским языками. К решению этой проблемы правительство предполагало активно привлекать выпускников монголо-маньчжурского отделения факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, но в 1895 г. диплом высшего востоковедческого образования столичного вуза получили 3 выпускника, в 1898 г. – 8 (см. прим. 1, л. 142). Столь незначительное количество молодых специалистов не могло ликвидировать нехватку переводчиков в государственных и частных учреждениях, военной сфере центральных губерний. Особенно это касалось приграничных районов империи, включая и Дальний Восток, поэтому к решению задач, связанных с открытием в регионе первого высшего лингвострановедческого учебного заведения и подготовкой востоковедов-переводчиков, российское правительство приступило решительно и динамично. В апреле 1899 г. в Государственном Совете прошло обсуждение этого вопроса, а уже 24 мая 1899 г. Николай II утвердил Положение и штаты Восточного института, наложив резолюцию «Быть по сему» [5, 15]. Общественность города горячо встретила открытие учебного заведения, состоявшееся 21 октября 1899 г., что нашло отражение в местной прессе: «Да будет Восточный институт нашей национальной гордостью! Да будет он нашей славой до отдалённейших пределов восточно-азиатского мира и живым свидетельством ему той действительно великодушной культурной миссии, какую взял на себя русский народ в Азии» [13].

Дальневосточный вуз не являлся университетом, и его функционирование регламентировало «Положение о Восточном институте» (1899 г.), а также собственные нормативно-правовые акты, в частности, «Инструкция в дополнение к “Положению о Восточном институте в г. Владивостоке”» (1900 г.), разработанная Конференцией вуза (орган управления институтом, в который входили ординарные и заслуженные профессора во главе с директором – *от авт.*) и утверждённая министром народного просвещения. Характер организации учебного процесса в Восточном институте был подчинён цели вуза – готовить лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточно-азиатской России и прилегающих к ней государств. В новом вузе образование получали будущие переводчики, чиновники государственных органов власти и народного просвещения, офицеры, дипломаты, предприниматели. Как правило, 4 года все студенты изучали китайский язык. Со второго курса начиналась специализация, и они выбирали один иностранный язык (японский, корейский, монгольский, маньчжурский) тех стран, в которых у России были наиболее существенные политические и экономические интересы. Следует отметить уникальность учебно-академической деятельности вуза. Она формировалась на базе тесного взаимодействия науки и практики. Центральным объектом лингвострановедческого образования выступали не только иностранные языки сопредельных с Россией азиатских государств, но и знания об их географических, этнических, культурно-бытовых, религиозных особенностях, политическом устройстве, торгово-промышленной деятельности.

Для руководства института особое значение имели вопросы, связанные с организацией жилищных условий, питания, досуга студентов, а также контроль за соблюдением ими этикета поведения, формированием сознательности, гражданской позиции и мировоззрения. В этой связи для всех студентов без исключения Положение и Инструкция устанавливали систему норм и запретов, ориентированную на воспитание чувства ответственности учащихся перед вузом, обществом, государством, на понимание таких понятий, как честь и достоинство. Руководство вуза неоднократно подчёркивало, что «... студенты Восточного института, предназначая себя к высокому служению в русских административных и торгово-промышленных учреждениях – служению, особенно ответственному перед отечеством в силу своего международного характера, должны, прежде всего, воспитать самих себя так, чтобы впоследствии высоко держать на Востоке русское знамя и блюсти интересы своего отечества» [5, 26].

Большую роль в повседневности студентов играло соблюдение христианских обязанностей: исповедование, причащение, обязательное посещение церковных служб в воскресные и праздничные дни, чтение молитвы дежурным по классу перед началом первой и по окончании последней лекции. В институте существовал строгий регламент поведения учащихся. Они должны были вежливо общаться между собой и с посторонними, а также достойно выглядеть. При встрече с генерал-губернатором, командиром порта и Владивостокской крепости, епископом, директором института, профессорами и преподавателями студенты отдавали честь, прикладывая руку к козырьку фуражки. Курение разрешалось только в специально отведённых местах. Запрещались студенческие собрания, публичные выступления, сбор денег, а также хранение оружия, пороха, алкоголя и игральных карт. В период обучения в институте существовали ограничения на вступление в брак для студентов. В свою очередь, если поступающий уже был женат, то для продолжения обучения требовалось доказать свою материально-финансовую обеспеченность, получив ходатайство от директора института и разрешение министра народного просвещения. Ориентируя студентов исключительно на учебный процесс, подобными мерами руководство вуза стремилось исключить любые формы поддержки женатых студентов из своего бюджета. Кроме того, в число студентов-стипендиатов или своекоштных пансионеров женатые люди также не принимались (см. прим. 3, л. 14).

При институте находилось общежитие, в котором проживали 30 чел. казенных стипендиатов, т. е. студентов, обучавшихся и полностью содержавшихся за счёт государственных средств, или на «казённый кошт», а также своекоштные пансионеры или студенты, находившиеся на собственном содержании. Строгая регламентация повседневности студентов Восточного института распространялась и на жизнь в общежитии. Проживавшие в нём казённые стипендиаты и своекоштные пансионеры строго придерживались установленного времени для молитв, занятий, питания и др. (см. табл. 1) [5, 136]. Их день начинался в 7:00, после утренней молитвы молодые люди получали чай с булкой. Подобные перекусы предусматривались в 11:00 (чай, хлеб с солью) и в 18:30. Занятия длительностью по 50 минут, как правило, начинались в 9:00 и продолжались до 14:00. После первой лекции предполагался 10-минутный перерыв, а после второй – перерыв в 15 минут. В 14:30 был обед. В 16:30 начинались вечерние занятия с носителями иностранных языков (китайский, монгольский, корейский, английский). По субботам и в предпраздничные дни вечерние занятия начинались и заканчивались на час раньше (с 15:00 до 17:00), т. к. студенты православного исповедования в обязательном порядке присутствовали на церковной службе. Ужин начинался в 21:00, после чего студенты готовились к занятиям, выполняли домашнее задание [6, 135]. Полный распорядок дня представлен в табл. 1.

Таблица 1
Распорядок дня студентов Восточного института

Время	Форма занятий
7:00	Подъём
7:30	Утренняя молитва. Завтрак (чай с булкой)
9:00 – 9:50	Лекция
10:00 – 10:50	Лекция
Перерыв 15 минут	Полдник (чай с булкой)
11:05 – 14:00	Занятия по расписанию
14:30	Обед
16:30 – 18:30	Практические занятия с лекторами
18:30	Вечерний полдник (чай)
19:00 – 21:30	Подготовка к занятиям, выполнение домашнего задания
21:30	Ужин. Вечерняя молитва
23:00	Сон

Ответственность студентов выражалась в обязательном посещении занятий, соблюдении графика учебного процесса, дисциплины и др. В случаях нарушения любых установленных предписаний применялись меры взыскания. Вышеуказанная Инструкция регламентировала такие виды дисциплинарных взысканий, как выговор инспектора, выговор инспектора с внесением в кондуктную книгу, выговор директора и арест в карцер от 24 часов до 5 дней, выговор директора и арест от 1 до 4 недель с предупреждением об отчислении в случае нового проступка. Проступки студентов рассматривали инспектор, директор, Конференция или Правление. Для отчисления из вуза предусматривались веские основания, например уголовное преступление. После исключения виновный студент передавался в «ведение подлежащей судебной власти» [5, 136]. Кроме того, студентов могли отчислить по собственному желанию (в том числе в связи с переводом в другое учебное заведение), по инициативе вуза или из-за непредвиденных обстоятельств. Контроль соблюдения дисциплинарных правил осуществлял инспектор, который назначался из профессорско-преподавательского состава. Инспектор контролировал посещаемость занятий, досуг студентов. При выезде из города на каникулы студенты получали от инспектора увольнительные билеты, предъявив свидетельства на жительство и удостоверение об отсутствии задолженности книг в библиотеке. Самовольное отлучение учащихся становилось причиной отчисления [6, 34].

Одним из важных элементов повседневности Восточного института являлась форменная одежда студентов. С одной стороны, это было частью культуры института и дисциплины, с другой стороны, форма служила для идентификации студента и поддержания порядка. Вообще в конце XIX – начала XX вв. образ российского студента воплощался в единообразном «мундирном платье», которое было законодательно предписано для «обязательного ношения» учащимся государственного высшего учебного заведения [4, 39]. Общепринятым считалось мнение, что форменная одежда воспитывала в молодых людях чувство принадлежности к студенческой корпорации, придавала понятие о чести учебного заведения, служила инструментом контроля поведения воспитанников [12, 10]. При одинаковом для всех покроे отличия сводились к цвету сукна, из которого была сшита униформа, размеру её воротников, выпушек и кантов, а также различной символике на пуговицах, петлицах, кокардах, прикреплённых к головным уборам.

На основании Высочайшего повеления «Об установлении форменной одежды для студентов Восточного института» от 12 августа 1899 г. учащиеся стали носить форму установленного образца (см. прим. 1, л. 142). В комплект входили следующие элементы одежды:

- фуражка с козырьком тёмно-зелёного сукна с околышем (часть головного убора, непосредственно облегающая голову) тёмно-синего цвета, по верху фуражки располагалась суконная жёлтая выпушка;

- мундир из тёмно-зелёного сукна, однобортный, застёгивающийся на девять металлических пуговиц с изображением заглавных букв «В. И» (Восточный институт – *от авт.*); воротник с откошенными концами и обшлага из тёмно-зелёного сукна с двумя петлицами из золотистого галуна – тесьмы для одежды, обычно с золотом или серебром – на воротнике и обшлагах и двумя пуговицами на каждом рукаве. По верхнему краю воротника располагалась выпушка из жёлтого сукна;

- шпага – символ личного достоинства. Студентам института разрешалось носить её без темляка (специальная плетёная петля, шнур или кисть – *от авт.*) и портупеи в разрезе, который находился на левой стороне мундира;

- сюртук тёмно-зелёный, двубортный, застёгивающийся на шесть пуговиц того же образца, с тёмно-синим воротником с откошенными концами. По верхнему краю воротника располагалась выпушка из жёлтого сукна. На лицевой стороне имелся разрез для шпаги;

- полупальто из тёмно-зелёного сукна, двубортное, застёгивающееся на шесть пуговиц установленного образца, с наглухо застёгивающимся отложным воротником того же цвета. На воротнике помещалась тёмно-синяя суконная петлица с жёлтой металлической пуговицей и выпушкой из жёлтого сукна;

- шаровары полагались тёмно-зелёные, длинные, одевались поверх сапог без канта;

- пальто, как и полупальто, было сшито из тёмно-зелёного сукна с отложным того же сукна воротником и с лацканами. На воротнике помещалась тёмно-синяя суконная петлица с жёлтой металлической пуговицей и с выпушкой из жёлтого сукна;

- шинель студенты имели право носить из тёмно-серого сукна офицерского образца; в зимнее время шинель и форменное пальто могли быть с меховым воротником. Башлык (суконный капюшон с двумя длинными концами, надеваемый поверх шапки, его концы можно обматывать вокруг шеи, как шарф) устанавливается общего образца верблюжьего цвета;

- двубортная тужурка из чёрного сукна с отложным и наглухо застёгивающимся воротником (на нём помещалась тёмно-синяя суконная петлица с жёлтой металлической пуговицей и с выпушкой из жёлтого сукна).

Обязательным атрибутом были галстук чёрного цвета, замшевые белые перчатки [5, 94].

Приобретать форму студенты должны были самостоятельно за свой счёт. Данный факт указывает на отсутствие централизованного обеспечения студентов. Это вызывало определённые финансовые сложности, поскольку стоимость была для учащихся непомерно высокой. Так, по преискуранту цен китайских портных за 1900 г., стоимость набора форменной одежды составляла 101 р. 35 коп.: драповое пальто на ластиковой подкладке – 29 р.; сюртучная пара из сукна – 29 р. 60 коп.; тужурка (пара) из сукна – 28 р. 75 коп.; брюки кастроровые – 7 р.; жилет форменный, суконный – 4 р.; фуражка – 3 р. Необходимо отметить, что ткань, которая была, как правило, привезённой, не отличалась качеством, поэтому одежда быстро выходила из обихода [6, 97]. В последующие годы стоимость пошива одежды увеличивалась. В частности, по счёту китайского портного Сань-ти от 18 января 1902 г., цена комплекта достигла уже 187 р. 09 коп.: пальто – 58 р., две сюртучных пары – 67 р. 50 коп., три тужурочных тройки – 61 р. 59 коп. (см. прим. 9, л. 19-22).

Нередко именно финансовые трудности становились причиной ухода студентов из вуза или перевода. Например, в январе 1901 г. по личному ходатайству студента 1-го курса Баранова Фёдора перевели в разряд вольнослушателей института, поскольку «в виду значительности расходов, сопряжённых заведением установленной институтской формы» он не имел необходимых денежных средств для её приобретения, а вольнослушатели имели право приходить на занятия в гражданской одежде. В силу обстоятельств Конференция удовлетворила просьбу этого студента [7, 207].

Понимание материальных проблем ещё до открытия Восточного института заставило руководство вуза заблаговременно искать пути взаимодействия с магазинами, торговыми лавками, мастерскими. В частности, Правление института заключило договор с местным торговым домом «Чурин и К°», который по приемлемым ценам из Одессы выписывал сукно, кастрор (плотную ворсованную шерстяную ткань с коротким слаженным ворсом), драп необходимого цвета и качества. Уже в ноябре 1899 г. был приобретён необходимый материал на костюмы студентов интерната на сумму 241 р. 11 коп. (см. прим. 8, л. 15). Кроме того, имелись и другие возможности облегчить покупку формы. Так, при массовом заказе студентам предоставлялась скидка 15 %, в этом случае стоимость полного обмундирования составляла 82 р. (см. прим. 8, л. 18). Счета показывают, что также покупки приобретались в торговом доме «Кунст и Альберс» и у отдельных торговцев. Например, у предпринимателя Пономарева в 1901 г. было куплено 19 шт. башлыков на сумму 18 р. 05 коп., пара ботинок за 7 р., 37 аршин чёрного сукна по 3 р. 25 коп. С учётом скидок общая сумма составила 114 р. 88 коп. (см. прим. 8, л. 18).

Следует подчеркнуть, что существовали финансовые механизмы, направленные на оказание помощи для приобретения форменной одежды. Денежные средства состояли из штатных сумм, отпущенных из государственного казначейства на содержание института; из дополнительных ассигнований от государственного казначейства и специальных средств института (см. табл. 2). Сумма в 15 тыс. р. оставалась неизменной вплоть до 1909 г. [5, 123; 8, 82].

Таблица 2

Распределение финансовых средств для приобретения форменной одежды в Восточном институте

Год	Сумма	Количество студентов
1899	7 тыс. р., из них: - на приобретение сукна – 422 р. 46 коп.; - на приобретение фуражек – 22 р. 50 коп.; - на пошив одежды – 330 р.	30 студентов-стипендиатов
1900	15 тыс. р., из них: - на приобретение фуражек – 42 р.; - на пошив одежды – 316 р. 50 коп.	30 студентов-стипендиатов
	Общая сумма на пошив формы – 510 р., из них: - 180 р. из специальных средств института; - на покупку сукна – 26 р. 34 коп.; - на покупку пальто для студентов – 234 р. 40 коп.	7 своекоштных пансионеров
1901	15 тыс. р., из них: - на приобретение сукна – 687 р. 84 коп.; - на изготовление 18 фуражек – 54 р.; - на изготовление шести сюртучных пар и 18 тужурочных троек из купленного сукна – 414 р. 50 коп.; - на приобретение фуражек – 42 р.; - на приобретение 8 пальто и 3 кительных пар – 265 р. 90 коп.; - на покупку 19 шт. щиблетов, башлыков – 24 р. 70 коп.	30 студентов-стипендиатов
1902	15 тыс. р., из них: - на пошив одежды и изготовление обуви – 137 р. 90 коп.; - на приобретение форменных пуговиц – 199 р. 67 коп.; - на покупку сукна и драпа для студенческой одежды – 764 р. 71 коп.; - оплата 5 пальто, 10 сюртучных пар, 16 тужурочных троек, изготовленных из купленного материала – 549 р. 50 коп.; - на приобретение 18 фуражек – 54 р.; - на покупку 37 пар щиблет – 227 р. 68 коп.	30 студентов-стипендиатов
1903	15 тыс. р., из них: - на пошив одежды и изготовление обуви – 393 р.; - оплата за пошив 1 пальто и 5 тужурочных троек – 136 р.	30 студентов-стипендиатов
1904	15 тыс. р., из них: - на пошив одежды и изготовление обуви – 707 р. 50 коп.	30 студентов-стипендиатов

Ещё одним источником финансовой помощи являлось Общество вспомоществования недостаточным студентам, созданное почти одновременно с открытием Восточного института по инициативе директора вуза А. М. Позднеева и при поддержке военного губернатора Приморской области Н. М. Чичагова (см. прим. 6, л. 2-3). На первом учредительном собрании 18 мая 1900 г. А. М. Позднеев подчеркнул, что целью Общества является материальная помощь нуждающимся студентам Восточного института (см. прим. 2, л. 44). Условия проживания и получения высшего образования на Дальнем Востоке, по сути, приравнивали всех студентов к категории «недостаточных», т. е. нуждавшихся в денежных дотациях, но в реальной повседневности помощь оказывалась в особых случаях. Так, в 1900 г. при содействии члена общества М. Г. Шевелева студенту с тяжёлым материальным положением был куплен отрез сукна на тужурочную тройку, 13 р. уплачено портному за её шитье и 4 р. 50 коп.– за фуражку. В октябре того же года управляющий Амурской казённой палаты отправил 100 р., собранные представителями подведомственного

учреждения. По распоряжению Конференции от 11 ноября 1900 г. на эти деньги была приобретена форменная одежда для наиболее малоимущих студентов, проживавших в общежитии. На сумму 113 р. 50 коп. для студентов вуза были сшиты 3 пальто и тужурочная тройка. Финансовый расход покрыли пожертвования С. Л. Энштейна, казначея общества, который из личных средств заплатил 10 р., и Е. Г. Спальвина, зав. общежитием – 3 р. 50 коп. С 21 августа по 31 декабря 1900 г. за счёт средств Общества удалось оплатить пошив одной тужурочной тройки (39 р. 50 коп.), трёх пальто (87 р.), купить форменную фуражку (4 р. 50 коп.) [6, 179].

Повседневная жизнь студента Восточного института невозможна была без организации питания. Если в центральной части России норма среднего студенческого бюджета составляла 25 р. в месяц [3, 3], то во Владивостоке учащемуся необходимо было потратить 20 р. только на обед, на покупку булки утром и вечером. Дополнительно требовались деньги на оплату проживания, чай, сахар, бельё и др. В результате сумма на содержание дальневосточного студента достигала не менее 45 р. (см. прим. 5, л. 2). Денежные средства для обеспечения студентов продовольствием выделялись из вышеуказанных финансовых источников (см. табл. 3) [6, 128; 8, 83; 9, LXVIII; 10, LXXV; 11, 14].

Таблица 3

Денежные средства, выделяемые на закупку продовольствия для студентов Восточного института

Год	Сумма	Количество студентов
1899 – 1900	1594 р. 72 коп.	30 студентов-стипендиатов
1901	2012 р. 76 коп.	
1902	2228 р. 33 коп.	
1903	2413 р. 71 коп.	
1904	2027 р. 09 коп.	

Столовая Восточного института получала средства на содержание из оплаты посетителей, взносов за «недостаточных» студентов от Общества вспомоществования, пожертвований частных лиц, общественных и правительственные учреждений, сборов с публичных лекций, спектаклей, концертов, устраиваемых правлением столовой. Обеспечение рационального питания возлагалось на администрацию вуза. Подряды на закупку и поставку продуктов заключались как с русскими, так и с китайскими торговцами, но они не всегда соблюдали установленные сроки и даже срывали их (см. прим. 4, л. 55). В частности, по сообщению эконома, 4 ноября 1899 г. торговец И. Ф. Соловей отказался от поставки провианта. В срочном порядке Правление приняло решение пригласить к сотрудничеству подрядчика – китайца Тунь-Чань-Хин, поскольку «...цены у него были умеренные и предоставили ему поставку провианта на один месяц в виде опыта без заключения контракта» (см. прим. 4, л. 10).

Правление института рассчитывало нормативы питания, исходя из которых составлялось меню. Его передавали经济人, а затем оно утверждалось директором (см. табл. 4) (см. прим. 7, л. 69). Пища разделялась на две категории: ежедневная и праздничная. Обеденное меню состояло из трёх блюд. В качестве первого преобладали супы (с манной крупой и картофелем, с фрикадельками, с клёцками, со свежей капустой и др.) а также щи, реже встречались борщ, рассольник. На второе чаще готовили мясные блюда: котлеты, тушеное и жареное мясо, бифштекс, а также битки с картофелем, зразы. На гарнир подавали картофель, макароны, гречку, зелёный горошек. Трапезу завершали хлебобулочные изделия: пирожки, блины, ватрушки с вареньем, пудинги из манной крупы и вермишели. В меню предусматривались фрукты (яблоки, груши, ананасы и др.). В качестве напитков превалировали чай, компот, кисель. Ужин состоял из одного блюда с гарниром: котлеты мясные и рыбные, жареная печень в сметане, макароны или гречневая каша с маслом, пирог или рулет, молоко с белым хлебом и др. Таким образом, рацион включал мясо, рыбу, крупы, овощи, фрукты, «стол студентов, благодаря изобилию припасов и искусству поваров-китайцев, представлялся питательным, вкусным и разнообразным» [6, 135].

Меню для студентов Восточного института

Числа месяца	Меню	
	Обед	Ужин
1	2	3
1	1. Борщ со сметаной. 2. Бифштекс с картофелем и огурцами. 3. Пирожки с вареньем	Жареная печёнка в сметане
2	1. Щи ленивые. 2. Котлеты с макаронами. 3. Ананас	Жареная рыба
3	1. Суп-рассольник. 2. Жареная дичь (например, фазаны). 3. Песочный торт с вареньем	Котлеты с картофельным пюре
4	1. Суп с манной крупой и картофелем. 2. Рулет с картофельным пюре. 3. Компот	Пирог с рисом
5	1. Щи свежие (кислые). 2. Котлеты с огурцами. 3. Блины с вареньем	Макароны с маслом
6	1. Суп с фрикадельками. 2. Свиные котлеты. 3. Кисель клюквенный	Котлеты с зелёным горошком
7	1. Суп-пельмени. 2. Битки с картофелем. 3. Желе лимонное	Картофель с маслом
8	1. Суп со свежими кореньями. 2. Голубцы с соусом. 3. Пирожки с вареньем	Жареная калужина
9	1. Суп с клёцками. 2. Зразы с кашей. 3. Ватрушки с вареньем	Жареная печенька в сметане
10	1. Рассольник. 2. Котлеты с зелёным горошком. 3. Пирог.	Макароны с маслом
11	1. Суп со свежей капустой. 2. Тушено мясо с картофелем. 3. Груши.	Котлеты с репным пюре
12	1. Суп с помидорами. 2. Битки с картофелем. 3. Анаанасы	Рулет
13	1. Суп-лапша. 2. Отбивные котлеты. 3. Компот.	Гречневая каша с маслом
14	1. Щи ленивые. 2. Котлеты с макаронами. 3. Кисель брусничный	Рыба (разварная)
15	1. Борщ со сметаной. 2. Битки с картофелем и огурцами. 3. Компот	Котлеты с зелёным горошком
16	1. Суп со свежей капустой. 2. Тушено мясо с картофелем. 3. Груши.	Рыбные котлеты
17	1. Суп с клёцками. 2. Котлеты с шинкованной капустой. 3. Ананас	Картофель с маслом
18	1. Суп с рисом и картофелем. 2. Битки с картофелем и огурцами. 3. Блинчики с вареньем	Макароны с маслом
19	1. Щи свежие (кислые). 2. Зразы с гречневой каши. 3. Фрукты	Жареная рыба
20	1. Суп с фрикадельками. 2. Свиные котлеты. 3. Компот	Котлеты с зелёным горошком
21	1. Суп лапша. 2. Котлеты с картофелем. 3. Пудинг из манной крупы	Жареная печёнка в сметане
22	1. Борщ со сметаной. 2. Голубцы. 3. Блинчики с вареньем	Котлеты с картофельным пюре
23	1. Суп с перловой крупой и картофелем. 2. Тушёное мясо с картофелем. 3. Крем молочный.	Зразы

Продолжение табл. 4

1	2	3
24	1. Щи свежие (кислые). 2. Бифштекс с картофелем и огурцами. 3. Фрукты	Котлеты с зелёным горошком
25	1. Суп с вермишелью. 2. Отбивные свиные котлеты. 3. Клюквенный кисель.	Молоко с белым хлебом
26	1. Суп-лапша. 2. Жареная дичь. 3. Ананас	Голубцы
27	1. Суп с клецками. 2. Котлеты с картофелем. 3. Пирожки с вареньем	Картофель с маслом
28	1. Щи со свежей (кислой) капустой. 2. Мясо жареное в куске. 3. Пудинг из вермишели	Пироги с мясом
29	1. Суп с помидорами. 2. Бифштекс с картофелем и огурцами. 3. Пирог	Котлеты с картофельным пюре
30	1. Суп лапша. 2. Свиные котлеты. 3. Яблоки консервированные.	Рыбные котлеты
31	1. Щи свежие. 2. Тушеное мясо с картофелем. 3. Блинчики с вареньем.	Гречневая каша с маслом

Представленное меню действовало еженедельно. Исключения составляли, например, воскресенья, когда первое блюдо заменялось бульоном и пирожками, голубцы – рулетом. В первую и седьмую неделю великого поста, сочельники Рождества Христова и Крещения, в день Воздвижения Честного Креста предписывался постный стол. В первые дни Нового года, Крещения Господня, Святой Пасхи, Рождества Христова обед состоял из супа, ветчины с горошком, телятины, кофе со сливками и пирожным. В пятницу и субботу на масляной неделе в 11:00 вместо завтрака подавали блины со сметаной. Члены Общества вспомоществования «недостаточным» студентам оказывали посильную помощь и в вопросах питания. Так, госпожа М. И. Виттенбург и купец 1-й гильдии Ю. И. Бринер, проявляя заботу о студентах, неоднократно доставляли в общежитие различные продукты, вносявшие разнообразие в студенческий стол, например, рыбу, яблоки, апельсины [6, 181].

Таким образом, на основе историко-антропологического подхода проблема повседневности дальневосточного вуза на рубеже XIX – XX вв. занимает особое место, последовательно раскрывает детали организации учебного процесса, устройства быта и досуга студентов Восточного института. ТERRITORIALНАЯ УДАЛЁННОСТЬ, НЕХВАТКА ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ЗАВИСИМОСТЬ ОТ БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ во многом определяли условиях повседневной жизни учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дыбовский, А. С. Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) и практическое востоковедение России / А. С. Дыбовский // Историческая и социальная мысль. – 2018. – Т. 10. – № 4/2. – С. 83-105.
2. Еланцева, О. П. «Совершенно новое учреждение и неизведенное дело»: к истории становления Восточного института во Владивостоке / О. П. Еланцева // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 2 (30). – С. 132-141.
3. Иванов, П. И. Студенты в Москве. Быт. Нравы / П. И. Иванов. – М.: [б. и.], 1903. – 296 с.
4. Иванов, А. Е. Как одевались русские студенты. Форменное платье студентов высшей школы Российской империи 80-х годов XIX – начала XX века / А. Е. Иванов // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2007. – № 5. – С. 39-61.
5. Известия Восточного института. – 1900. – Т. I. – 156 с.
6. Известия Восточного института. – 1900. – Т. II, вып. 2. – 318 с.
7. Известия Восточного Института. – 1900. – Т. II, вып. 3. – 486 с.
8. Известия Восточного Института. – Т. III, вып. 3. – 632 с.
9. Известия Восточного Института. – 1903. – Т. V. – 365 с.
10. Известия Восточного Института. – 1904. – Т. XI. – 469 с.
11. Известия Восточного Института. – Т. XIV, прил. 2. – 38 с.

12. Кулакова, И. П. Мундир российского студента (по материалам XVIII века) / И. П. Кулакова // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. – 2008. – № 9. – С. 9-24.
13. Открытие Восточного института // Владивосток. – 1899. – 24 октября. – С. 3.
14. Полянская, О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков / О. Н. Полянская // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Сер.: Профессиональное образование, теория и методика обучения. – 2016. – Т. 11. – № 6. – С. 143-148.
15. Трубич, О. А. Организация высшего востоковедческого образования на Дальнем Востоке России (1897-1899) / О. А. Трубич // Дальний Восток в зеркале этнополитики: материалы Всерос. науч. конф. – Хабаровск: ДВГУПС, 2019. – С. 228-234.
16. Трубич, О. А. Государственная необходимость распространения высшего востоковедческого образования на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) / О. А. Трубич // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко: материалы региональной заочной научной практической конференции. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 256-296.
17. Трубич, О. А. Профессор А. М. Позднеев – организатор и управлениец системы высшего и гимназического образования на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX века) / О. А. Трубич // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № II (74). – С. 73-82.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 560. Оп. 28. Д. 813. Л. 142.
2. РГИА. Ф. 565. Оп. 8. Д. 28. Л. 44.
3. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. 226. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.
4. РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 13. Л. 10; Л. 55.
5. РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.
6. РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 81. Л. 2-3.
7. РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 2. Д. 18. Л. 69.
8. РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 8. Д. 13. Л. 15; Л. 58.
9. РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 8. Д. 57. Л. 18; Л. 19-22.

**Ярославцева Т. А., Ярославцев А. В.
T. A. Yaroslavtseva, A. V. Yaroslavtsev**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КВАРТИРНЫЙ НАЛОГ. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ ЖИЛИЩНЫХ ОТНОШЕНИЙ

THE STATE APARTMENT TAX. HISTORICAL ASPECT OF THE CULTURE OF HOUSING RELATIONS

Ярославцева Татьяна Александровна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России им. И. Ф. Шилова (Россия, Хабаровск). E-mail: mu322@mail.ru.

Tatiana A. Yaroslavtseva – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines, I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk, Russia). E-mail: mu322@mail.ru.

Ярославцев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, документоведения и архивоведения Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск). E-mail: yaroslavtsev86a@gmail.com.

Alexander V. Yaroslavtsev – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Library and Information Activities, Documentation and Archival Science, Khabarovsk State Institute of Culture (Khabarovsk, Russia). E-mail: yaroslavtsev86a@gmail.com.

Аннотация. В кремлёвской квартире В. В. Путина на почётном месте размещён портрет Александра III, императора, реформатора, при котором страна развивалась ускоренными темпами. К эффективным методам административно-экономического управления относилось налогообложение. Изучение эффективного механизма налогообложения в жилищной сфере в Российской империи востребовано в современных условиях. Введение государственного квартирного налога в период правления Александра III способствовало не только наведению порядка в жилищной сфере, но и формированию общественно-экономической стабильности государства. Отсюда интерес к истории государственного квартирного налога вызывается не экономической значимостью и даже не идеей обложения, а разработанностью механизма внедрения и культуры жилищных отношений. В работе рассматривается опыт Российской империи, который может быть применён в современной России.

Summary. In the Kremlin apartment of V. V. Putin, a portrait of Alexander III, an emperor and reformer, under whom the country developed at an accelerated pace, is put in a place of honor. Taxation was one of the effective methods of administrative and economic management. The study of an effective mechanism of taxation in the housing sector in the Russian Empire is in demand in modern conditions. The introduction of the state apartment tax during the reign of Alexander III contributed not only to the establishment of order in the housing sector, but also to the formation of the socio-economic stability of the state. Hence, interest in the history of the state apartment tax is caused not by economic significance, and not even by the idea of taxation, but by the development of the mechanism of implementation and the culture of housing relations. The work examines the experience of the Russian Empire, which can be applied in modern Russia.

Ключевые слова: квартирный налог, податная оценка квартиры, наём жилого помещения, квартирная плата, Губернское по квартирному налогу присутствие, Областное по квартирному налогу присутствие, Городское по квартирному налогу присутствие, Казённая Палата, МВД.

Key words: apartment tax, tax assessment of an apartment, rental of residential premises, rent, Provincial Presence for apartment tax, Regional Presence for apartment tax, City Presence for apartment tax, Treasury Department, Ministry of Internal Affairs.

УДК 93/94

Раскрывая механизм и порядок введения государственного квартирного налога (ГКН) в годы царствования Александра III (1881-1894 гг.), важно обратить внимание на то, что сама идея установления налога в жилищной сфере в тот период кардинально отличается от современного налогообложения в ЖКХ. Так, в современных условиях арендодатели (домовладельцы, собственники квартир и т. д.) должны уплачивать налоги с дохода от сдачи квартиры в аренду (п. 1 ст. 228 НК РФ), а при правлении Александра III обязанность оплатить ГКН была возложена на проживавшего в жилом помещении арендатора. Как следствие, сущность ГКН в Российской империи и современной России разительно отличается в исторических периодах России и результатах для казны и общества.

В отечественной научной литературе рассматриваемый комплекс вопросов получает освещение впервые. В связи с этим перечень используемых автором источников не включает научно-исследовательскую литературу, в которой могли бы в разной степени быть отражены научные подходы к исследованию такой проблемы, как введение роль ГКН в 1894 г.

В Российской империи обязанность платежей для нанимателей жилого помещения (квартиры) была введена на территории Европейской России и Царства Польского в 1894 г.

Через шесть лет действие Положения о государственном квартирном налоге (от 14 мая 1893 г., в ред. 1897 г.) было распространено на «Кавказский край, области Степного генерал-губернаторства и губернии Ставропольской, Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской» [5].

Идея введения налога на наём жилого помещения принадлежит министру финансов С. Ю. Витте, который изучил опыт налогообложения Франции, Бельгии, Голландии и других государств, но разработал свой вариант, серьёзно отличавшийся от зарубежной практики. Впервые на государственном уровне налог вводился для оплаты найма жилого помещения в городах и поселениях, в порядке эксперимента на отдельных территориях (специальный Перечень), а не для всех территорий страны. Для формирования культуры жилищных отношений установлены были и условия сдачи жилых помещений. Так, характер помещения для жилья должен был отвечать особым требованиям, например, «сдаётся в наём или занимаемое бесплатно». Для жилых помещений в отдельном домохозяйстве наличие отдельного выхода было обязательным, чтобы не создавать помех для других жильцов.

Квартирный налог исчислялся со всей стоимости квартиры, без исключения, с одного лица, если оно было арендатором, или нескольких лиц (семейств), когда одно и то же жилое помещение (квартира) в наём снималось сообща. С целью исключения конфликтных ситуаций за своевременный платёж налога, начисленного по стоимости всей занимаемой квартиры (1895 г.), ответственность несли единоличный арендатор и главы семейств или члены семьи, на которых распространялась солидарная ответственность.

Культура новых жилищных отношений учитывала особые случаи в жизни проживавших лиц либо владевших жилым помещением. Так, в силу личностного характера квартирного налога наследники умершего плательщика освобождались от уплаты не только оклада, но и недоимок, если таковые были у умершего. В другом случае, если наёмная цена всех помещений в домовладении устанавливалась в размере меньшем, чем налоговый оклад первого разряда, лица, сдавшие жильё, освобождались от налога. Вместе с тем если в таких помещениях производилась сдача квартир частным и должностным лицам, налог исчислялся с облагаемой части помещения.

Обязанность уплаты ГКН распространялась не только на русских, но и на иностранных подданных, занимавших жилые помещения, находившиеся как в собственных домах, так и наёмных или представленных в бесплатное пользование. Налогом облагались лица, занимавшие помещения (нумера) в гостиницах и меблированных комнатах.

В России нередко помещения в доме снимались не только с целью проживания, но и для ведения предпринимательства. В случаях совмещения помещений для проживания и трудовой занятости в одном домовладении представление доказательств в том, что помещения не служат для

жилья, а используются для служебных или профессиональных занятий (врачи, адвокаты и т. п.) было возложено на самих квартирнанимателей (1895 г.).

Доказательством, что ГКН служил не только способом экономического наполнения казны, а вводился с целью упорядочения общественно-жилищных отношений, является достаточно широкий перечень лиц, освобождаемых от уплаты данного налога. В частности, от платежа ГКН освобождались лица духовенства христианских исповеданий. Однако льготы не распространялись на семейства духовенства, проживавшие отдельно от главы или оставшиеся после смерти духовных лиц. Согласно принятого Положения, от налога освобождались лица, проживавшие в благотворительных заведениях, «архиерейских домах, помещениях монастырей и монастырских общинах, пансионатах и квартирах общежитий воспитанников учебных заведений, приютов, богаделен» [5].

Положением также было предусмотрено, что иностранные дипломатические представители, аккредитованные при Высочайшем Дворе, и прочие лица, входившие в состав посольств и миссий, имели право пользоваться жилым помещением без уплаты ГКН. Вместе с тем если русские консулы в других государствах подобную льготу не получали, то льготы иностранным чиновникам (генеральные консулы, консулы, вице-консулы и консульские агенты) в России не предоставлялись. В частности, Великобританские консулы в России уплачивали квартирный налог, т. к. представляли государство, которое не освободило русских консулов от уплаты однородного налога (1894 г.).

Как указано в правовом акте, от налога освобождались, кроме штаб- и обер-офицеров, чиновники, однако не выше VI класса, состоявшие в штате воинских и морских команд, строевых воинских и морских управлений, проживавшие «в городах I, II, III, IV класса и поселениях V класса» [5]. Для чиновников главным критерием служила степень налогопособности, обусловленная не чином, а должностью. На отдельно проживавших членов семейства данной категории лиц льготы не распространялись.

Согласно Положению, не взыскивался налог с лиц, проживавших в общежитиях, постоянных дворах иnochлежных домах. Исключались из налогообложения съёмщики «жилых помещений в казарменных заведениях, жилищах рабочих при фабриках, заводах»[5] и иных промышленных заведениях. Однако льгота не распространялась на офицерских чинов, проживавших в отдельных квартирах, управляющих фабриками и заводами, приказчиков, мастеровых и других служащих.

С целью исключения двойного налогообложения от уплаты ГКН освобождались лица, прибывшие в другую местность, при подтверждении платежа по месту своего жительства, например, лица, приезжавшие на лечение, или супруги и родственники первой степени таких нанимателей жилого помещения. Список лечебных местностей, в которых применялась означенная льгота, составлялся Министерством Финансов, по соглашению с Министрами Внутренних Дел, Земледелия и Государственных Имуществ и публиковался во всеобщее сведение в установленном порядке.

В податную оценку квартиры включались и добавочные платежи. Если квартирнаниматель оплачивал, к примеру, услуги дворника, швейцара, за воду непосредственно домовладельцу, то данные платежи включались в размер платы наёмного помещения. В случае оплаты квартирнанимителем дополнительных услуг для себя (конюшни, сараи, сады, огороды и др.) минуя домохозяина, то стоимость данных услуг «в цене квартирплаты не учитывалась».

В Положении оговаривались особые обстоятельства определения оклада квартирного налога. Так, если в состав наёмной платы входила плата за отопление, то из наёмной платы «вычиталась 15 %», т. к. данный вид услуги являлся обязанностью домовладельца.

Оклад квартирного налога для съёмщика исчислялся в совокупной цене всех помещений без исключения, были они в одном доме или в различных зданиях. Ценой помещения, сданного в наём, признавалась *действительная годовая наёмная плата* [1].

Инструкцией «О порядке определения и взимания государственного квартирного налога» (далее – Инструкция) было предусмотрено, что в случае предоставления домовладельцем «бесплатно целого дома или большей его части цена помещения определялась по расчёту чистого дохода в 4 % с ценности строения» (ст. 37) [1]. В расчёте учитывалось кубическое или квадратное

содержание квартиры и сравнивалось с аналогичными помещениями с одинаковой доходностью от действительной наёмной платы.

За основу расчёта наёмной цены для казённых квартир, в которых жили государственные служащие, бралась одна пятая денежного содержания чиновника от *годового оклада квартирных денег*. Причём вознаграждение за особые труды, наградные деньги, пенсия в расчёт не принимались. В сметах содержания таких заведений, как гимназии и реальные училища, включалась сумма квартирной платы для штатных директоров, инспекторов и учителей [1].

Порядок предусматривал и сроки внесения ГКН в местное казначейство: так, Министерство Финансов за наём казённых помещений (квартир) вносило до 15 апреля, а остальные плательщики – не позднее 15 декабря.

Платежи принимались с 7 апреля до 7 мая в специальных Особых кассах, созданных Министром Финансов и Государственным Контролёром. Согласно Инструкции, Особые кассы действовали только в тех учреждениях, которым разрешался приём квартирного налога, а именно: Отделения (конторы), сберегательные кассы Государственного Банка, Государственного Дворянского Земельного Банка, Государственного Крестьянского Поземельного Банка, Городских общественных Банков и другие правительственные, общественные и сословные учреждения (Общества Взаимного Кредита, Частные банковские учреждения).

В пределах губернии или области руководство организацией сбора ГКН находилось в компетенции местных Казённых Палат, которые для этих целей создавали при себе специальные структуры (Губернские или Областные по квартирному налогу присутствия). Именно Казённые Палаты, взаимодействуя с контрольными палатами, информировали налогоплательщиков о приёме платежей Особыми кассами, их рабочем графике и адресах.

Следует выделить особую роль Городских по квартирному налогу присутствий (далее – ГпоКНП) в организации сбора ГКН. Они при тесном взаимодействии через полицейское управление посредством направления окладных листов извещали плательщиков о сроке уплаты налога и режиме работы Особых касс и непосредственно осуществляли учёт и контроль платежей на базе сведений от органов местной власти (см. прим. 1).

Городские общественные управления сообщали в ГпоКНП обо всех домовладениях, расположенных в районе ведомства присутствия, т. к. в этих структурах формировалась база сведений о переходе от одного владельца к другому недвижимых имуществ и об уничтожении строений или сооружений новых зданий в городских поселениях.

Именно домовладельцы или по их доверенности иные лица (арендатор дома или управляющий) предоставляли не позднее 7 января в ГпоКНП список лиц с персональными данными (Ф. И. О. и звание нанимателя), проживавших в жилых помещениях (квартирах) и домах независимо от оплаты найма или бесплатно. Домовладелец сообщал договорную сумму платы за помещение с учётом благоустройства (мебель, отопление и др.) и указывал размер помещений, занимаемых самим домовладельцем, в том числе переданных им в бесплатное пользование другим лицам.

На основании ст. 30 положения о квартирном налоге каждому плательщику через полицию направлялось извещение о размере исчисляемого с него налога не позднее 7 марта. В соответствии с настоящей Инструкцией, об окончании рассылки извещений плательщикам «публиковалось в одной или нескольких из местных газет» (ст. 42) [1]. В случае возражений плательщиков последним посыпались через полицию особые объявления. Так, при изменении суммы оклада выписывались и доставлялись полицией новые извещения, но за теми же самыми номерами, под которыми значились первоначально.

С целью контроля ГпоКНП запрашивало в городских и земских управах, в страховых обществах и кредитных по залогу недвижимых имуществ учреждениях сведения о стоимости и условиях найма помещений. Для уточнения представленных данных председатель ГпоКНП совместно с полицией имел право осматривать помещения.

В установленные сроки начинался приём сумм ГКН чиновниками казначейств и казённых палат, командированными в учреждения или частные дома, где были открыты Особые кассы, разрешённые правительством.

Платежи оформлялись квитанциями, о чём производилась запись в Приходном реестре с присвоением порядкового номера. Корешки неизрасходованных квитанционных книжек сдавались вместе с приходными реестрами в местное казначейство или, при его отсутствии, в иное, допускаемое контрольным учреждением.

Делопроизводство в Губернских или Областных по квартирному налогу присутствиях возлагалось на Казённую Палату, а в городских присутствиях – на председателя или на особо для этих целей командированное лицо. Все заседания оформлялись в особых журналах с подробным изложением обстоятельств дела (определение окладов налога, рассмотрение заявлений домовладельцев, основание освобождения от квартирного налога и др.).

При разработке Инструкции «О порядке определения и взимания государственного квартирного налога» [1] учитывался низкий уровень образованности среди домовладельцев (правовая безграмотность), допускалось, что введение ГКН создаст трудности налогоплательщикам и домовладельцам не только с оформлением заявлений, но и появятся дополнительные расходы.

С целью исключения не только конфликтных ситуаций, но и недопонимания населения в связи с введением нового налога основные положения, требования, условия, ответственность установленного Порядка были доведены до чиновников и населения через Казённые Палаты, городское общественное управление и полицию. Казённая Палата была обязана «пригласить, посредством публикаций, лиц, имевших право на освобождение от квартирного налога» (ст. 21) [1] и разъяснить, как следует оформить и подавать заявления с указанием места жительства и оснований для освобождения от налога, о чём делалась запись в соответствующих книгах.

Внедрение ГКН осложнялось территориальными особенностями империи и различной стоимостью арендной платы жилых помещений. Для упорядочения процесса внедрения ГКН в государственную систему управления и контроля была проделана большая организационная работа. С учётом степени дороживши жилых помещений города и поселения, в которых вводился налог, подразделили на классы (I, II, III, IV, V).

Согласно приложению к Положению, к I классу относили г. Москву и Санкт-Петербург, где была установлена самая высокая цена найма. Высокая стоимость найма отмечалась и во II классе, к которому отнесли 13 крупных административных городов (Варшава, Казань, Киев, Одесса, Ростов-на-Дону, Саратов, Харьков, Ялта и др.).

Отметим, что в пределах каждого класса помещения были сгруппированы по разрядам с учётом их наёмной цены и отдельной ставки налога, называемой «окладом».

Анализ данных, содержащихся в правовом акте, показал, что наёмные цены подразделялись в городах: I класса – на 35 разрядов, от 300 до 6000 р. (налог от 5 до 560 р., 10 % с цены квартиры свыше 6000 р.); II класса – на 36 разрядов, от 225 до 4500 р. (налог от 3 до 403 р., 10 % с цены квартиры свыше 4500 р.); III класса – на 27 разрядов, от 150 до 3000 р. (налог от 2,50 до 255 р., 10 % с цены квартиры свыше 3000 р.); IV класса – на 29 разрядов, от 120 до 2400 р. (налог от 2 до 221 р., 10 % с цены квартиры свыше 2400 р.); в V классе – на 19 разрядов, от 60 до 1200 р. (налог от 1 до 101 р., 10 % с цены квартиры свыше 1200 р.) [8].

Особая забота государства распространялась на всех служащих военного ведомства. Одна из мер проявлялась в увеличении квартирного оклада. Так, квартирные оклады увеличили для управлений уездных воинских начальников в губерниях, в частности в Царстве Польском. Помещения для управлений уездных воинских начальников отводились в числе 5 комнат для высшего разряда, 4 – для среднего, 3 – для низшего разряда, соответственно разрядности устанавливались тарифы. В частности, тариф на наём помещений без отопления и освещения для уездных военно-начальников в год: для высшего разряда в местности I разряда – 450 р., II – 300 р., III – 265 р.; для среднего разряда в местности II разряда – 240 р., III – 212 р., IV – 200 р.; для низших III разряда – 159 р., IV – 150 р., V – 90 р. [8].

Не стали исключением лица, проходившие службу в Сибири и Приамурье. Так, на наём помещения с отоплением и освещением офицерским чиновникам была установлена временная приватка к квартирным окладам, чтобы смягчить трудности проживания в Приморской и Амурской областях [4; 6; 7].

Действенность правительенного решения была подкреплена жёсткой ответственностью. На основании Инструкции, не позднее 15 мая список недоимщиков передавался казначействами в местную полицию для «немедленного обращения взыскания общеустановленным бесспорным порядком на движимое имущество или на доходы с недвижимого имущества недоимщика» (ст. 61 Инструкции) [1]. Отметим, что недвижимое имущество недоимщика можно было изъять только «по особому распоряжению Министерства Финансов».

За нарушение сроков предоставления сведений домовладельцы или лица, их заменяющие, уплачивали штраф в виде «денежного взыскания в размере не свыше 50 р., а за недостоверные сведения – не свыше 300 р.» (ст. 25 Положения) [5].

Штраф следовало внести «в течение двух недель» (ст. 70 Инструкции) [1]. Если в указанный срок денежные средства не поступили на счёт ГпоКНП, то не позднее 7 марта материалы передавались Мировому Суду или Уездному Члену Окружного Суда для рассмотрения дела по существу «преступления или проступка против имущества и доходов казны». Обжалование не приостанавливало обязанность внести налог, и «налог, не внесённый в установленный срок, являлся недоимкою» [5], на которую начислялась пеня по одному проценту в месяц или по 0,5 % за каждые 15 дней.

Отметим, что в компетенции вышестоящего уровня присутствий содержалось право «разрешить отсрочку и рассрочку уплаты налога на всякую сумму без начисления пени на срок не более одного года, а равно и сложение налога на сумму не свыше 50 р.» (ст. 45 Положения) [5]. На более продолжительный срок или на «сложение налога на большую сумму» требовалось решение Министра Финансов.

В Положении о государственном квартирном налоге оговаривались условия для принятия такого решения: «Облегчить положение плательщика, обременённого большим семейством или находившегося в затруднительном положении, вследствие тяжкой болезни, потери имущества или заработка» и т. д. [5].

Из анализа цели, порядка и механизма введения ГКН можно заключить, что государство использовало наряду с финансовым (фискальным) методом наполнения казны и способ, позволявший оценить совокупность доходов каждого плательщика как основу социально-культурной стабильности в обществе. Однако введение налога всё же было оправдано и с экономической стратегии.

Так, согласно Государственной росписи доходов и расходов, за первый год сбора налога (1894 г.) планируемую сумму собрать не удалось, но в последующие годы рост платежей заметно вырос. Из содержания Отчёта Государственного контроля по исполнению Государственной росписи и финансовых смет за 1909 год следует, что в 1894 г. предполагалось поступление в объёме «4610 тыс. р.», но даже в 1896 г. было собрано всего «2907 тыс. р.». В 1901 г. сбор увеличился, но также не достиг плановых показателей, платежей поступило «4127 тыс. р.». Ожидания правительства от введения налога начали оправдываться только в 1905 г. – «5348 тыс. р.» [2, 72] – и убедительным ростом налоговых платежей в 1909 г. – «6649 тыс. р.» [3, 120].

Из анализа следует, что при введении ГКН не ожидалось значительных финансовых выгод в казну. Главной задачей было наведение порядка в жилищной сфере и формирование культуры жилищных отношений. Посредством ГКН легче выявлялись ошибки и недочёты управлеченческих решений. Отметим, что с введением ГКН не только упорядочивался учёт налогоплательщиков, но и определился механизм планирования доходности казны на государственные и местные нужды. Контрольная деятельность органов административно-полицейской системы способствовала снижению уровня «дороговизны квартир» и снижению расходов налогоплательщиков на наём жилого помещения к их общему бюджету. Порядок способствовал развитию уважительного отношения между всеми участниками жилищных отношений.

В советский период механизмы, используемые в Российской империи, не применялись. Так, в дореформенный период в жилищно-коммунальной сфере сложился механизм предоставления жилого помещения и его содержания преимущественно в форме общественных благ. До 1992 г. в основе создания и функционирования системы управления объектами ЖКХ лежали социальное значение жилья и государственная собственность на жилищный фонд, а частный бизнес в жилищно-коммунальной сфере не был предусмотрен жилищным законодательством. В советский период государственная политика была направлена на максимальное обобществление жилищного сектора и «практически полное исключение рыночных механизмов из отношений, его регулирующих» [9, 4].

В последующие годы в результате проведения жилищно-коммунальной реформы произошла демонополизация отрасли и введение рыночных механизмов в сферу жилищно-коммунальных услуг. Приватизация объектов ЖКХ и жилых помещений привела к появлению класса собственников жилья и рынка услуг частного предпринимательства в данной сфере. Заметим, что с внедрением рыночных отношений, но при сохранении тарификации так и не произошло коренного улучшения ситуации в жилищном секторе.

Следует отметить, что в постсоветский период со стороны государства и прежде всего органов муниципального уровня не было найдено адекватных рычагов воздействия не только на бизнес, но и на собственников приватизированных квартир. В результате реформы ЖКХ частный собственник квартиры не превратился в субъекта рынка, готового реализовывать свои предпочтения и способного участвовать в управлении жилищным фондом.

В современных условиях Российской Федерации ключевой характеристикой жилищного фонда Российской Федерации является высокая доля жилья в собственности – в частной собственности находится 93 % жилья. По итогам 2021 г. в Российской Федерации около 7 млн семей (11 % общего числа домохозяйств) арендуют жильё.

В результате реформирования отношений в ЖКХ сформировался иной порядок частного найма жилья, в котором плательщиком признан арендодатель, и именно ему платит арендную плату арендатор. В отличие от порядка, действовавшего в Российской империи, государство не получает налог в казну с лица, проживавшего в жилом помещении собственника, или лица, его заменившего. Следовательно, государству сложно упорядочить наём жилых помещений, а также обеспечить социально-правовую защиту данной группы нанимателей и повлиять на культуру жилищных отношений в целом.

Вместе с тем для арендодателей законодатель установил обязанность уплачивать налоги с дохода от сдачи квартиры в аренду (п. 1 ст. 228 НК РФ). Однако, несмотря на установленную законом ответственность, широко и повсеместно распространена практика, когда арендодатель не декларирует полученный доход и не уплачивает с него НДФЛ.

Налоговой службе предстоит не только изыскивать информацию о сдаваемом собственниками в аренду жилье, но и устанавливать и доказывать факт проживания в арендованном жилом помещении посторонних лиц.

Способами получения информации о том, что в собственности у лица есть несколько объектов жилой недвижимости и на его счёт поступают регулярные платежи, могут служить анализ данных Росреестра и кредитных учреждений. Хотя подтверждением получения от арендатора денег могут стать показания свидетелей, выписки по банковскому счёту, расписки в получении наличных средств. Кроме того, всегда есть люди, которые на добровольной основе могут сообщить налоговому инспектору о том, что человек получает доход от сдачи в аренду имеющейся у него в собственности квартиры. Мотивы для осведомления у всех этих людей разные, в том числе обида, зависть, личная неприязнь, ссора с арендаторами, задолженность по коммунальным платежам и т. д. Вместе с тем обозначенные способы в системе административно-экономического управления малоэффективны, а культура жилищных отношений и того хуже в современных условиях. Отсюда государственные органы с задачей не справляются.

В ходе реформирования стратегически были взяты за основу рыночные отношения без учёта принципов максимизации общественной пользы. Однако опыт действия ГКН в Российской им-

перии не был учтён, что создало предпосылки для негативных проявлений в жилищно-коммунальной сфере в целом и в жилищно-арендных отношениях в частности.

Как отражено в «Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» (Распоряжение Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 3268-р, С. 26), большая часть арендного жилищного фонда находится в «теневом» секторе российской экономики и не приносит доходов в бюджет. Правительство России признаёт, что доходы от сдачи жилых помещений в наём отдельными собственниками скрываются от налогообложения.

В настоящей статье показан исторический опыт введения ГКН в Российской империи, который целесообразно изучить органам государственной власти, представителям научной общественности, интересующимся проблемами государственного управления в сфере общественно-культурных отношений в ЖКХ. Это позволит органам власти, действующим в современных условиях, эффективно скорректировать рыночные механизмы в ЖКХ, которые в настоящее время не формируют качественных общественно-культурных отношений в ЖКХ. А исследование настоящей проблемы научной общественностью будет способствовать повышению внимания специалистов государственного управления к опыту Российской империи в интересах государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инструкция о порядке определения и взимания государственного квартирного налога // Собр. узак. и распоряжений правительства. – 1983. – № 173. – 13 ноября. – Ст. 1331.
2. Отчёт Государственного контроля по исполнению Государственной росписи и финансовых смет за 1906 год. – СПб.: [б. и.], 1907. – 79 с.
3. Отчёт Государственного контроля по исполнению Государственной росписи и финансовых смет за 1909 год. – СПб.: [б. и.], 1910. – 867 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том IV. 1884 г. – СПб.: [б. и.], 1887. – № 2298.
5. Положение о государственном квартирном налоге (от 14 мая 1893 г., в ред. 1897 г.) // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том XIII. 1893 г. – СПб.: [б. и.], 1897. – № 9612.
6. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – 1884. – 17 июля. – Ст. 601.
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – 1892. – 10 января. – Ст. 30.
8. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – 1892. – 17 января. – Ст. 43.
9. Страйк, Р. Реформа жилищного сектора России (1991–1994) / Р. Страйк, Н. Косарева; Ин-т экономики города, Агентство междунар. развития США. – М.: [б. и.], 1994. – 183 с.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Действовали данные структуры под председательством Податного Инспектора или лица, назначенного Управляющим Казенной Палаты по соглашению с Государственным контролёром. Члены ГпоКНП избирались с учётом местных условий. Так, в городских поселениях, в которых действовало Городовое положение, выбор делали депутаты городской думы или собрание городских уполномоченных. В подборе кандидатур членов ГпоКНП активное участие принимали губернатор и управляющий Казённой Палаты. В поселениях, не имевших городского устройства, в которых всё же было введено Городовое положение, выбор делался уездным земским собранием, а в местностях, где земские учреждения отсутствовали – губернатором по соглашению с управляющим Казённой Палаты. В состав ГпоКНП включались местные квартирохозяева (4-6 человек), но персоналии ежегодно обновлялись.

Платонова Н. М.

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ
ПРОМЫШЛЕННО-ГРАЖДАНСКОГО КОМПЛЕКСА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР (1965 – 1985 гг.)

Платонова Н. М.

N. M. Platonova

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННО-ГРАЖДАНСКОГО КОМПЛЕКСА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР (1965 – 1985 гг.)

CONDITIONS AND FACTORS OF TECHNICAL MODERNIZATION OF INDUSTRIAL AND CIVIL COMPLEX ENTERPRISES IN THE FAR EAST OF THE USSR (1965 – 1985)

Платонова Нонна Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. 8(924)302-85-03. E-mail: platonova_nonna@mail.ru.

Nonna M. Platonova – Doctor of History Science, Assistant Professor, Professor of Theory and History of State and Law Department, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); tel. 8(924)302-85-03. E-mail: platonova_nonna@mail.ru.

Аннотация. В исторической ретроспективе автор раскрывает одну из актуальных проблем развития промышленно-гражданского комплекса советского Дальнего Востока, связанную с технической модернизацией в ведущих отраслях индустрии (рыбной, лесной и золотодобывающей промышленности). Наряду с опубликованными трудами региональных историков, в той или иной мере касавшихся вопросов промышленного развития дальневосточной территории на разных этапах государственного строительства, в качестве источников автор использовал документы центральных и региональных архивов. Рассматриваются ведущие тенденции внутриполитического курса высшего партийного руководства с 1965 по 1985 гг., направленные на комплексное поступательное развитие Дальнего Востока СССР, где особое место уделялось динамике отраслей специализации и их технической оснащённости. Выделяются условия и факторы, оказывавшие влияние на обеспечение и комплектование предприятий оборудованием, его технологическое совершенствование. Подводя итоги, автор резюмирует, что нарастание хозяйственного кризиса, затратный механизм плановой экономики сдерживали многие процессы технической модернизации в промышленности региона.

Summary. In historical retrospect, the author reveals one of the urgent problems of the development of the industrial and civil complex of the Soviet Far East, related to technical modernization in the leading industries (fishing, forestry and gold mining). Along with the published works of regional historians, who in one way or another dealt with the issues of industrial development of the Far Eastern territory at various stages of state construction, the author used documents from central and regional archives as sources. The article examines the leading trends in the internal political course of the top party leadership from 1965 to 1985, aimed at the comprehensive progressive development of the USSR Far East, where special attention was paid to the dynamics of the branches of specialization and their technical equipment. The conditions and factors that influenced the provision and completion of enterprises with equipment and its technological improvement are highlighted. Summing up, the author summarizes that the growing economic crisis and the costly mechanism of the planned economy hindered many processes of technical modernization in the region's industry.

Ключевые слова: промышленно-гражданский комплекс, Дальний Восток СССР, техническая модернизация, рыбная промышленность, судоремонт, лесная промышленность, золотодобыча.

Key words: industrial and civil complex, Far East of the USSR, technical modernization, fishing industry, ship repair, forestry, gold mining.

УДК 94(571.6)

Российский экономический сектор сегодня проходит сложный этап, детерминированный внешними угрозами, вызовами и санкциями. Негативное влияние на его поступательное развитие оказывает нарушение многих логистических коридоров, ранее успешно обеспечивавших доставку

и транспортировку сырья, материалов, готовой продукции. Во многом это отразилось на функционировании отечественного индустриального кластера, которому за последние два года всё же удалось достичь положительных результатов в динамике благодаря решению проблем импортозамещения, переориентации рынков сбыта продукции с западного на восточное направление и, что немаловажно, государственной поддержке внутренних заказов и бюджетному финансированию. Стабилизация сферы промышленного производства способствует обеспечению потребностей населения и способствует формированию национального бюджета, из средств которого финансируются ведущие цели и задачи государства (см. прим. 1).

В этих условиях промышленно-гражданский комплекс Дальневосточного федерального округа, развивающийся в контексте политических, социально-экономических изменений, происходящих в стране и мире, но с присущим для него рядом общезвестных специфических доминант, не потерявших своей важности на новейшем этапе, не стал исключением. Актуальность обращения автора к сформулированной теме обусловлена «Национальной программой развития Дальнего Востока до 2025 г. и на перспективу до 2035 г.», в которой развитие региона объявлено национальным приоритетом Российской Федерации на весь XXI в. Одним из ключевых положений документа выступает обновление и совершенствование крупнейших промышленных центров авиа-, судо- и автомобилестроения, газопереработки, газохимии, лесопереработки, рыболовства, аквакультуры и т. д. (см. прим. 2). Ведущим фактором опережающего формирования и взаимного поступательного движения различных инфраструктур индустрии дальневосточных территорий выступает государственное дотирование современных геостратегических проектов, привлечение иностранных инвестиций дружественных стран и капиталовложений российского бизнеса.

Обозначенная автором проблема частично затрагивалась в отечественной историографии. Достаточно назвать имена таких авторитетных учёных-историков, как Л. И. Галлямова, В. Г. Мандрик и др. [1–4; 9], которые внесли значительный вклад в освещение вопросов региональной промышленности. Научные труды дальневосточных исследователей во многом позволяют раскрыть исторический опыт индустриального развития региона с новых методологических позиций и подходов, однако большинство авторов акцентировали исследовательское внимание на этапе становления промышленного кластера, особенности его функционирования в годы новой экономической политики, предвоенный период. Следует отметить, что автор представленной публикации также неоднократно обращался к проблеме промышленного развития дальневосточной территории [5–7], но, вводя в научный оборот новые архивные документы, целенаправленно анализирует условия и факторы, оказывавшие влияние на процессы технической модернизации ведущих отраслей промышленно-гражданского комплекса (ПГК) дальневосточной территории в позднесоветский период.

Историческая практика показывает, что умение совершенствовать и обновлять государственные устои в различных сферах общественной жизни формируется у управляющей элиты, находящейся у власти, постепенно. Именно вновь приобретённый опыт предопределяет поиск способов и путей реформационного процесса, оказывая непосредственное влияние на изменение экономической ситуации в последующие годы. Во многом можно утверждать, что в отечественной истории в условиях позднесоветского периода был осуществлён комплекс разноплановых реформ, реализованы многие крупные проекты и государственные программы. Например, хозяйственная реформа 1965 г., ориентированная на интенсификацию производства, введение рыночных элементов в плановую экономическую систему; строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ) и освоение прилегавшей к ней территории (1974–1984 гг.); сооружение Братской ГЭС (1954–1966 гг.); реформирование сельскохозяйственного комплекса и создание агропромышленных объединений (1969 г.) и др. Одна из ведущих позиций в этом процессе отводилась советскому Дальнему Востоку [4, 282].

В период с 1965 по 1985 гг. важным фактором экономического развития СССР являлся комплекс мер, включавший масштабное освоение природных ресурсов и наращивание промышленной мощности дальневосточной территории [6, 44; 7, 474]. Одновременно для региональных партийно-хозяйственных руководителей была сформирована совокупность задач, главный вектор которой ориентировался на строительство новых и реконструкцию действовавших промышлен-

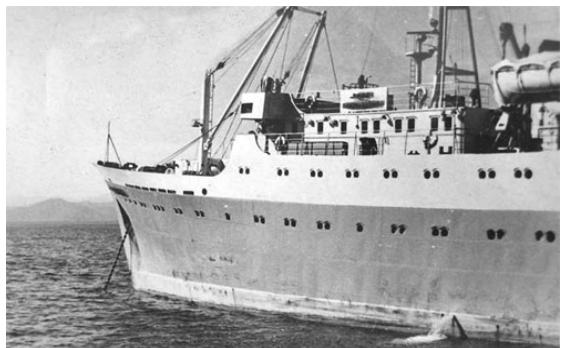
ных предприятий. Ключевой проблемой практической реализации намеченных преобразований, наряду с острой необходимостью технической модернизации индустриальных объектов, обеспечением их специализированной техникой, оборудованием, ремонтом, выступали потребность совершенствования и насущность механизации большинства технологических процессов, обеспечение непрерывности производственных циклов, рост энергоаэрооружённости предприятий и др. Прежде всего это касалось базовых отраслей дальневосточного ПГК, поскольку рыбная, лесная и горнорудная отрасли формировали его основу, специализируясь на добыче и разработке природных ресурсов, имевших особое государственное значение.

Первыми положительными результатами в указанном направлении достигли работники *рыбной промышленности*. Следует отметить, что в рассматриваемый период доля региональной отрасли в общесоюзном улове составляла 38 %. По добыче отдельных видов высокоценных морских продуктов, таких как лосось, крабы, сайра и др., рыбная промышленность имела монопольное положение в Советском Союзе. Динамику поступательного развития отрасли обеспечивали тихоокеанские морские порты, располагавшиеся в Магадане, Петропавловске-Камчатском, Холмске, Невельске, Владивостоке. Функционировавший слаженный рыбохозяйственный комплекс находился в ведении Главного управления рыбной промышленности Дальневосточного бассейна «Дальрыба» [4, 283; 6, 102] (см. прим. 3).

Рыбная продукция в контексте разнообразия питания играла важную роль в жизни советских граждан и особенно дальневосточников, однако нехватка судов, способных вести экспедиционный лов рыбы в открытом океане, выступала сдерживающим фактором в обеспечении населения этим видом продуктов питания. Если до 1965 г. рыбодобывчи вели только в прибрежных водах Татарского пролива с помощью траолов, то в дальнейшем руководство «Дальрыбы» инициировало переход отрасли на океанический лов в тихоокеанских водах (см. прим. 4, рис. 1 – 2).

Рис. 1. Рыболовецкое судно траул (см. прим. 4)

Рис. 2. БМРТ «Александр Максутов» (1969 г.)
(см. прим. 4)

В 1966 г. на Дальнем Востоке СССР морской промысел осуществлялся с помощью 5320 ед. самоходного флота, но судов, которые могли вести экспедиционный лов рыбы в открытом океане, не хватало. Техническая реорганизация дальневосточного морского рыбопромыслового флота началась на основании решений XXIII съезда КПСС (1966 г.). Её главная цель заключалась в дальнейшей интенсификации функционирования рыбной промышленности. Для пополнения флота крупными рыболовными судами, большинство из которых представляли собой плавучие рыбоконсервные заводы (ПРЗ), и развития материально-технической базы дальневосточной отрасли выделялись регулярно увеличивавшиеся государственные финанссы. Если в период с 1966 по 1970 гг. они исчислялись в 831 млн р., то с 1976 по 1980 гг. – 2 млрд р. Дополнительно регион получил более 400 судов, в том числе 160 крупнотоннажных, 194 среднетоннажных, 46 рыбообрабатывающих и приёмно-транспортных [4, 283] (см. прим. 4, рис. 3 – 4).

Среди них были большие морозильные рыболовные траулеры (БМРТ) «Атлантик» и «Супер-Атлантик», построенные в Германской Демократической Республике (см. прим. 4 – 6, рис. 5).

Рис. 3. ПРЗ «Рыбак Камчатки» (см. прим. 4)

Рис. 4. ПРЗ «Чукотка» и БМРТ «Хинган»
(см. прим. 4)

Важным следствием реализации государственной политики в рыбной отрасли, её модернизации и перехода на океанический лов в Тихом океане стал устойчивый рост объёмов рыбодобычи в регионе (1960 г. – 3 млн т, 1970 г. – 7,3 млн т, 1980 г. – 9,7 млн т). Примерно к середине 1970-х гг. в развитии рыбной промышленности советского Дальнего Востока наступил период относительной стабилизации. Общее количество промышленных предприятий, расположенных на его территории, стало более 200, включая крупные морские порты, судоремонтные заводы (СРЗ) и рыболовный флот. Переработка рыбного сырья была сосредоточена на 47 предприятиях, расположенных по всему дальневосточному побережью – от посёлка Анадырь на севере до посёлка Посьет на юге [6, 103, 116].

Рис. 5. Рыболовный траулер «Атлантик» (см. прим. 4)

Однако вопрос о технической оснащённости добывающих судов не снимался с повестки дня. В частности, в 1978 г. производственное объединение «Камчатрыбпром» получило один из первых супер-траулеров БМРТ «Алексей Стаханов» (см. прим. 4, рис. 6), в 1985 г., т. е. через семь лет, – «XXVII съезд КПСС» (см. прим. 4, рис. 7), но с той же «начинкой», которая была у его предшественника [7, 138]. И в последующие годы большинство новых отраслевых судов меняли лишь название, год ввода в эксплуатацию, оставляя практически без изменений многие технические характеристики, комплектование, оборудование, аппаратуру. Дальневосточные специалисты и хозяйствственные руководители, посетив международную научно-техническую выставку, проходившую в Ленинграде зимой 1985 г., отмечали, что «... в сравнении с иностранной техникой технологическое оборудование отечественных крупнотоннажных судов сопоставимо только с предметами каменного века» (см. прим. 7).

Рис. 6. БМРТ «Алексей Стаханов»
(см. прим. 4)

Рис. 7. БМРТ «XXVII съезд КПСС»
(см. прим. 4)

На эффективности работы рыбопромыслового флота негативно сказывались серьёзные недостатки, связанные с проблемами обеспечения своевременным и качественным судоремонтом. Его удельный вес по судоремонтным предприятиям дальневосточного региона достигал не более 75 %, что приводило к финансовым убыткам в рыбной промышленности, где основную долю (ежегодно 60-70 млн р.) составляли сверхплановые простои судов, увеличение объёмов ремонтных работ (см. прим. 8). Характеризуя дальневосточные судоремонтные предприятия, следует отметить, что большинство из них являлись универсальными, с разнообразной номенклатурой производимой продукции, нередко несвойственной их профилю, отчего уровень специализации на таких заводах был низким, колеблясь в среднем от 24 до 40 %. Это свидетельствовало о том, что отраслевые предприятия нуждались в глубокой технической модернизации, поэтому при значительном пополнении флота новыми крупнотоннажными судами мощности региональных СРЗ неправлялись с обеспечением потребностей морских судов в ремонте.

Главным условием решения указанной проблемы являлось создание на Дальнем Востоке СССР собственной развитой базы *судоремонтной промышленности*. Указанной точки зрения придерживались региональные руководители всех уровней власти, но бюрократическая волокита, практика недофинансирования, переноса сроков начала сооружения индустриальных объектов крайне затрудняли этот процесс. Например, на несколько лет (с 1962 по 1975 гг.) в бухте Патрокл Приморского края затянулось сооружение завода, ориентированного на ремонт крупнотоннажного флота. Постоянно переносились сроки реконструкции базы активного морского рыболовства в Находке и СРЗ в бухте Гайдамак (см. прим. 9). Одна из причин заключалась в несбалансированности межотраслевых связей внутри дальневосточного ПГК. Не всегда смежные предприятия своевременно поставляли металл, комплектующие детали, оборудование. Кроме того, в 1970-1980-е гг. дальневосточные территории испытывали острый дефицит электроэнергии, потребление которой ограничивалось. Ежедневное отключение электросети в среднем на 2 часа останавливало весь производственный процесс. Немаловажным для Дальнего Востока СССР оставался природно-климатический фактор, например, понижение температуры до -40 °C в зимнее время года крайне затрудняло, а порой приводило к прекращению наружных работ на судах (см. прим. 10). Одновременно на многих региональных судоремонтных предприятиях вспомогательные работы были механизированы только на 40-50 %, интенсификацию большинства индустриальных процессов подменяли лозунгами, починами, следствием которых становились авральные работы. Ряд руководителей предприятий, чтобы покрыть огромные потери рабочего времени, прибегали к массовым сверхурочным работам (см. прим. 11 – 12).

Другая базовая отрасль дальневосточного ПГК – *лесная промышленность* – представляла собой комплекс взаимосвязанных производств по заготовке и переработке древесины. На протяжении 1965-1985 гг. её развитие было обусловлено выгодным экономическим положением

советского Дальнего Востока по отношению к потенциальным потребителям, т. е. северо-восточным районам страны и сопредельным государствам Азиатско-Тихоокеанского региона, что способствовало ежегодному повышению объёмов вывоза древесины. В среднем за 20 лет они увеличился на 10,5 млн м³. Важная роль в лесной промышленности региона отводилась лесозаготовкам, достигавшим 87,3 % от всех работ, проводимых леспромхозами. Мощности большинства из них колебались от 200 до 800 тыс. м³ вывозимой древесины. Для устойчивого сохранения положительной отраслевой динамики власти акцентировали внимание на необходимости сооружения новых леспромхозов. Если в 1960-1970-х гг. на Дальнем Востоке СССР было построено 22 и реконструировано 8 леспромхозов, то к 1985 г. уже действовало более 68 лесозаготовительных предприятий. В результате заготовка леса на душу населения в 1980 г. достигла 4,8 тыс. м³, в то время как в среднем по РСФСР – 1,4 тыс. м³ [4, 287; 6, 141-142] (см. прим. 13 – 14).

Одним из важных условий, способных обеспечивать динамичное развитие лесной отрасли, являлся уровень механизации работ. В этой связи дальневосточные руководители отраслевых предприятий особое внимание уделяли вопросам использования достижений научно-технического прогресса, стремясь внедрять в производство комплексное оборудование, специализированные приспособления, различные технологические устройства. Однако эти усилия не всегда были результативными. Имевшийся дефицит подобного оборудования отражался на работе отраслевых предприятий, сдерживая темпы роста и снижая ведущие показатели работы. В частности, по данному Совета по развитию производительных сил (СОПС) при Госплане СССР, на Дальнем Востоке удельный вес механизированного труда на лесозаготовках составлял 35,1 %; на складах – 26,5 %; на подготовительных и вспомогательных работах – 27,2 %. Более 60 % рабочих, занятых на производстве в лесной промышленности, выполняли свою работу вручную [7, 140]. Для сравнения следует отметить, что в то же время в таких странах, как Канада, Финляндия, Швеция, уровень технического обеспечения промышленных объектов лесной отрасли был значительно выше, чем в СССР. Например, если на зарубежных предприятиях подача лесосыря, его переработка с использованием транспортных средств, оборудованных специализированной техникой складских помещений, позволяла использовать 100-120 чел., то при аналогичном грузообороте на отечественных предприятиях – 600-800 чел. При этом в СССР конструирование и выпуск новых машин для комплексной механизации лесозаготовок осуществлялись медленными темпами, сильно отставая от научно-технических требований того времени. Одновременно в процессе проектирования лесозаготовительных предприятий не всегда предусматривались применение новых инструментов, современного оборудования, вычислительной техники, а также строительство цехов по переработке низкосортной древесины и древесных отходов. В итоге на лесосеках региона ежегодно оставалось более 700 тыс. м³ (45 %), т. е. почти половина, поэтому выполнить план по выпуску товарной продукции удавалось не всегда (см. прим. 15 – 16).

Вопросы технической оснащённости, интенсификации производства не снимались с повестки, и поиск путей решения проблемы продолжался, всё более ориентируясь на экстенсивные методы и подходы. Так, 1970-е гг., пытаясь стимулировать трудовую активность и повысить производительность труда отраслевых работников, хозяйственныe руководители стали популяризировать формирование укрупнённых комплексных бригад. Как правило, они создавались на базе нескольких трелёвочных тракторов с 2- или 3-сменным режимом работы. О результатах внедрения нового метода комплексной организации лесосечных работ на Дальнем Востоке СССР свидетельствуют следующие показатели: в частности, во многом удалось обеспечить ритмичность производства, достичь оперативного решения вопросов взаимозаменяемости рабочих смежных специальностей, ликвидировать внутрисменные простои, улучшить обслуживание и использование лесозаготовительной техники, что было важным в условиях её нехватки (см. прим. 17, рис. 8-9). Так, в леспромхозах региона выработка на одного рабочего повысилась на 20-25 %, а себестоимость заготовки древесины снизилась. Если малые комплексные бригады работали на трелёвке леса 182 дней, то укрупнённые – от 25 до 26 дней. К 1975 г. только в леспромхозах Хабаровского края трудились 162 укрупнённые комплексные бригады, в которых выработка на одного рабочего

была на 43 % выше, чем в малых комплексных бригадах [6, 304]. И всё же освоение новых производственных мощностей проходило медленно, не в полном объёме использовалась лесозаготовительная техника, приобретённые автоматические линии простаивали из-за отсутствия специалистов, способных квалифицированно обслуживать их. В результате в регионе преобладал вывоз лесосырья в необработанном виде.

Рис. 8. Работа на лесозаготовках.
Лесовоз MAZ 509 (см. прим. 17)

Рис. 9. Деляня лесозаготовителей в зимней тайге. Лесовоз MAZ 7313 (см. прим. 17)

Сдерживающий фактор модернизации заключался в том, что отраслевую технику в основном привозили из центральных районов страны, поэтому ремонтная база предприятий лесозаготовительной промышленности дальневосточной территории постоянно испытывала острую нехватку запасных частей. Немалую роль продолжали играть проблемы государственного финансирования и кадровый дефицит. В частности, ремонтно-механические мастерские в г. Комсомольске-на-Амуре, специализируясь на ремонте лесовозной техники, не имели возможности в полном объёме проводить необходимые работы, поскольку ежегодная мощность предприятия составляла 630 тыс. р., при этом было необходимо 2100 тыс. р. Или завод «Авторемлес» в г. Хабаровске, проводивший ремонт тракторов, мог выполнить работу в объёме 2200 тыс. р., тогда как требовалось его увеличить до 4500 тыс. р. (см. прим. 18) [5, 39-40]. Подобная тенденция, связанная с диспропорцией между ростом темпов отрасли и ремонтной базой, характеризовала противоречивое развитие не только лесной отрасли, но всего ПГК дальневосточной территории.

Не менее важное место в материальном производстве советского Дальнего Востока занимала золотодобыча. Лидерами по промышленной разработке и добыче драгоценного металла выступали Магаданская и Амурская области, Хабаровский край. С 1967 г. начались работы по активному освоению месторождений россыпного золота на территории Колымы и Чукотки (см. прим. 19 – 20, рис. 10-11). В основу были положены расчёты экономистов СОПС, которые утверждали, что именно эти районы наиболее перспективны в плане дальнейшего отраслевого развития. Обосновывали это мнение и показатели роста среднегодовой золотодобычи: с 3,4 % в 1966-1970 гг. до 5,5 % в 1971-1975 гг. Только в 1966 г. в Магаданской области было открыто 31 месторождение золота. Дальневосточные золотодобывающие предприятия входили в состав производственных объединений «Северовостокзолото», «Амурзолото» и др. [4, 285; 6, 173-175].

Помимо сурового климата и сложных погодных условий, серьёзную проблему для отрасли представляла нехватка специализированной техники. Её эксплуатация в основном рассчитывалась на использование в средней полосе СССР, но никоим образом не была приспособлена к природно-климатическим условиям севера. Она достаточно быстро выходила из строя, не проработав до окончания амортизационного срока. Ремонт машин на месте обходился в 3-5 раз дороже, чем в других регионах страны, ежегодно приводя к значительным финансовым потерям (см. прим. 21 – 22). Не меньше хлопот директорскому корпусу золотодобывающих предприятий региона приносили недостатки, имевшиеся в планировании и организации снабжения, узковедомственный подход к решению важных хозяйственных вопросов. В совокупности это способствовало снижению

эффективности производства, уменьшению фондоотдачи предприятий, росту экономических потерь. И вновь экономисты СОПС в своих рекомендациях подчёркивали важность и актуальность принципиального улучшения технического парка и технологии добычи золота на Дальнем Востоке СССР. В частности, требовалось увеличение мощностей землеройных машин, бульдозеров, тракторных скреперов и др., актуализировались задачи применения массовой конвейеризации на подземных разработках россыпей, автоматизации ряда процессов.

Рис. 10. Прииск Ленинградский, Чукотка.
1960-е гг. (см. прим. 19)

Рис. 11. Золотодыча на Колыме драгами.
1970-е гг. (см. прим. 20)

Трудовые коллективы отдельных предприятий смогли достичь определённых успехов в технической модернизации. Например, на приисках комбината «Амурзолото» с 1966 по 1970 гг. инженеры и рабочие самостоятельно смонтировали и ввели в эксплуатацию 6 новых крупнолитражных драг, провели реконструкцию действовавших драг, гидромеханических установок. За этот период был усовершенствован ряд методов разведки, добычи, обработки золотосодержащих пород, снизились потери золота при извлечении. На приисках комбината впервые на Дальнем Востоке СССР стали использовать технологию гидравлического оттаивания золотоносных полигонов с многолетней мерзлотой. В результате применения этого способа ускорились подготовка и ввод в эксплуатацию новых месторождений (см. прим. 23, рис. 12). Директорский корпус приисков объединения «Северовостокзолото» также провёл техническое перевооружение: с 1971 по 1980 гг. в эксплуатацию были введены 220 импортных бульдозерных агрегатов, новые мощные экскаваторы, буровые станки, промывочные установки, но к 1985 г. эффективность их использования снизилась (см. прим. 24 – 25) [7, 146]. В условиях усиления хозяйственного кризиса у многих руководителей постепенно укрепилась практика покупки импортных техники и оборудования, которые по качеству и техническим характеристикам были лучше отечественных.

Рис. 12. Золотодобыча на прииске в Амурской области в 1965 г. (см. прим. 23)

Таким образом, проблемы интенсификации и технической модернизации дальневосточного ПГК на позднесоветском этапе (1965–1985 гг.) усиливались в условиях нарастания хозяйственного кризиса, зеркально отражая общесоюзные тенденции. Сыграли свою роль и региональные факторы, связанные с территориальной удалённостью и особенностями климата Дальнего Востока СССР, наличием диспропорций в развитии индустриального сектора, усилением сырьевого характера экономики, дефицитом централизованного финансирования. Безусловно, управленческая элита всех уровней власти понимала важность проблемы переоснащения и глубокой реконструкции регионального производства, поскольку многие предприятия, построенные ещё в 1920–1930-е гг., представляли собой технологически отсталые индустриальные объекты. Выдвигая на первый план задачи комплексного развития советского Дальнего Востока, высшее советское руководство особое внимание концентрировало на базовых отраслях специализации, которые занимались добычей ценных и экономически важных природных ресурсов (рыба, лес, золото). Однако непоследовательность реализации курса на ускоренное развитие региона, снижение темпов капиталовложений, падение темпов производства способствовали сверхнормативным срокам эксплуатации основных фондов и оборудования. Механизм хозяйствования, всё больше приобретая затратный характер, оставался слабовосприимчивым к техническому прогрессу, поэтому перехода к научно-технологическому типу производства не последовало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галлямова, Л. И. Становление советской системы хозяйственного управления и промышленная модернизация на Дальнем Востоке в 1922–1930-е гг. / Л. И. Галлямова, А. Т. Мандрик // Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 гг. (История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 2). – Владивосток: Дальнаука, 2018. – С. 134–163.
2. Маклюков, А. В. Дальневосточная угольная промышленность в условиях Гражданской войны и интервенции 1918 – 1922 гг. (на примере Сучанских копей) / А. В. Маклюков // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – Т. 19. – С. 66–77.
3. Мандрик, А. Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (1927 – 1940) / А. Т. Мандрик. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 159 с.
4. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960 – 1991 гг.: (История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В. Л. Ларина; отв. ред. А. С. Ващук. – 2-е изд., перераб. – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 904 с.
5. Платонова, Н. М. Основные проблемы развития базовых отраслей экономики юга Дальнего Востока в 1960 – 1970-е гг.: исторический аспект / Н. М. Платонова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 35–44.
6. Платонова, Н. М. Промышленно-гражданский комплекс Дальнего Востока РСФСР (1965–1985 гг.). Опыт исторического развития / Н. М. Платонова – М.: Этносоциум, 2013. – 414 с.
7. Платонова, Н. М. Управление социальными процессами на предприятиях промышленно-гражданского комплекса Дальнего Востока РСФСР (1965–1985 гг.) / Н. М. Платонова // Научное мнение. – 2013. – № 10. – С. 138–147.
8. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет. – Т. 6. 1966 – янв.-июнь 1968 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смирюков. – М.: Политиздат, 1968. – 816 с.
9. Филионова, И. А. Реструктуризация угольной отрасли Приморского края в 1990-е гг. / И. А. Филионова, Д. В. Киба // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2017. – № IV-II (32). – С. 21–23.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С чем связаны успехи российской промышленности. Деловая газета «Взгляд» 27 декабря 2024. – URL: https://finance.rambler.ru/economics/53980668/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 04.05.2025). – Текст: электронный.
2. Развитие Дальнего Востока до 2035 года // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-24092020-n-2464-r/natsionalnaia-programma-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiia-dalnego/iv/> (дата обращения: 04.05.2025). – Текст: электронный.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 399. Оп. 3. Т. 3. Д. 1315. Л. 2.

4. Водный транспорт. – URL: <https://fleetphoto.ru/projects/7999/> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
5. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 58. Д. 11. Л. 135.
6. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 53. Д. 228. Л. 1.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 154. Д. 529. Л. 4.
8. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 2. Д. 726. Л. 6.
9. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 43. Д. 118. Л. 14-15, 18.
10. РГАЭ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 215. Л. 2.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 106. Д. 41. Л. 136.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 145. Д. 427. Л. 15.
13. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1873. Оп. 1. Д. 107. Л. 280.
14. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 2. Д. 728. Л. 6.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9553. Оп. 1. Д. 2023. Л. 204.
16. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 14. Д. 2251. Л. 20.
17. Лесозаготовительные работы // Freepik. – URL: <https://ru.freepik.com/photos/лесозаготовительные-работы> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
18. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 25. Д. 247. Л. 61.
19. Пос. Ленинградский // InfoCream.ru. – URL: <https://infocream.ru/pos/leningradskiy.html> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
20. Золотой бизнес России // Сетевое издание NEDRADV. – URL: <https://nedradv.ru> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 105. Д. 609. Л. 33.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 145. Д. 683. Л. 11.
23. Как добывают золото в Забайкалье и Амурской области // Народная премия Chita.ru. – URL: <https://chita.ru/text/longread/2018/09/10/71077343/> (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 106. Д. 34. Л. 109.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 145. Д. 692. Л. 66.

Content

CULTURAL STUDIES AND ART STUDIES

E. M. Dimitriadi

MOSAIC PANELS IN THE DESIGN OF PUBLIC BUILDINGS
IN THE CITIES OF THE FAR EAST IN THE SECOND HALF
OF THE TWENTIETH CENTURY (USING THE EXAMPLE
OF N. P. DOLBILKIN'S WORKS) 4

L. V. Kovyneva, L. M. Kurbanova, E. V. Pokrovskaya-Bugaeva

ON THE INFLUENCE OF DIGITAL MULTIMEDIA TECHNOLOGIES
ON THE DEVELOPMENT OF MODERN TOURISM CULTURE 11

N. V. Malyshева, L. A. Kazymova

THE CONCEPT «BORDER» IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURE 19

E. A. Musalitina

CHINESE DRAGON: NATIONAL-CULTURAL
SPECIFICITY OF THE WEST'S PERCEPTION OF THE SYMBOL 28

E. A. Musalitina, E. K. Gukalo

THE PROBLEMS OF LINGUISTIC AND CULTURAL
ADAPTATION OF THE RUSSIAN THEATER IN THE CONTEXT
OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE
CULTURAL COOPERATION 37

A. V. Markov, O. A. Shtayn

MASQUERADE PHILOSOPHY 43

O. N. Sova

EXISTENTIAL FOUNDATIONS OF ABSENTEEISM
AS A FORM OF POLITICAL PROTEST
CULTURE IN THE LATIN AMERICAN REGION 51

N. V. Suleneva, E. P. Emchenko

FREE ART OF WIT: YURIY VASILYEV 57

G. T. Titoreva

PROHIBITIONS IN THE TRADITIONAL CULTURE
OF THE EVENES OF PRIOKHOTYE 63

Zhang Yifeng

CALLIGRAPHIC WRITING IN THE HISTORY
OF RUSSIAN CULTURE 69

M. A. Sheremetyeva, E. V. Savelova

ON THE ISSUE OF NATIONAL IDENTITY FORMATION:
FOLKLORE IN THE CONTEXT OF MODERN MASS CULTURE 77

G. A. Shusharina

CULTURAL MEANINGS OF PHYTONYMS
IN THE POETRY OF FAR EASTERN AUTHORS 88

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

T. E. Nalyvayko, Ya. A. Bolotskaya

ANALYSIS OF THE CONTENT OF PROFESSIONAL
COMPETENCES OF BACHELORS IN THE SPHERE
OF ARCHITECTURAL ENVIRONMENT TRAINING 94

HISTORY

O. A. Trubich

THE ANTHROPOLOGY OF STUDENTS' DAYLILIVES
OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL
STUDIES (1899-1909): HISTORICAL ASPECT 101

T. A. Yaroslavtseva, A. V. Yaroslavtsev

THE STATE APARTMENT TAX. HISTORICAL ASPECT
OF THE CULTURE OF HOUSING RELATIONS 111

N. M. Platonova

CONDITIONS AND FACTORS OF TECHNICAL
MODERNIZATION OF INDUSTRIAL AND CIVIL COMPLEX
ENTERPRISES IN THE FAR EAST OF THE USSR (1965 – 1985) 119

Научное издание

Учёные записки КнАГТУ
2025 № VI (86)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Г. А. Шушарина

Подписано в печать 26.09.2025

Дата выхода в свет 30.09.2025

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 14,88.
Уч.-изд. л. 13,65.
Тираж 200. Заказ 31331

Отпечатано:
в типографии КнАГУ
681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27;
в типографии «Агора»
681024,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 39.

